

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

**СИБИРСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**SIBERIAN JOURNAL
OF PSYCHOLOGY**

№ 55

**Томск
2015**

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим периодическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. Журнал адресован профессионалам в области психологии, педагогики и других наук о человеке. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

В настоящее время «Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Включен ВАК в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (Свидетельство ПИ N77-12789 от 31 мая 2002 г.). Учредитель Томский государственный университет. Подписной индекс И54242 в объединённом каталоге «Пресса России»

Журнал индексируется eLIBRARY.RU

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, Факультет психологии; сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Залевский Г.В. – главный редактор (Томский государственный университет, Томск). E-mail: Usya9@sibmail.com

Лукьянов О.В. – заместитель главного редактора (Томский государственный университет, Томск). E-mail: oleg@psy.tsu.ru

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Левицкая Т.Е.** (Томский государственный университет, Томск); **Мещерякова Э.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Муравьева О.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Федерального государственного учреждения «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (НИИ психического здоровья Томского научного центра Сибирского отделения РАМН, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАО, Москва, Россия); **Клочко В.И.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Институт психологии РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАО, Москва, Россия)

Издательство: Издательский дом ТГУ

Редактор К.Г. Шилько; корректор А.Н. Воробьева; редакторы-переводчики: А.А. Шушаникова, В.Н. Горенинцев; оригинал-макет А.И. Лелююр; дизайн обложки Л.В. Кривцова.

Подписано в печать 17.03.2015. Формат 70х108^{1/16}. Усл. печ. л. 11,9. Тираж 500 экз. Заказ № 850.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел. 8+(382-2)-53-15-28. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

The scientific journal "Siberian journal of psychology" publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the "Siberian journal of psychology" commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080

Language: Russian, English

Publication are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–6 months

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenina St., Tomsk, 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-chief – Genrikh V. Zalevsky, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Science, honored scientist of Russian Federation, member of the World Federation of Mental Health. E-mail: Usya9@sibmail.com

Deputy Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Doctor of Psychology (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: oleg@psy.tsu.ru

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskay (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Bogomaz S.A. (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Bokhan T.G.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Galazhinsky E.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Kabrin V.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Kozlova N.V.** (Tomsk State University Tomsk, Russian Federation); **Karnyshev A.D.** (Irkutsk State University, Irkutsk Russian Federation); **Krasnorjadtseva O.M.** (Tomsk, Russia); **Levitskaia T.E.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Meshcheriakova E.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Muravyova O.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Seryi A.V.** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD [Russian Alphabet vise]

Asmolov A.G. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Bokhan Nikolay A.** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russian Federation); **Vasserman L.I.** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russian Federation); **Garber I.E.** (Saratov NG Chernyshevskii State Univ, Saratov, Russian Federation); **Zinchenko Iu.P.** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); **Znakov V.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation); **Malykh S.B.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation); **Klochko V.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Laghi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lombardo C.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lucidi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Takooshian H.** (Fordham University, New York, USA); **Tkhostov A.Sh.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Ushakov D.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

PUBLISHER:

Tomsk State University Publishing House (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation)

Editor K.G. Shilko; proofreader A.N. Vorobieva; editor-translator Anastasia Shushanikova, Valentina Gorenintseva; camera-ready copy A.I. Leloyur; cover design L.V. Krivtsova.

Passed for printing 17.03.2015. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 11,9. Circulation - 500 copies. Orders N 850.

634050, 36 Lenina St., Tomsk, Russian Federation. Тел. +7 (382-2)-53-15-28. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ

Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. Кому и как разрабатывать методологию психологии?	6
---	---

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Аванесян М.О. Понимание переносного смысла на примере метафоры	46
Григорьев А.А., Смирнова О.М., Широпаев А.А. Измерение эстетической одаренности в области литературного творчества	61
Гришунина Е.В., Гришунин Г.Ю. Психологическая помощь как понимание	72
Шерхунаева И.И., Михайлова О.С. Моделирование основных факторов межличностных отношений с помощью методики ДМО Т. Лири	97

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики	107
Браун О.А., Яницкий М.С. Методика оценки репрезентации в массовом сознании базовых характеристик культурных типов по М. Мид	123

CONTENTS

INTERVIEW

Asmolov A.G., Guseltseva M.S. Whom and how is to develop the methodology of psychology?	6
---	---

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

Avanesian M.O. Understanding of figurative language (on the example of metaphor)	46
Grigoriev A.A., Smirnova O. M., Shiropaev A.A. Measuring of aesthetic endowment in the domain of literature	61
Grishunina E.V., Grishunin G.Yu. Psychological care as understanding	72
Sherkhunaeva I.I., Mikhaylova O.S. Modeling of the basic factors of interpersonal relationships using techniques IDP by T. Leary	97

SOCIAL PSYCHOLOGY

Bocharov A.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. The Multidimensional Typology of the Convicted of Extremism Based on the Factor and Cluster Analysis of Psychodiagnostics Results	107
Brown O.A., Yanitskiy M.S. The method of assessment of representation in the mass consciousness of the basic characteristics of cultural types by M. Mead	123

ИНТЕРВЬЮ

УДК 159.9

DOI 10.17223/17267080/55/1

А.Г. Асмолов¹, М.С. Гусельцева²

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)

Кому и как разрабатывать методологию психологии?

Статья представляет собой текст беседы авторов, состоявшейся в 2014 г. Она состоит из двух частей: «Вопросы к учителю» и «Вопросы к ученику», в которых А.Г. Асмолов и М.С. Гусельцева выступают по очереди в ролях интервьюируемого и интервьюера. Статья посвящена дискуссии о проблеме будущего психологии. Представлены обобщения и суждения о тенденциях развития психологии в нашу эпоху. Рассматриваются основные метафоры развития науки. Указывается на необходимость разработки синтетических подходов, удовлетворяющих существующим, подчас противоположным тенденциям, различным «поворотам» в жизни человека и общества. Рассматривается современная специфика кризисов в психологии – множества кризисов во множестве психологий. Представлена необходимость специфического осмысления конструирования психологий как поддержки спонтанных линий развития. Авторы придерживаются позиции культурно-деятельностного подхода.

Ключевые слова: психологизация; риск; тенденции развития; плюрализм; монизм; синтез; кризис; культурно-деятельностный подход.

При самых разнообразных пониманиях того, что же являет собой методология науки или, более точно, методология познания, авторам приводимых ниже диалогов в жанре «зеркального» интервью близка метафорическая характеристика методологии как искусства постановки вопросов. Искусно поставленный вопрос нередко в истории науки приобретает статус проблемы, которую потом решают как дразнящую загадку приходящие на смену друг другу поколения исследователей, теоретиков, мыслителей, представителей различных научных школ, интеллектуальных движений, исследовательских программ и парадигм познания.

В связи с этим хотелось бы обратиться к поставленному в 1873 г. И.М. Сеченовым вопросу «Кому и как разрабатывать психологию?». Обратим внимание на то, что сам этот вопрос оказался не менее значимым, чем многочисленные ответы – ответы бихевиористов и физиологов, к числу которых относился сам И.М. Сеченов, ответы интроспекционистов, ответы

мастеров психоанализа и гештальтпсихологии... Каждый психолог может самостоятельно продолжить этот ряд, а тем самым пройти своеобразный проективный тест на то, к какой научной школе или исследовательской программе он причисляет себя.

Обсудить вечные методологические проблемы, актуальное прошлое и конструктивное будущее психологии авторов воодушевила анкета, предложенная несколько лет назад редколлегией журнала «Методология и история психологии». Ниже приводятся два «зеркальных» интервью, в которых интервьюеры менялись местами и тем самым использовали такой эвристичный прием Ж. Пиаже, как децентрация.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ: ВОПРОСЫ К УЧИТЕЛЮ

Марина Гусельцева: *Александр Григорьевич, как бы Вы охарактеризовали познавательную ситуацию в современной психологии? Каковы, на Ваш взгляд, ее основные черты и ведущие тенденции?*

Александр Асмолов: Каждый раз, говоря о нашей науке, мы должны четко понимать, что время, в которое мы живем, так или иначе задает логику и статус психологии в культуре. Как называется наш век? Он называется по-разному. Одни называют его информационной эпохой, другие – эпохой коммуникаций, однако все чаще и чаще звучат голоса, например социологов З. Баумана и Э. Гидденса, предложивших для характеристики нашей реальности термины «текущая современность» и «ускользающий мир». Несколько лет назад появилось название нашего века, которое мне особенно импонирует: «сетевое столетие».

Эти названия говорят, что мир вокруг нас серьезнейшим образом изменился. Однако что является движущей причиной многих изменений? Я часто вспоминаю слова отечественного исследователя В.И. Вернадского, утверждавшего в начале XX в., что наступает особая эра, которую он назвал «психозойской». Мы – современники эпохи психозоя. Это значит, что окружающие нас ноосфера, семиосфера так или иначе отражают психологизацию жизни. В истории науки термин «психологизация» имеет разные оттенки и к нему амбивалентное отношение. Нам сегодня важно отразить риски этой психологизации в нашем обществе, которое также известный немецкий социолог У. Бек метко называет «обществом риска».

Марина Гусельцева: *И как же развивается в этом социокультурном контексте психология?*

Александр Асмолов: В 1970-е гг. А.Н. Леонтьев предложил метафору: психология должна развиваться «в ствол». Метафора «ствола» четко передает установку А.Н. Леонтьева на необходимость единства и монолитности психологической науки. Другой наш исследователь, Б.Ф. Ломов,

оппонируя А.Н. Леонтьеву, утверждал, что психология должна развиваться «в куст». Эта дискуссия явно или неявно продолжается в современной психологии, в борьбе между сторонниками психологии, пытающейся «объять необъятное» и сохранить идентичность, и психологии, отвечающей на сиюминутные вызовы времени, прежде всего это вызовы практики. Глядя на психологию сегодняшнего дня, я бы сказал, что в большей степени отражающей нашу реальность оказалась метафора Б.Ф. Ломова.

Марина Гусельцева: *А я бы вообще не стала эти вещи противопоставлять, а рассмотрела как антиномии – в логике И. Канта, отражающие глубину и полноту мира.*

Александр Асмолов: Тем не менее сегодня психология стала развиваться «в куст». Она стала терять свое дерево. Хотя, соглашусь, такое развитие является нормальным, и за полярностями «куст» и «ствол», за этими метафорами, стоят разные моменты. Первая линия анализа – либо интеграция науки, либо ее дифференциация. Вторая линия, связанная с данной метафорой, – это либо универсализация науки, либо ее узкая специализация. Третья линия связана с попыткой создания монистических или плюралистических картин мира. По сути дела – это нормальные тенденции развития науки XXI в.

Марина Гусельцева: *Вот-вот, в нормальном развитии науки присутствует и то, и это в форме как сменяющих друг друга ритмов, так и сосуществования.*

Александр Асмолов: Являясь эволюционным оптимистом, я считаю, что при «кустовом» развитии психологии (последствием которого выступили несколько кризисов, которые мы обсудим в дальнейшем) должно прийти время синтетических подходов в психологии, не противоречащих «кустовому» подходу.

Марина Гусельцева: *Так оно и пришло, это время! Интеграция шла одновременно с дифференциацией, только мы не умели некоторые процессы увидеть, а теперь, благодаря работам вышеназванных философов и социологов, у нас появилась новая методологическая оптика; возникли подходы, предложившие совсем иную логику анализа, и этим неожиданные. В одно и то же историческое время одни исследователи сетуют, что «нет синтеза», тогда как другие, напротив, видят новые синтезы – это проблема исследовательской оптики, способности взгляда (перефразируя семантику И. Канта, «способность суждения»). Особенность нашей эпохи – открывшееся разнообразие перспектив (возможностей видения), что повлекло за собой и движение «новых методологий». Однако давайте вернемся к теме кризиса, ведь и его трактовка в психологии неоднозначна: там, где пессимисты вздыхают: «кризис, кризис», та-*

кие исторические оптимисты, как В.П. Зинченко, восклицают: «не кризис, а расцвет!».

Александр Асмолов: В те годы, когда Л.С. Выготский написал работу «Исторический смысл психологического кризиса», когда вышла книга К. Бюлера «Кризис в психологии», они говорили о том, что нет одной, нет единой психологии, а есть множество психологий. Сегодня же у нас не кризис в психологии; у нас сегодня кризисы разных психологий. И эти кризисы проявляются в следующих моментах. Первое, это кризис научных школ. Отмечу, что этот кризис научных школ происходит не только в психологии, но и в других науках. Сам конструкт «научная школа» в эпоху постмодернизма все более начинает вызывать у меня сомнение.

Марина Гусельцева: *Всё так, но сама интерпретация того или иного феномена как кризиса – не выдает ли она наше желание удерживать уходящее время, консервировать старые парадигмы? Ведь прибегнув к конструктам основателя отечественной сравнительной психологии В.А. Вагнера, мы можем сказать, что научные школы эволюционируют из «чистых линий» в смешанные исследовательские движения. Так называемый феномен исчезновения научных школ (Х. Люк) уж я бы точно не драматизировала: возможно, мы наблюдаем нормальный процесс трансформации, где на смену старым организационным формам (научным школам) приходят новые, например интеллектуальные коммуникативные сети (концепция социолога Р. Коллинза)?*

Александр Асмолов: Вместе с тем последствием кризиса школ является следующее. Научные школы задавали образцы культуры, научные школы задавали культурные парадигмы, на которые следует равняться и ориентироваться, они приносили, как говорил Мандельштам, вкусы и стили мышления. При кризисе научной школы, будь то школа психоанализа, школа культурно-исторической психологии, школа когнитивной психологии, мы сталкиваемся с тем, что если не рефлекслируем кризисы этих школ, мы начинаем уходить в практицизм и мелкотемье, в результате возникает эффект Вавилонской башни. Психологи, собираясь на своих съездах и конференциях, оказываются людьми, говорящими на разных языках, часто не слыша и не понимая друг друга.

Марина Гусельцева: *Но это опять одна сторона медали: нельзя не признать, что в этом же контексте возникают и совсем иные культурные образцы; что «авангардный» исследовательский мир стихийно (начиная с 1990-х, а то и с 1960-х гг.) прилачился иметь дело со смешанными подходами и методологиями. Это показывает даже самый поверхностный анализ англоязычной периодики. Одновременно с этим возникают проекты, входя в которые, – уж не скажу про психологов, но гуманитарии демонстрируют такие образцы – и слышат друг друга, и активно коммуницируют. Примером сказанного служат движения «антропологического*

поворота», «новой антропологии культуры»; своеобразная «лаборатория жизни» (метафорический конструкт Ю.М. Лотмана) возникла вокруг гуманитарного просветительского проекта И.Д. Прохоровой – издательства и журнала «Новое литературное обозрение», ряда иных журналов. Более того, в наши дни это скорее дело собственных усилий и ответственности исследователя: если не организовать вокруг себя, то хотя бы найти творчески поддерживающую среду. В этой связи люблю французскую поговорку: *qui veut, il peut* – кто хочет, тот может...

Александр Асмолов: Слова «авангардный исследовательский мир», опережающий другие миры, меня слегка насторожили: ты ведь имеешь в виду западных (в широком смысле этого слова) психологов? Однако последствием кризиса научных школ в нашей современной реальности является появление копирующих психологий и «эффект спины». Мы всегда находим кого-то, кого называем великаном сегодняшнего дня, пытаемся бежать за ним. Подобного рода копирующие техники научного мышления основатель Психологического института и одной из первых отечественных научных школ Г.И. Челпанов называл «приват-доцентской психологией», психологией копирования образцов.

Пойми меня правильно. Копирование и репродукция – вещь хорошая, но когда мы копируем или репродуцируем и не оцениваем того колоссального явления культурных парадигм, которые дали наши собственные школы, мы оказываемся потерявшимися, неинтересными для других и переставшими видеть будущее. Этот риск проявляется в шоке настоящего, а не только в шоке от будущего, как писал Э. Тоффлер: риск превращения отечественной психологии в приват-доцентскую психологию.

Марина Гусельцева: *А я со своей стороны сделаю придирку к слову «мы». Кто такие эти мы? Среди современных исследователей представлены разные позиции и способы отношения как к зарубежному опыту, так и к интеллектуальному наследию; они довольно разнообразны: есть непосредственное следование традиции; есть опора на традицию с привнесением своего ракурса видения; есть опровержение традиции; есть диалог с традицией; есть радикальная переинтерпретация традиции; есть игнорирование традиции и т.п. На мой взгляд, главное, чтобы существовали свобода позиций и диапазон выбора, а не привязанность к одному способу видения реальности. И, кстати сказать, это как раз в духе движения новых методологий...*

Александр Асмолов: Разнообразие – замечательная вещь, и я сам его очень люблю. Однако второй риск в ситуации, о которой я говорю, заключается, повторяюсь, в том, что сегодня не кризис в психологии, а кризис психологий. Мы сталкиваемся с тем, что, по сути дела, если психология будет и дальше развиваться только «в куст», а не «в ствол», наступит еще один кризис – кризис профессиональной идентичности психологов, когда

психологи в буквальном смысле потеряют свое Я, утратят свое понимание как представители психологической науки и навигацию, куда им двигаться в современном мире.

Марина Гусельцева: *Вы сейчас сказали о развитии «только «в куст», а не «в ствол»», но мне настойчиво представляется, что это скорее идеальная модель (т.е. все-таки способ видения), нежели имеющаяся реальность. В мире такого рода пуризма сегодня практически нет, а возникают разные сложные конфигурации; иное дело, что конкретные люди выбирают ту сферу исследований, которая близка их собственному интеллектуальному стилю. В том мире, где культивируется интеллектуальная свобода, начинают действовать механизмы самоорганизации; исследователи более рефлексивно и избирательно относятся к собственным научным коммуникациям, выстраивают индивидуальную поддерживающую среду. Иными словами, мне представляется, что в наши дни для членов психологического сообщества гораздо важнее уходить от патернализма, т.е. самому нести ответственность за конструирование собственной профессиональной идентичности, а не надеяться, что эти проблемы будут решать за них другие: теоретики, методологи, политики от психологии, вожди...*

Александр Асмолов: Затронутая тобой тема ответственности и самоконструирования профессионального пути наводит меня на другую мысль. Кризис профессиональной идентичности связан с еще одним кризисом, а именно кризисом профессионального развития психологов. Обрати внимание, и я поверну разговор на близкую мне тему образования, ведь мы критикуем даже школу (не научную школу, а общеобразовательную школу) за голый вербализм, за то, что там присутствуют преимущественно вербальные способы работы. Вместе с тем в высшем образовании, в том числе в психологическом образовании, тоже преобладает этот вербализм, и мы являемся пленниками вербализма. Происходит парадокс: если сегодня произошла психологизация школьного образования, и с первого сентября в школу по новым стандартам, основанным на культурно-деятельностной психологической парадигме, идут сотни и сотни тысяч первоклассников; если здесь стандарты строятся на системно-деятельностном подходе, то в нашей психологии при подготовке психологов мы хотя и говорим о мастерских, о практиках, но все равно вербальные методы преобладают. И в связи с этим задача методологов – задуматься о путях и матрицах создания того, чтобы действительно, говоря о практических вещах, мы понимали, насколько должна измениться реальность в этом процессе.

Марина Гусельцева: *С этим нельзя не согласиться, однако здесь снова акцентированы аспекты конструирования социокультурной реальности, а на мой взгляд, гораздо важнее (и в наших методологических работах тоже) напирать на труд самоформирования; на культивирова-*

ние свободы творчества, смелости необычных путей; иными словами, не ждать чего-то от авторитетов и вышестоящих лидеров, а двигаться самому...

Александр Асмолов: Общение с тобой мотивирует меня обратиться к конструкту различных типов рациональности, твоей исследовательской теме. Сегодня как никогда мы должны четко понять через методологическую оптику – оптику неклассической и постнеклассической рациональности, что с нами происходит? Прав был Нильс Бор, когда говорил, что наблюдатель и наблюдаемое – две вещи неразрывные. И в этом смысле мы сами конструируем разные психологии: как только мы что-либо постулируем и проецируем как объект своих исследований, мы порожаем психологию, соответствующую этому объекту.

Марина Гусельцева: *Насколько тема методологической оптики отрефлексирована в тех или иных психологических школах? З. Фрейд зафиксировал в качестве феномена проекции способность увидеть в реальности отражение собственных проблем. Здесь не было термина «конструктивизм», однако психоанализ – как раз активно конструирующая собственного пациента практика...*

Александр Асмолов: Когда в фокусе внимания психолога оказывается «пациент», конструируются клиническая психология и клиническая практика. Это совершенно самостоятельная психология. И неслучайно специальность «клиническая психология» выделена как отдельная специальность. Когда в фокусе внимания, прежде всего экспериментальной психологии, оказывается такой ее излюбленный объект, как «испытываемый», то создаются экспериментальная психология, когнитивная психология, психофизика и другие важнейшие направления психологии как экспериментальной науки. И, наконец, когда мы именуем объект наших приложений «клиентом», оформляются психотехнические, инженерно-психологические, эргономические направления психологии.

Тем самым я утверждаю, что эти «частичные» реальности в психологии связаны с разными ориентациями исследователей – ориентациями на «пациента», на «клиента», на «испытываемого»; с особым же трудом происходит становление еще одной ориентации – ориентации на целостного человека, прежде всего в экзистенциальной и культурно-деятельностной психологии. Психология, ориентированная на «испытываемого», на «клиента», на «пациента», на «человека», – суть разные психологии, которым трудно договориться друг с другом. Еще труднее занять метапозицию, увидеть ценность и взаимодополняемость всех этих линий и интеллектуальных стилей в нашей науке.

В наши дни ярко звучат идеи междисциплинарности психологической науки и ее полипарадигмальности, когда мы ищем контакты с культурной антропологией, когда когнитивистика становится реальностью. Это

свидетельствует, что у нашей науки при всех обозначенных кризисах открываются большие перспективы. Нам нужна коллективная рефлексия, новая соборность, чтобы мы не были одиночками или волками, где каждый поет свою песню, как Акела на скале Совета.

Марина Гусельцева: *Как носитель постмодернистского духа одновременно и соглашусь с этим, и возражу: ответственного индивидуализма, протестантской этики не хватает нашей стране и научному сообществу; т.е. инициативы, когда исследователю и, более того, гражданину и человеку не нужен поводёр, а он сам, оказавшись tête à tête с реальностью, творит и психологию, и собственную профессиональную идентичность. Лишь выделавшись Индивидуальностью (я сейчас упускаю традиционное для нашей культуры понимание социальной сущности человека), можно вступить в полноценные коммуникативные отношения с Другим; в равноправные партнерские отношения; сформировав свои взгляды, отрефлексировав позиции, интернализовав интеллектуальное наследие посредством «творческой самодетельности». Иными словами, задача обретения индивидуальности представляется мне гораздо более актуальной. В этой связи опасуюсь призывов к коллективной рефлексии и новой соборности. Обращу также внимание на парадокс: именно воспитанные в духе коллективизма советские люди практически не способны к гражданской солидарности, тогда как современные европейцы и американцы – с их пресловутой этикой индивидуализма – гораздо более склонны к солидарности и взаимопомощи. Отсюда делаю радикальный вывод: прежде «новой соборности» должна возникнуть осознанная индивидуальность, ибо подлинная солидарность возможна лишь среди психологически зрелых людей; в противном случае мы имеем дело с феноменами массовой психологии, толпы, секты и т.п. И я бы здесь выделила наиболее опасный риск нашего времени – регресс к простоте, возвращение в архаику!*

Александр Асмолов: Психология как никогда сегодня отзывается на идеалы времени, и эти идеалы выступают в качестве прожектора, высвечивая ряд направлений психологии. В ряде своих недавних публицистических статей я затронул тему «нашествия варваров», «психологической депортации России», пришествия «грядущего хама», в которых пытаюсь осмыслить вопрос: «Трудно быть человеком?»¹. Наряду с идеалами справедливости, идеалами равенства в общественном, аксиологическом сознании идеал безопасности стал одним из идеалов общества риска...

¹ Асмолов А.Г. Нашествие варваров // Новая газета. 2014. № 50. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/63508.html>; Он же. Психологическая депортация России // Новая газета. 2014. № 84. URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/64656.html>; Он же. Грядущий хам стал хамом нынешним // Colta.ru. Всё о культуре и духе времени. 2014. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/4588>.

Марина Гусельцева: В этой связи добавлю ремарку, насколько нам сейчас важны исследования, показывающие, что гораздо лучше справляются с вызовами общества риска люди, толерантные к социокультурной неопределенности, сами конструирующие собственную жизнь. Иными словами, один из конструктивных способов жить в «текущей современности» – это принять ответственность за свою идентичность, за свое общество и сообщество на себя.

Александр Асмолов: С позиции исторического оптимиста замечу, что наряду с идеалом безопасности у нас возникают новые направления психологии, например психология оптимального счастья, идеал счастья. И возникает позитивная психология.

Марина Гусельцева: Вот это действительно позитивно! О счастье как социальной ценности несправедливо мало говорится в контексте нашей психологии. А ведь это связано с важнейшими темами антропологии повседневности – искусством жить, самостроительством личности, культурой образа жизни, разнообразием стилей жизни...

Александр Асмолов: В свою очередь психология индивидуальности и психология личности всегда была и будет связана с идеалом свободы.

Марина Гусельцева: Да, это и мое любимое: идеалы свободы, свободомыслие как самоценность...

Александр Асмолов: Развитие психологии индивидуальности и психологии личности, за ними стоит идеал свободы. Связь психологии, ее направлений с разными идеалами – это то, что нам крайне важно понять.

Марина Гусельцева: И отрефлексировать разные философии и антропологии, скрывающиеся за разнообразными видениями психологии.

Александр Асмолов: И, наконец, крайне важно понять, что в современной ситуации дефицита ценностных ориентаций и ориентиров именно психология, как в свое время говорил А.А. Богданов², может взять на себя функцию идеологии нашей науки: и науки, и общества. Психология задает те или иные идеологические матрицы, так было, так есть и так будет. Особенно актуально, когда это происходит в психозойскую эру.

Марина Гусельцева: Я бы это даже острее сформулировала: миссия психологии как социальной науки – гуманизировать общество.

² См.: Богданов А.А. Из психологии общества. Статьи 1901–1904 гг. СПб., 1904.

Александр Асмолов: Итак, закольцовывая к началу нашей беседы: сегодня между собой играют и спорят парадигмы конструктивизма, парадигмы когнитивизма, культурно-деятельностные парадигмы. Современная психология, как отмечал основатель биопсихологии В.А. Вагнер (и ты совершенно правильно в этой связи ссылаешься на него в монографиях, рисуя картину эволюции психологического знания), эволюционирует не по прямым, а по смешанным линиям развития. В этой эволюционной логике именно диалоги между разными школами создают насыщенное настоящее и перспективное будущее нашей психологии.

В рефлексиях настоящего и размышлениях о будущем мне часто приходят в голову следующие строчки Александра Галича:

«И всё так же, не проще,
Век наш пробует нас:
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь?
Можешь выйти на площадь,
В тот назначенный час?!
Где стоят по квадрату
Растянувшись полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!»

Марина Гусельцева: *Отличное завершение первого смыслового блока нашей беседы! Отсюда, с высоты этой романтической ноты, обсудим теперь более прозаические методологические проблемы. Итак, каждая культурно-историческая эпоха ставит перед наукой свои вопросы, но ведь есть и пресловутые вечные проблемы психологии. Какие нерешенные задачи, на Ваш взгляд, можно было бы отнести к разряду вечных и актуальных проблем психологической науки?*

Александр Асмолов: Одна из самых нерешенных проблем психологии – это проблема ее разорванности на естественную, гуманитарную и духовную линии. Эти линии часто не пересекаются, они, как правило, разрабатываются независимо, и поэтому необходим как никогда серьезный в широком смысле этого слова антропологический синтез, понимание психологии как своего рода конструктивной антропологии реальности. Эта задача не решена на сегодняшний день, и отсюда психология бьется в своем самоопределении как наука, не всегда рефлекслируя, что самоопределение возможно через отношение к другим наукам и через отношение к той изменяющейся реальности, в которой она существует. Это первое.

Вторая проблема: мы должны осознать тот тезис В.И. Вернадского, который я ранее обозначил, – мы жители психозойской эры, а значит, уникальные работы по эволюции П. Жане, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева должны быть перевернуты в своей логике: не изучение эволюции психики (что было сделано и что невероятно важно), а изучение психики (говоря

языком замечательного биолога А.Н. Северцева) как фактора эволюции. Это совершенно другая логика, эта логика крайне важна, и поэтому хотелось бы увидеть дальнейшее развитие этих идей.

Третья проблема – психология как наука о конструировании миров. Она совпадает с первыми двумя, и здесь самое опасное, если мы слову «конструирование» придадим инженерный смысл и выступим как своего рода носители технократического стиля мышления. Есть биологическая инженерия, или генная инженерия, есть социальная инженерия и, как говорил Г. Спенсер, никакая социальная алхимия не изменит самых свирепых инстинктов. Поэтому мы должны, как ни странно, мыслить конструирование как поддержку спонтанных линий развития, а не как насилие над развитием. В этом смысле это совершенно другое, «мягкое», говоря языком В.В. Налимова, понимание идеологии конструирования – умеренное конструирование, умеренный конструктивизм. Меня все время тянет на подобного рода термины, чтобы не подумали, что слово «вмешательство» носит характер грубого воздействия на природу. И в этом смысле мне близко понятие А. Бергсона «творческая эволюция», которое раскрывает разнообразие линий жизни.

И, наконец, недооценено понятие Л.С. Выготского, которое потом разрабатывалось и М.К. Мамардашвили, – это понятие «снятая форма» (и «превращенная форма» – другой совершенно контекст у М.К. Мамардашвили). На самом деле, мир вокруг нас – это мир «снятых форм». Это означает, что психология уже осела на мире, породила новые интенционально-предметные измерения: поля значений и поля смыслов (А.Н. Леонтьев, К. Левин, А. Шюц подчеркивали это), что мы уже с физическим миром не имеем дела, а всегда живем в феноменологическом мире, и что даже для естественных наук все начинается с феноменологии, в которой действует формула «субъект и объект – вещи неразрывные», отсюда размазывается по всей поверхности оппозиция субъективности и объективности – ее нет, и категория деятельностного анализа снимает оппозицию субъекта и объекта, если мы используем категорию деятельности как «полевую» категорию». В этом смысле первыми разработчиками деятельностного подхода в XX в. я считал и продолжаю считать не только Л.С. Выготского или А.Н. Леонтьева, но и Курта Левина, поскольку его концепция преднамеренной деятельности показала нам «деятельность как поле», но, увы, ушла от идеи развития.

И, наконец, психология как антропология должна стать, как говорил А.Н. Леонтьев, не только действительной, но и действенной наукой. А действенная наука должна пронизывать современные программы образования, программы здравоохранения, современные программы, за которыми стоят социальные практики – психопрактики, психотехники, смыслотехники. И не случайно поэтому сейчас такой запрос на клиническую психологию.

Следующая линия, которая не завершена, сформулированная как загадка В. Виндельбантом и Г. Риккертом, связана с оппозицией номотетического знания и идиографического знания. Номотетическое знание тянет нас к обобщению и синтезу, но я всегда вспоминаю, когда речь идет о

мощных синтетических установках, что обобщение может вообще взлететь над действительностью и потерять точку опоры. Как сочетаются номотетический и идиографический анализы? Здесь как раз важны сегодняшние тренды макро- и микроанализа. Я бы всегда связывал идиографию с микроисторией, потому что здесь, когда мы переходим к феноменологии индивидуальности, перевод адлеровской концепции как «индивидуальная психология» неточен. На самом деле он писал «психологию индивидуальности», а не «индивидуальную психологию».

Еще одна линия, которую я бы обозначил, – это разработка телеологических поведенческих систем. И здесь непревзойденным является человек, сумевший через иерархические уровни связать культуру, предметность и физиологичность в широком смысле слова. Я имею в виду работы создателя физиологии активности Н.А. Бернштейна. Эти линии нашли свой не прямой отклик в цикле работ о целеустремленном поведении Э. Толмена, целенаправленном, если более точно. Они нашли отклик в работах Н. Винера и ряда других авторов о кибернетике. Особо сошлюсь на книгу Р. Акоффа и Ф. Эмери «О целеустремленных системах» (1974), посвященную субъективной и объективной телеологии. Будущее ищет себя, и мы каждый раз строим образ потребного будущего и настоящего. Эта логика, идущая от Б. Спинозы, логика, в контексте которой мир является причиной самого себя, где мы не ищем внешних детерминаций, а выступаем как «фонтанирующая спонтанность», применяя любимый термин М.К. Мамардашвили, двигаясь по этому пути, мы переходим от целевого анализа в области методологии к мотивационному анализу в области психологии, и я мечтаю о том, чтобы каждый психолог был специалистом по мотивационному анализу.

Следующая нерешенная проблема – релятивистская проблема изучения «подвижного в подвижном». Психология всегда утрачивает различные «мерности». Гештальтисты работали больше со зрительным полем, чем со зрительным миром. А.А. Ухтомский и Н.А. Бернштейн пытались поженить пространство и время, предлагая разные трактовки понятия «хронотоп». П.П. Блонский не раз говорил о том, что поведение может быть понято только как история поведения. Как постичь изменяющееся явление в изменяющемся пространстве? Как уйти от застывших схем анализа природы в стиле классической физики?

Лет двадцать назад, когда я бился над этими вопросами, на меня нашло озарение: я сформулировал подход к психологии личности как психологии изменяющегося человека в изменяющемся мире, взяв в качестве эпиграфа слова Ж. Верна «подвижное в подвижном» (*mobilis in mobili*). Считаю, что логика, посредством которой мы рассматриваем изменяющуюся реальность, текущую реальность, изменяющегося человека в изменяющемся мире, заставляет нас перейти к совершенно другой системе координат понимания и антропологии, и психологии, и социологии, и истории. Однако одно дело декларировать этот переход, совсем другое дело – пытаться воплотить его в своих книгах, где последовательно от «Деятельно-

сти и установки» шла попытка воссоединения прошлого, настоящего и будущего: по формуле – человек строит свое настоящее как реализацию образа будущего.

Что такое установка – это эскиз будущего и одновременно готовность к нему. Что такое деятельность – это интенциональное воплощение будущего в изменяющемся мире. Поэтому здесь, как меня учили грузинские психологи, спорить о том, что первично, что вторично, – это нонсенс. Я всегда говорю, что важно разделять методологические и онтологические планы анализа любой реальности. Замечательный психолог Ш.А. Надирашвили говорил мне: согласитесь, что первична любовь, а любовь – это установка, а без нее нет деятельности. И я видел в этом не только игру слов, а психологическую правду. И попытка воплощения этих идей в монографии «Деятельность и установка» (1979) явилась для меня первой попыткой поиска коммуникации между разными школами и парадигмами, стремлением уйти от познавательного эгоцентризма и советского монотеизма. В личностном же плане скажу, что каждый раз, когда мы влюблялись в одну школу, мы превращались в методологических эгоцентриков.

Для меня важно не разрубать естественнонаучную психологию и гуманитарную психологию. Отсюда предложенный мной историко-эволюционный подход в психологии – не случайное сочетание: методологически ошибочно разрывать историю и биологическую эволюцию. Не хочу уступать физиологию физиологам. И в этом смысле в дневниках Л.С. Выготского было точно написано, что мы занимаемся не физиологической психологией, а психологической физиологией. Эта логика прошла через работы трех великих исследователей: Н.И. Введенского, А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна. Когда мы говорим о функциональных органах, повторяем вслед за Н.А. Бернштейном, что «задача рождает орган», мы намечаем перспективы синтеза естественнонаучной и гуманитарной психологии.

Наконец, для меня весьма значимо, что категория деятельности в широком смысле стала междисциплинарной категорией. Когда мы видим, как работает категория «деятельность» в экономических теориях, это важно. Когда мы раскрываем роль категории деятельности в работах по социологии и философии (я имею в виду теории М. Вебера, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса), это важно. И не столь значимо, с какого рода действиями работают создатели этих теорий – коммуникативное действие, социальное действие или рациональное действие. Важно, когда в работах ведущих экономистов, в том числе лауреата Нобелевской премии Д. Канемана, мы видим совершенно другие тренды, которые не замечаем, если будем оставаться в рамках узкого профессионального сообщества. Поэтому выход к широкому community и превращение культурно-исторической психологии в культурно-деятельностное движение либерального характера – для меня это миссия и задача.

Нерешенным проблемам психологии нет числа. Я начал свою игру в жизни с атаки на самую детерминистскую область психологии по имени

психофизика Г. Фехнера и психофизика С. Стивенса. Меня шокировала формула С. Стивенса, что психология есть исключительно там, где господствует измерение. У меня вызывало сомнение, что каждый раз мы строили эксперименты как создание сверхискусственных миров, забывая, что при этом мы имеем дело с частичным человеком. Меня огорчало, что мы разрываем человека, как говорил Д. Дидро, на секты глаз, ушей и т.д., теряя тем самым человека. Поэтому работа «От психофизики чистых ощущений к психофизике сенсорных задач» (1974), написанная вместе с моим первым учителем М.Б. Михалевской, задала мне логику атаки на мир жесткого детерминизма. Ближе были лапласовские вероятностные миры, и во всех своих действиях я не хочу отдавать естественную парадигму классическим естествоиспытателям. Я хочу, чтобы историко-эволюционная парадигма изменила и помогла нам понять, что деление на естественные науки, на социальные науки, на гуманитарные науки, бихевиоральные и ментальные науки, на нейронауки уйдет в прошлое, потому что в мире все когнитивно сложнее. Мы остаемся рабами систематизации в стиле Карла Линнея, где мы сами все разложили на полочки, а потом этим полочкам придали онтологический статус. Все сложнее. Каждый раз надо, как говорил В.В. Налимов, когда сложил один пасьянс, смешать карты, чтобы увидеть новую реальность, и опять попытаться его сложить.

Марина Гусельцева: *Итак, наше время характеризуется трендами интеграции научного знания, междисциплинарности, глобализацией и одновременно повышенной чувствительностью к культурной специфичности. Можем ли мы в современной психологии выделить ведущие проблемы и темы, которые позволят объединить психологов разных стран или психология будет продолжать развиваться в логике рассеивающего отбора и методологической поддержки разнообразия?*

Александр Асмолов: Ключевой темой для меня остается задача разобщенности психологии и отсюда – плохое видение психологиями друг друга. Когда-то я с восторгом воспринимал задачу Л.С. Выготского, когда он цитировал слова, что «есть множество психологий, но нет единой психологии». Сейчас я считаю, что есть множество психологий, и главное – найти между ними коммуникацию и диалог, а не доказывать, что может быть только одна монопсихология. Вот эту проблему, а за ней стоит эволюционный смысл психологического познания, я ощущаю с достаточно болезненной остротой.

Марина Гусельцева: *Здесь, на мой взгляд, нам бы следовало поговорить о проблеме коммуникативности науки, а также о том, каким образом современный культурно-деятельностный подход позволяет объединить такие разные исследовательские направления, как когнитивистика и культурно-исторический анализ мотивации?*

Александр Асмолов: В наши дни все чаще раздаются голоса о том, что культурно-деятельностная психология, как бы мы ее ни называли – культурно-историческая психология, социокультурная психология, социально-генетическая психология, деятельностный подход в психологии, теория деятельности, международные культурно-деятельностные исследования или международные культурно-исторические гуманистические науки, – с каждым годом все более и более превращается в историю науки, становится прошлым психологии, а не ее настоящим и будущим. При этом речь, в первую очередь, идет о восприятии западными психологами современных культурно-психологических исследований в России. Чтобы не быть голословным, сошлемся лишь на некоторые работы, вышедшие на Западе в последние десятилетия: *Daniels H. An Introduction to Vygotsky* (second edition). London: Routledge, 2005; *Daniels H. Vygotsky and Research*. London: Routledge, 2008; *Daniels H., Cole M., Wertsch J.V. (Eds.). The Cambridge Companion to Vygotsky*. New York: Cambridge University Press, 2007; *Daniels H., Edwards A., Engeström Y., Gallagher T., Ludvigsen S.R. Activity Theory in Practice: Promoting Learning Across Boundaries and Agencies*. London: Routledge, 2009; *Daniels H., Hedegaard M. (Eds.). Vygotsky and Special Needs Education: Rethinking Support for Children and Schools*. London: Continuum, 2011; *Engelsted N., Hem L. Mammen J. (Eds.). Essays in General. Psychology. Seven Danish Contributions Presented to Henrik Poulsen*. Aarhus University Press, 1989; *Engeström Y. The Future of Activity Theory: a Rough Draft // Learning and Expanding with Activity Theory / A. Sannino, H. Daniels, K.D. Gutiérrez (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 303–328; Harré H.R., Moghaddam F.M. Psychology for the Third Millennium*. London, Los Angeles: Sage, 2012; *Hedegaard M., Chaiklin S. Activity Theory and Social Practice: Cultural-Historical Approaches*. Aarhus, Denmark: Aarhus University Press, 1999; *Kaptelinin V., Nardi B.A. Acting with Technology: Activity Theory and Interaction Design* Cambridge, MA: MIT Press, 2006; *Kozulin A., Gindis B., Ageyev V., Miller S. (Eds.). Vygotsky's Educational Theory in Cultural Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; *Oers B. van, Wardekker W., Elbers E., Van der Veer R. (Eds.). The Transformation of Learning: Advances in Cultural-Historical Activity Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; *Shotter J. Conversational Realities: Constructing Life through Language* (Inquiries in Social Construction series). London: Sage, 2008. *Learning and Expanding with Activity Theory, 2009; Valsiner J. (Ed.). The Oxford Handbook of Culture and Psychology*. New York: Oxford University Press, 2012; *Valsiner J., Rosa A. (Eds.). The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; *Valsiner J., Van der Veer R. The Social Mind: Construction of the Idea*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2000; *Van der Veer R. Lev Vygotsky*. London: Continuum International Publishing Group. 2007; *Van der Veer R. Vygotsky in context: 1900–1935 // The Cambridge Companion to Vygotsky / Daniels H., Cole M., Wertsch J.V. (Eds.). New York: Cambridge University Press, 2007. P. 21–49; Wertsch J.V. Mind as Action*. New York: Oxford University Press, 1998;

Yamazumi K. (Ed.). Building Activity Theory in Practice: Toward the Next Generation. Osaka: Kansai University Press, 2006.

Однако я рассматриваю эту критику как вызов, помогающий отрефлексировать нашу культурно-деятельностную школу в качестве системы мышления, хотя и возникшей в прошлом веке, но тем не менее претендующей на роль одной из ведущих методологий коммуникации гуманитарного и естественного познания.

Марина Гусельцева: *В одной из работ, к сожалению, уже ушедшего от нас социолога Г.С. Батыгина методология определяется автором как «определенная оптика» исследователя, как его взгляд на мир. Чем является методология для Вас? В чем заключается личностный смысл методологии?*

Александр Асмолов: Для меня методология – это, прежде всего, создание культуры мышления. Поэтому для меня методология выступает как наука, занимающаяся мышлением о мышлении. И в этом смысле быть методологом – это значит осознать и создать эту культуру. Мне очень близко понятие «мыслительные инструменты», предложенное Дж. Верчем. Нарботка таких инструментов, наработка «оптических линз», через которые мы можем видеть реальность, называйте это философская оптика, а не физиологическая оптика, как у Г. Гельмгольца, но эта оптика нам нужна. Поэтому искусство методологии – это искусство смены оптик. Если мы этим искусством начинаем владеть, то мы не сбиваемся, а более видим когнитивную сложность реальности. Методология призвана дать нам возможность увидеть когнитивную сложность реальности, и методология всегда вписана в то направление, которое я называю социальная биография науки. Она не может идти без погружения не только в культуру мышления, но и культуру времени. Она должна все время быть открыта для культуры времени и не бояться этого времени.

Марина Гусельцева: *Издrevле (вспомним софистов) прослеживается такая исследовательская позиция, что в основе нашего взгляда на мир, даже самого строго научного подхода, уже изначально лежит определенная аксиология, и ее можно выбрать, принять, признать, но не доказать свою правоту другому. В современной психологической науке сосуществуют самые разные методологические установки (монизм, либерализм, плюрализм), какая из них представляется Вам наиболее родной и близкой?*

Александр Асмолов: Я всегда боюсь ограничить себя, жестко сказав, что я исповедую методологический либерализм, методологический монизм и т.д. и т.п. Для меня разработка методологии науки – это не разработка отдельной позиции. Я еще раз хочу повторить: методология погружена в культуру, и поэтому, когда мы говорим о методологии, мне ближе всего все-таки понятие «релятивный смысл методологии». Какой

удобно вкладывать смысл в это. И когда за релятивистской методологией выступает логика «сочетания несочетаемого», — это мне близко. Если угодно, если бы я выбирал художника, которого я использовал как методолога, близкого ко мне, я бы выбрал М. Эшера, его «невозможные фигуры». Мы должны приучиться жить в мире невозможных фигур методологии, иначе ничего не получится, а другие все термины для меня часто выступают — методологический либерализм и т.д. — как еще не наполненные понятия во власти вкусов авторов, их предложивших.

Марина Гусельцева: *В первом блоке нашей беседы мы уже касались феномена научных школ: ряд исследователей (например, Хельмут Люк) считают, что научные школы как «чистые линии» уходят в прошлое, а им на смену пришли «линии смешанные» (если воспользоваться конструктом уже упомянутого В.А. Вагнера). Также набирает популярность понятие интеллектуальной традиции, или интеллектуального стиля (Р. Зайонц). Тем не менее, к какой научной школе, парадигме или интеллектуальной традиции относите Вы свою исследовательскую деятельность? Отрефлексированы ли методологические принципы, лежащие в основе собственных исследований?*

Александр Асмолов: Мне кажется наиболее близкой теоретическая позиция, которую развиваю всю жизнь, — парадигма культурно-деятельностной психологии. Я о ней могу сказать словами Мартина Лютера: «на том стою и не могу иначе». Культурно-деятельностная психология — она релятивистская психология. Культурно-деятельностная психология — она интенциональная психология. А мне невероятно важны линии Э. Гуссерля и Ф. Brentano. Культурно-деятельностная психология — она конструктивная психология. Культурно-деятельностная психология — это методология, но пока не дисциплина, ее еще нет. Она для меня «наука будущего», снимающая, как я уже возвращаюсь, разные оппозиции между естественной, социальной и психической реальностью.

Марина Гусельцева: *Вот здесь мне хотелось бы услышать обоснование для прекрасного названия «культурно-деятельностная психология»: более четко проартикулировать, каким образом в последователях и учениках слились интеллектуальные традиции двух подходов — культурно-исторического и деятельностного. Что между ними общего и в чем различия? И чем эта современная культурно-деятельностная парадигма отличается от попыток соединить категорию деятельности и категорию культуры в творческом наследии М.Я. Басова и М.М. Рубинштейна (при том, что обе попытки последних оригинальны и несводимы друг к другу: из синтеза двух этих категорий получаются уникально разнообразные подходы!). Мы даже договорились поднять эту тему в совместной статье. Но, может быть, все-таки несколько слов о своем видении ситуации?*

Александр Асмолов: Культурно-деятельностная психология выступает сегодня в качестве особого общественного движения мысли. Таким образом, это не просто школа или научное направление, а одно из интеллектуальных движений XX и XXI вв. Обсуждая культурно-деятельностную психологию в качестве методологии и особого интеллектуального движения, мы должны прежде всего обратиться к истокам этой концепции, а обратившись к ним, выделить своего рода мета-характеристики культурно-деятельностной психологии как мировоззрения. Они присущи культурно-деятельностной психологии и наиболее сконцентрированы в идеях и разработках Л.С. Выготского. Среди этих мета-характеристик отмечу следующие: либеральная мировоззренческая установка; диалогизм, открытость сознания и коммуникативная толерантность; многообразие мифопоэтического мышления; использование системного анализа в контексте общей методологии науки; приверженность историко-генетическому стилю мышления; умеренный социальный конструкционизм; проектирование социальных и культурных практик.

Культурно-деятельностная психология – это психология свободного человека в свободном обществе. Так, в своих беседах с В.Ф. Тендряковым А.Н. Леонтьев говорил, что мы должны понять логику сопротивления и исследовать, как мы переходим от логики сопротивления к логике жизненного действия. Это понимание, утверждение жизни, жизненного пути – яркий пример антирабской логики, присущей либеральному стилю мышления. А.Н. Леонтьев отмечал также важность противостояния «конвейерной психологии». За этой идеей я усматриваю ценностный вектор развития культурно-деятельностной психологии. Более же детально обозначенные тобой вопросы мы рассмотрим в нашей совместной статье «Культурно-деятельностная эпистемология в психологической науке»; также анонсирую собственную статью, выходящую сейчас в журнале «Мир психологии» с наглым названием «Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии».

Марина Гусельцева: *Хорошо. Тогда вновь обратимся к теме пресловутого кризиса психологии как одной из ведущих тем современных эпистемологических дискуссий. Ранее мы обратили внимание на изменение эмоционального знака интерпретации этого кризиса: от «ужас-ужас» в начале XX в., где психология якобы теряет свой предмет, до «ура-ура», где кризис – это шанс, это новые возможности, это расцвет. Мне помнится, Александр Григорьевич, на одной из Ваших лекций была предпринята четкая попытка выделить разные грани феномена кризиса?*

Александр Асмолов: Когда мы говорим, что психология в кризисе, и пишем вслед за К. Бюлером и Л.С. Выготским либо «Кризис в психологии», либо «Исторический смысл психологического кризиса», мы тем самым, с моей точки зрения, фиксируем перманентное состояние нашей науки. Мы всегда в кризисе. Но одновременно, когда мы берем слово

«кризис» как главный конструкт, мы обедняем движение. Потому что мы оказываемся рабами, как я всегда говорил, двух линий понимания истории или эволюции: либо через борьбу и конфликт (а кризис может быть рассмотрен как одна из форм конфликта), но есть же и другая линия – взаимодействия, толерантности, взаимопомощи. Поэтому когда мы говорим о кризисе, мы видим только одну оптику – оптику конфликта, но не видим оптику взаимопомощи и взаимодействия. Вот это меня всегда в этих вещах смущает. Говоря же более конкретно о кризисе: я люблю формулу «конфликт развивает личность», и в этом смысле попытка смены позиции очень важна. Поэтому я говорил бы не о кризисе, а, пользуясь языком Ж. Пиаже, о множестве моральных и когнитивных децентраций, которые помогают увидеть реальность по-другому. Поэтому если кризис обогащает нас децентрациями, и мы не страдаем тогда эгоцентризмом, то он целителен. Если кризис загоняет нас в узкое ложе сектантского мышления, он губителен.

Марина Гусельцева: *Когда вглядываешься в творчество наших выдающихся психологов конца XIX – начала XX в., обращает на себя внимание, насколько основательно они были знакомы с трудами своих зарубежных коллег, насколько оперативно читались и переводились новые работы в психологии. Существует ли в настоящее время проблема отрыва отечественной психологии от мировой? Считаете ли Вы, что тенденции к глобализации стирают специфические черты национальной психологической науки? Есть у российской психологии пресловутый особый путь развития?*

Александр Асмолов: Я всегда предупреждал своих коллег и студентов, что нет в психологии ничего более опасного, чем заниматься политической географией. Когда я вижу деление – московская школа, ленинградская школа, нью-йоркская школа, у меня эти деления по городам вызывают сомнения. Психология выше географии, она не скована материками, и в этом смысле при полном понимании, что каждая психология растет в своей ментальности, меня ущемляет, когда мы говорим как о стране, так и о науке, что у нее свой домотканый особый путь. У психологии широкий путь. В психологии главное – найти не новый путь, а верный путь. А этих путей много. Поэтому есть релятивизм истины. И поэтому я четко понимаю, что этнокультурная специфика – это то, что мы должны открыть и понимать, и видеть эти корни. Я отчетливо понимаю, что не было бы нашей психологии, если бы не было Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. И в этом смысле она погружена в великую культуру. Но я одновременно понимаю, что наша психология не менее погружена в культуру В. Шекспира, чем в культуру Ф. Достоевского. Я назвал лишь несколько из имен, и поэтому я еще раз говорю, что больше всего в науке боюсь границ и пограничников.

Марина Гусельцева: *Насколько же в таком случае наша психология интегрирована в мировую?*

Александр Асмолов: Идет сложный процесс. Барьеры на пути интеграции языковые. Мы говорим на русском языке и пишем на русском

языке. Многие наши вещи выплыли за рубеж. В этом смысле повезло Л.С. Выготскому и больше всех повезло А.Р. Лурия, который наиболее был известен за рубежом даже не как культурный психолог, а как нейропсихолог. И в этом смысле наше лингвистическое молчание – это барьер на пути движения. И когда нашим языком начинают говорить другие – это и радостно, и одновременно риски. Когда я знаю свою школу – школу Выготского–Леонтьева–Лурия – ее начинают замечательно пересказывать У. Энгестрем, М. Коул, Дж. Верч. И Дж. Верч, и М. Коул – мои друзья, но каждый раз в пересказе что-то трансформируется, и моя любимая формула «не примирить мне двух послов: слова без смысла, смысл без слов» здесь срабатывает, потому что очень трудно перевести нас на другие языки. Это начинается с понятия «опосредствование», понятия «деятельность». На самом деле это были мифопоэтические конструкты, а мы пытаемся эти конструкты сузить. Стоит мне перевести понятие «деятельность» как «активность», и я проиграю, потому что была «высшая нервная деятельность», и поэтому, когда я, искажая язык, говорю «goal directed action», пытаюсь передать смыслы, но, наверное, проигрываю, чтобы не сказать «purposeful behavior» в смысле Э. Толмена... Мы все время испытываем муки поиска слова, это же не перевод термина, это перевод одной методологической культуры мышления в другую, и здесь нужны гениальные профессиональные переводчики типа как переводила «Всю королевскую рать» (All the King's Men) Р.Я. Райт-Ковалева. Мы каждый раз забываем, что перевод психологических текстов близок к переводу текстов художественных, и в этом смысле куда легче миру узнавать когнитивную или сциентистскую психологию – она менее метафорична, и скорее услышат психологию жесткого языка, чем психологию, за которой проступают ментальность и культура.

Марина Гусельцева: *В связи с проблемой перевода: не скрою, мне хотелось бы – вот лично мне это важно – уточнить понимание «культурного психолога», что значит быть «культурным психологом»? Может быть, тогда мы и поймем, почему для одних культурная психология уже существует как наука, а для других – это «наука будущего»? Что бы ни говорили нам сложившиеся термины, существование культурно-исторической психологии, по крайней мере для меня, это скорее проблематизация, чем реальность. Возможно, именно из-за такой сложности перевода нашу отечественную психологию начала XX в. нередко трактуют в зарубежных учебниках как бихевиоризм?*

Александр Асмолов: Мы хорошо знаем, что в ряде учебников по истории психологии существует два раздела – американский бихевиоризм и русский бихевиоризм. К русскому бихевиоризму относятся работы, подчеркиваю, не И.М. Сеченова, а И.П. Павлова и В.М. Бехтерева.

Марина Гусельцева: *А почему «не Сеченова»? В норвежском учебнике П. Саугстада³, довольно основательном и методологически адекватном, И.М. Сеченов, И.П. Павлов и В.М. Бехтерев представляют отечественный бихевиоризм...*

Александр Асмолов: Вопрос «почему не Сеченова» очень важен. И.М. Сеченов при всей своей рациональности для меня был и остается по-этом естествознания. Не случайно его классическая работа «Рефлексы головного мозга» (1866) вышла в общественно-политическом журнале «Современник». Парадокс состоит в том, что И.М. Сеченов, являющийся символом декартовской линии в психологии, писал мифопоэтическим языком и был проповедником идей свободы. Отсюда постичь его в рамках позитивистского и прагматического стиля мышления историкам американского и русского бихевиоризма было достаточно трудно. Основоположник теории рефлексов в своем мировоззрении оказался шире созданной им теории. А «рефлексология» К.Н. Корнилова практически не упоминается, она осталась незамеченной, и переводят то, что ближе. А потом, когда произошло – по вине не И.П. Павлова, а его апологетов – превращение нашей психологии в физиологию высшей нервной деятельности, и мы должны были от педологии осуществить бегство в психологию функций, которые называли деятельностью, это было вынужденным социальным ходом. Я до сих пор помню в пересказе И.М. Фейгенберга выступление в защиту Л.А. Орбели на Павловской сессии, когда один из ученых решился сравнивать Павлова, Анохина, Бернштейна и Орбели. Искать между ними сходства – это все равно, что сравнивать между собой яблоко и Чичикова, оттого что оба были округлой формы. То есть вот такие несуразности у нас совершаются.

Марина Гусельцева: *Психологическую науку долгое время, да и сейчас, часто рассматривают посредством методологической оптики позитивизма, ориентируясь на образцы естественных наук. Корректно ли в таком контексте вести речь о достижениях и открытиях, о законах психологической науки?*

Александр Асмолов: У психологии несколько главных открытий, и эти открытия связаны с поисками предмета психологии. Психология открывала душу, и душа стала открытием психологии и стала реальностью. Психология открывала сознание, и сознание стало открытием психологии и стало реальностью. Психология открыла бессознательное, и оно стало реальностью. Психология, наконец, открыла конструктивно-деятельностный поток, а не «поток сознания» У. Джеймса, и это тоже стало сегодня реальностью. Поэтому есть надежда, что психология откроет культуру как

³ Саугстад П. История психологии от истоков до наших дней: имена, идеи, биографии, направления, школы. Самара : Бахрах-М, 2008.

снятую психическую реальность, и я возлагаю большие надежды на идеологию «снятых форм». Поэтому мы каждый раз продвигаемся к этим реальностям, но для меня символом поиска психологии была, есть и остается книга В. Франкла «Человек в поисках смысла». Психология – вечное искаительство, она ищет смыслы, и надеюсь, не скоро их найдет.

Марина Гусельцева: *Одной из тенденций современной науки является внимание к микроистории, к антропологии повседневности. В истории психологии это отражается в интересе к забытым именам, к маргинальным линиям развития науки. Какой из подобных латентных и неявных путей развития Вы считаете наиболее ценным в переосмыслении проблем современной психологии? Без каких забытых имен картина психологического знания будет неполной?*

Александр Асмолов: Среди психологов прошлого для меня выступает, прежде всего, В.А. Вагнер, который недооценен как эволюционист. Среди психологов прошлого для меня остаются очень важными психологические аспекты работ А.А. Потебни, которые задали логику историко-генетического анализа. И если мы сейчас вновь открываем Г.Г. Шпета, то А.А. Потебня остается важной гуманитарной фигурой, но недостаточно от-refлексированной. Среди влияния на психологию для меня остается недописанной работа Л.С. Выготского о Спинозе, потому что Спиноза и его мир, который мы рисуем как мир рационалиста по многим учебникам, забывая, что его учителем был Ариэль Акоста, который являлся известным еврейским мистиком, и неожиданно в его мышлении переплелись эти линии. Он был «свой среди чужих и чужой среди своих» для многих вещей, поэтому логика теорем Спинозы для меня важна. Недооценен О. Мандельштам, пусть он не называется психологом, но для меня его деление на «смысловиков» и «значенцев» – это весьма значимое деление, когда Мандельштам говорит, что развитие науки начинается не с идей, а со вкусов и создать новое движение – это значит привить вкус. Вот эти логики для методологии имеют существенное значение.

Марина Гусельцева: *Опираясь на эти идеи Э. Мандельштама, в своих лекциях Вы любите говорить о привитии психологии вкусов. Без работ каких психологов прошлого и настоящего современная психологическая наука будет для Вас невкусна?*

Александр Асмолов: Их легко перечислить. Я считаю, что очень продуктивными остаются работы В.П. Зинченко, они были и есть мифопоэтические работы. Он всегда был, как его называл А.Н. Леонтьев, «лохматым», а лохматость – это очень позитивная характеристика в развитии психологических трендов. Также не могу не упомянуть исследования энциклопедиста в психологии и человека с гражданской этической позицией, моего друга А.А. Леонтьева. Особенно его недооцененную книгу «Деятельный ум» (2001).

Достаточно яркими и необычными являются работы В.А. Петровского, который, делая эти работы, совершает гражданский подвиг, с моей точки зрения. Я считаю, что приходящее, как я называю, «молодое поколение» тоже для нас невероятно важно. Это работы А.В. Юревича, это работы П.А. Мясоеда, это работы, говорю о тебе, М.С. Гусельцевой, и эти работы «сканируют горизонты» и прививают психологии новые вкусы.

Также появляются работы, которые снимают оппозицию между школами, я имею в виду достаточно интересные работы А.А. Пузыря, В.Е. Ключко, В.М. Аллахвердова, В.А. Шкуратова, которые так или иначе идут своими путями.

Марина Гусельцева: *И Ф.Е. Василюка, наверное?*

Александр Асмолов: Безусловно. Перехожу к тем, кого считаю вырастающими в моей жизни, благодаря кому я чувствую реальность, вот я сказал и о тебе, я хочу сказать, что мне очень дали мои коллеги, которых я считаю учениками; это Д.А. Леонтьев, это Ф.Е. Василюк, это Г.В. Солдатова, это А.М. Айламазян, ее книга «Танцевальные практики: семиотика, психология, культура» для меня сверхважна. Вот эти логики, они раздвигают границы, мне кажутся очень и очень важны.

Марина Гусельцева: *Помню, Александр Григорьевич, что психология в Вашей трактовке есть также пристрастная наука. Сейчас Вами были озвучены все-таки субъективные предпочтения и пристрастия, а вот если постараться быть объективным, кто из психологов совершил воистину революционные, коперниканские, парадигмальные вклады в науку?*

Александр Асмолов: Прежде всего, это З. Фрейд. Второй для меня – это Н.А. Бернштейн. Третий для меня – это Л.С. Выготский. Без этих трех... И четвертый для меня В. Франкл. Без них психологическое пространство было бы совершенно иным, для меня, по крайней мере. Я отчетливо это понимаю. И прости, я не сказал: Курт Левин. Эти психологи изменили мир.

Марина Гусельцева: *Важна ли для воспитания современного психолога философия? Есть ли философы, внесшие вклад в Ваше формирование как психолога?*

Александр Асмолов: – Наибольшее влияние на мою работу в области методологии психологии оказал М.К. Мамардашвили. Это было самое главное влияние. Также на мою работу оказало влияние, как ни парадоксально, жесткое оппонирование с моей стороны Г.П. Щедровицкому. Я ему за это всегда благодарен.

Марина Гусельцева: *Активно обсуждаемая тема (в частности, А.В. Юревичем) – психология и поп-психология, психология и парapsихология. Есть ли у Вас отрефлексированная позиция на этот счет?*

Александр Асмолов: Я считаю, что такие системы психотерапии, которой была и остается религиозная система... Религия как культурная практика – это мощная практика снятия напряжения. Я считаю, что невероятно важен институт исповеди и институт молитвы как социокультурные институты. Я считаю, что без мистики мы плохо поймем категорию судьбы. Эти категории – категории судьбы, категории совести – они нам кажутся эзотерическими, а я хочу, чтобы они получили психологическое наполнение и психологический свет.

Марина Гусельцева: *Какова в таком случае роль идеала рациональности в становлении и развитии психологического знания?*

Александр Асмолов: Принцип рациональности сыграл определенную роль в развитии науки. И все сциентистские науки – физика, биология – стоят на принципе рациональности. Однако я отношусь к принципу рациональности метафизически. За словом «мета» стоит понятие «по ту сторону». Я работаю по ту сторону принципа рациональности, и неклассическая, и постнеклассическая рациональность для меня важны. Поэтому я не боюсь перефразировать названия «По ту сторону свободы и достоинства», «По ту сторону принципа удовольствия», за которым возникает смысл науки: мы по ту сторону. Я назвал одну из своих работ «По ту сторону сознания».

Марина Гусельцева: *Даже в постнеклассической психологии заслуживает внимания такой классический вопрос, как предмет и объект психологического исследования. Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете идеи об изменчивости и множественности предметов психологии?*

Александр Асмолов: Предмет – это всегда методологическая конструкция. Объект – онтологическая конструкция. Поэтому когда мы работаем в сети методологии, мы должны четко понимать, что за объектом – онтологический статус, четко выраженный, его некоторая натурализация, от нее мы никуда не денемся, а предмет – это всегда уже конструкция и идеальный тип, и идеальная конструкция. Предмет – мы переходим в область идеального моделирования.

Марина Гусельцева: *Не оставим в стороне и вопрос, касающийся организационных и социальных проблем науки. Что Вы думаете о системе РИНЦ и ее миссии, и в этой связи о проблеме формальных и неформальных лидеров психологии?*

Александр Асмолов: У меня сложное отношение к индексам цитирования. Индекс цитирования – это всегда срез массового сознания. Они могут быть и заданы, и конструированы. Я хочу другого стиля и приведу следующий пример. «Лучший институт в мире», который называется Шанхайским университетом, видя все рейтинги традиционных университетов, создал шанхайский рейтинг не для того, чтобы показать, что они первые, а для того, чтобы понять свое место на этой поляне. И через какое-то время шанхайский рейтинг стал рейтингом, как поднявшим этот университет, так и показавшим ограниченность других рейтингов. То же самое происходит с измерениями знаний в образовании. Мы смотрим тесты Пизы и по критериям, которые придуманы в Пизе или в Болонии, начинаем рядить и судить самих себя, а вместе с тем есть совершенно другие критерии оценки. Поэтому я боюсь, что индексы цитирования – это полный продукт рациональности – и загоняют нас в дискретную логику там, где мы должны иметь дело с симультанной логикой.

Марина Гусельцева: *Завершу нашу беседу провокационным вопросом: как правило, у современников нет объективных критериев для оценки достижений своих коллег. Когда-то мы уже обсуждали такой феномен, что во времена А.С. Пушкина наиболее популярным поэтом был не «наше всё», а некто В.Г. Бенедиктов. Есть ли, на Ваш взгляд, объективная мера научных достижений; если да, то опираясь на этот критерий (объективности, а не пристрастий, мнений и предпочтений), кто из наших современников останется в учебниках психологии сто лет спустя?*

Александр Асмолов: Поживем – увидим!

ДИАЛОГ ВТОРОЙ: ВОПРОСЫ К УЧЕНИКУ

Александр Асмолов: *Итак, какие же нерешенные проблемы, на твой взгляд, остаются в наследство психологам в XXI веке?*

Марина Гусельцева: Проблемы психологии с определенной долей условности можно разделить на глобальные и локальные, методологические и «инструментальные». К первому типу проблем я бы отнесла интеграцию психологического знания; развитие психологии в качестве полипарадигмальной науки; дальнейшую разработку языка психологии, способного высвечивать новые культурно-психологические реальности и тем самым овладевать ими; отрефлексированные сложности и возможности коммуникации психологии со смежными областями знания.

Инструментальные проблемы носят прикладной характер: это, например, необходимость адаптации исследовательского инструментария, заимствованного из сферы смежных наук, или поиск адекватной системы координат для интерпретации тех или иных полученных данных. Очевид-

но, всё еще нерешенной проблемой остается и поиск пресловутого объективного метода для исследования субъективных реальностей.

Александр Асмолов: *Можем ли мы отрефлексировать наиболее дискуссионные, наиболее значимые темы и сюжеты современной психологии?*

Марина Гусельцева: Сначала обозначу тему любимую (субъективизм же подобной установки позволяет мне видеть ее и дискуссионной, и значимой). Это тема эволюции культурно-психологического знания, превращение культурно-психологического дискурса в культурно-историческую психологию, в историческую психологию культуры как науки постнеклассического типа рациональности.

Среди объективно значимых тем отмечу интерес исследователей к социокультурному развитию и становлению идентичности в постиндустриальную и информационную эпоху, особенности социализации человека в изменяющейся социокультурной среде, а также эпистемологические поиски в области полипарадигмальности и мультидисциплинарности. Возрастающая сложность мира, осознание транзитивности как одного из ведущих факторов развития человека в современном мире, концептуальное разнообразие, возможности множественных интерпретаций одной реальности характеризуют контекст развития социальных наук. В 1970-е гг. Дж. Ритцер одним из первых ввел в заглавии своей работы термин «мультипарадигмальность», доказывая, что парадигмальное разнообразие социологии есть нормальное развитие этой науки. Полагаю, что обозначенная эпистемологическая волна наконец-то докатилась и до российской психологии.

Александр Асмолов: *Что понимать под методологией? Нам как любителям разнообразия приходилось иметь дело с разными ее трактовками: от позитивистских (методология есть наука о методе) до метафорических (методология – это искусство сомнения). Твое видение данного вопроса было бы мне крайне интересно.*

Марина Гусельцева: По большому счету методология представляет собой ту или иную форму саморефлексии науки, продолжающуюся в дальнейшем в идеальном моделировании последней. Наиболее продуктивным способом такой рефлексии лично мне представляется выделение уровней методологии науки Э.Г. Юдиным (философского, общенаучного, конкретно-научного, методики и техники исследования).

В моем понимании методология предстает как исследовательская программа: позволяющая осуществлять «сканирование горизонтов» (на философском уровне); задающая перспективу для исследования в целом и интерпретации полученных данных в частности (на общенаучном и конкретно-научном уровнях); служащая основой единства и цельности исследования (на конкретно-научном уровне).

Александр Асмолов: *Здесь мне представляется крайне важным более четко проартикулировать твою интерпретацию исследовательской программы (с опорой на работы наших философов и историков культуры) и интерпретацию методологии в поле междисциплинарности, где методолог выступает в качестве переводчика мыслительных культур с одной на другую...*

Марина Гусельцева: Методологический статус понятия «исследовательская программа» обсуждается в контексте идей И. Лакатоса, П.П. Гайденко, М.Г. Ярошевского. М.Г. Ярошевский использовал данное понятие в своей исторической психологии науки. Однако, как мы помним, творцом конструкта явился И. Лакатос, и в контексте его методологического учения научно-исследовательская программа служила синонимом «парадигмы» (Т. Кун). В отечественной историко-философской традиции данный методологический конструкт эвристично применяла П.П. Гайденко, а вслед за ней ряд исследователей творчества Г.Г. Шпета, например Т.Г. Щедрина⁴. Согласно П.П. Гайденко, исследовательская программа выступает по отношению к научной теории в качестве порождающей структуры. При этом на основании одной исследовательской программы могут быть построены самые разнообразные теории. Особенно важно отметить, что наука предстает здесь в качестве культурно-исторического феномена: исследовательская программа как теоретический конструкт позволяет проследить связи эволюции научного знания в культуре, а методология при таком рассмотрении выступает как работа перевода. Таким образом, исследовательская программа в качестве методологического инструментария является посредником между философским и эмпирическим уровнями методологии науки.

Книга же Н.С. Автономовой «Познание и перевод» (2008) помогла мне отрефлексировать работу перевода в качестве широкой познавательной практики. Так, например, культурно-аналитический подход к эволюции психологического знания, опираясь на идеал постнеклассической рациональности и современную культурно-историческую эпистемологию, при переходе с философского и общенаучного уровней методологии науки на конкретно-научный уровень осуществляет именно перевод общих аспектов гуманитарного и культурно-антропологического дискурса на язык психологии. Согласно Н.С. Автономовой, в общефилософском плане перевод является важным «механизмом переноса внешнего опыта во внутренний и обратно», одной из форм рефлексивности⁵. В этом же ряду значимую роль играет конструкт методологической оптики. По сути дела, осмысливая собственные исследовательские установки и произвольно опе-

⁴ См.: Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М. : РОССПЭН, 2010; Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М. : РОССПЭН, 2008.

⁵ Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М. : РОССПЭН, 2008. С. 22.

рируя «настройками» методологической оптики, мы открываем возможности не только разноразмерного и контекстуально обусловленного анализа (фактор текучести и ситуативности знания), но и стереоскопического, полипарадигмального, многоаспектного анализа (фактор его онтологической и гносеологической сложности).

Александр Асмолов: *Методологическая трактовка перевода – это крайне важно. В этом ряду нам следует обсудить и методологические установки в психологии: методологический монизм, плюрализм, либерализм, хотя, как мне кажется, я догадываюсь здесь о твоих предпочтениях...*

Марина Гусельцева: Если исходить из субъективных предпочтений, то наиболее близок идеологически – методологический либерализм, однако не думаю, что в современной науке возможно жестко придерживаться определенной позиции. Рассмотрение каждой из обозначенных позиций отдельно напоминает ощупывание слона с разных сторон в пресловутой притче о неполноте знания. Методологический монизм и методологический плюрализм лишь на первый взгляд противостоят друг другу, тогда как в идеале каждый исследователь стремится к теоретическому монизму; его методологические горизонты тем богаче, чем толерантнее он к разнообразию, т.е. к плюрализму.

В моем понимании и монизм, и плюрализм – части единой познавательной системы, отношение между ними – подлинно диалектическое. Хочу обратить внимание на конкретный пример: Е.А. Сергиенко, опираясь на идеи методологического плюрализма, стремится достичь теоретического монизма – построить целостную психологическую систему на основе категории субъекта («модель психического»), одновременно соединяя когнитивное измерение психологии с экзистенциальным и социальным. Показательно, что одна из ее статей так и называется «От когнитивной психологии – к психологии субъекта» (2007). Замечу, что методологически аналогичное движение совершил и М. Коул (1995), двигаясь от когнитивной психологии в область культурной психологии. Такого рода эпизодические наблюдения позволяют выявить определенные тенденции в развитии психологического знания.

Плюрализм обеспечивает исследователю возможность и свободу выбора, однако каждый из нас стремится сложить из разнообразия психологического знания какой-то приемлемый «гештальт», тем самым стремясь к монизму. Хотя остается вопрос: развивается ли аналогичным путем психологическое знание в целом?

Одновременно монизмом можно назвать также и способ смотреть через оптику одной теории на разнообразие других теорий или через оптику одной культуры на множество культур. Именно в такой ситуации очевиден эволюционный смысл методологического монизма: едва ли возможно одновременно смотреть на мир посредством множества глаз. Или все-таки возможно, делая это посредством смены методологической оптики? Если да, то мы получаем уникальную рефлексивную сложность так называемой постнеклассической науки.

В эволюции научного познания монизм выступает в качестве методологической установки, стремящейся достичь исковой интеграции психологического знания. Однако пути достижения намеченной цели могут быть весьма плюралистичны: и сетевой способ организации знания в этом плане является таким же конструктивным механизмом, как и более привычный для исследовательского сознания системный (здесь важно понимать, какие задачи каждый из них решает более эффективно, в локальности того или иного контекста, в определенной ситуации).

Иными словами, в современной познавательной ситуации становится едва ли не очевидно, что психология несводима к единой теории. Психологические теории составляют вполне реальное множество, и они разные не потому, что одни из них более «правильные», а другие – нет, а потому, что слишком сложна предметная область психологии, чтобы уместиться в пределах одной теории.

Однако наряду с тем, что никто не возбраняет психологии стремиться к теоретическому монизму, в самом этом движении рождаются новые формы более когнитивно сложного «монизма», в основе которого может лежать и сетевая логика, и мультидисциплинарная, и ситуативная логика (навеянная постмодернизмом). По-видимому, понятие «монизм» сегодня требует более сложной дифференциации. Да и постмодернизм (с одной стороны, основательно раскритикованный убежденными представителями методологического монизма, с другой стороны, не существующий в качестве единого течения) не плох и не хорош, а всего лишь одна из философских практик, обратившись к которой, психология смогла методологически обогатиться (саморефлексией и критическим мышлением, принципом методологического сомнения) и двинуться дальше собственным путем.

Если стремиться к обозначению собственной методологической позиции, то назвала бы ее методологической герменевтикой. Или лучше и точнее назвать эту позицию герменевтической методологией? Непонимание – как между представителями разных психологических школ, так и обозначенных методологических позиций – зачастую является продуктом разночтения понятий и нецелостности знания. Методологический монизм и методологический плюрализм через герменевтическую оптику видятся не как противоположные исследовательские установки, а как этапы или стороны общей деятельности познания, функционирующие на манер анализа и синтеза. В качестве еще одного примера обращусь к историко-психологической системе В.А. Роменца⁶, который движется к монизму через плюрализм (плюрализм в данном случае – диалог данного автора с разнообразием психологических учений).

В истории науки психологи (методологи от психологии) непрестанно стремятся организовать психологическое знание в единую картину мира, преодолевая «сопротивление материала», последний же всякий раз изменяется и

⁶ См., например: *Роменец В.А.* Предмет и принципы историко-психологического исследования : дис. в форме научного доклада ... д-ра психол. наук. К., 1989.

ускользает. Каждая теоретическая система при взгляде изнутри, из сознания автора, монистична, если автор решает задачу интеграции знания и создает определенный способ решения (системный или сетевой, парадигмальный или даже полипарадигмальный). Здесь монизм обусловлен самой задачей.

Одновременно с этим на творчество едва ли не каждого основателя той или иной психологической системы можно взглянуть не только через оптику монизма (так, уже упомянутый В.А. Роменец создал систему, в которой разместил всю историю психологии на основе анализа категории поступка), но и через оптику плюрализма (он же вступал с имеющимся психологическим знанием в творческий диалог, а его система становилась все более цельной и всеобъемлющей благодаря разнообразию этого знания).

Таким образом, монизм и плюрализм предстают как составляющие жизни и познания. В абстракции методологического мышления мы противопоставляем их друг другу. А ведь можно стараться увидеть их в диалектике, в динамике, в целостности, в единстве напряжения антиномии. Мы можем взглянуть на историю психологии как на собрание различных картин (словно в художественном музее), где каждый мыслитель изучал психологическую реальность с определенного ракурса, в определенной перспективе, и для герменевтического методолога важно, что возможно встать на его точку зрения, понять его задачи, реконструировать его эпистемологические горизонты, одновременно отдавая себе отчет в том, что при взгляде пристальном на тот или иной феномен наш мыслитель практически не видел других феноменов (тех, что обнаруживали и рассматривали также пристально совсем иные авторы), и вот из таких отдельных точек зрения складывается целостная картина знания.

Когда современный вдумчивый психолог-методолог решает какую-то задачу, то в идеале он обращается к истории психологии, анализирует, как и с каких ракурсов подобная задача уже решалась, и пытается результаты полученного анализа переинтерпретировать, исходя из той точки, из той исследовательской задачи, в поле которой он сам находится... Описанную картину (познавательный срез) я бы назвала ситуативным монизмом: монизм здесь – это ситуативное овладение плюрализмом под решение определенной задачи, но вместе с тем наши задачи изменяются, и каждый раз нам надо искать иной «монизм» (как конкретный способ связывания разнообразия в неустойчивое единство). Таким образом, монизм конструктивен как познавательный принцип, но не как универсальный принцип познания.

Наиболее перспективной мне представляется разработка сетевой методологии: (1) обладающей коммуникативным ресурсом, (2) более гибкой к охвату многообразия разного порядка данных, (3) при определенных условиях сеть может быть организована как система, как гетерархия или иерархия, т.е. стремиться к теоретическому монизму в целенаправленном решении конкретных задач. Методологический монизм, методологический плюрализм и методологический либерализм представляются мне здесь взаимно дополнительными стратегиями.

Александр Асмолов: *От установок плавно перейдем к парадигмам: какая из теоретических позиций (парадигм) в психологии наиболее отвечает принимаемым тобой методологическим принципам?*

Марина Гусельцева: Важно, что мы будем понимать под парадигмой: когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ на конкретно-научном уровне методологии науки или синергетику, постнеклассику на общенаучном уровне методологии науки?

На мой взгляд, одна из наиболее перспективных общенаучных парадигм связана с развитием постнеклассической науки, а собственно в сфере наук о человеке – со становлением культурно-исторической эпистемологии (таким элегантным названием мы обязаны нашим отечественным философам – Н.С. Автономовой, Б.И. Пружинину). Культурно-историческая эпистемология представляет собой набор исследовательских приемов, методологических принципов, философских рефлексий и вполне конкретных методов, позволяющих изучать культурно-психологические реальности в качестве онтологически и гносеологически сложных феноменов.

Культурно-историческая эпистемология (1) позволяет раскрыть коммуникативный ресурс психологии в сфере гуманитарного знания в целом, (2) отвечает тенденции исследования человека-в-мире и личности-в-культуре. Иными словами, обозначенная парадигма выводит психологическое знание за пределы стен лабораторий и университетских кафедр в существующие на сегодняшний день практики повседневной жизни, тем самым преодолевая разрыв между академическими и прикладными сферами психологии.

Александр Асмолов: *В нашей беседе мы не раз затрагивали тему кризиса в психологии, обозначив диапазон существующих на данный момент рефлексивных позиций: от влюбленности науки в свой кризис до самоуверенности, что никакого кризиса в ней нет. Поделись, пожалуйста, своей позицией.*

Марина Гусельцева: Кризис есть естественная составляющая любого процесса развития, и психологическая наука здесь не исключение. Обращение к японской и китайской традициям интерпретации кризиса делает его понимание более стереоскопичным: всякий кризис – это сочетание «опасности» и «возможности» (в японском и китайском языках понятие «кризис» состоит из этих двух иероглифов). В кризисе ли психологическая наука? Да, поскольку она развивается, проходя через кризисы (среди которых можно выделить как общенаучные, так и конкретно-научные, опираясь на ту же схему методологии науки Э.Г. Юдина). Является ли кризис, переживаемый психологической наукой, системным или парадигмальным? Нет, на мой взгляд, он носит в большей степени эволюционный, чем революционный характер.

Многие процессы, происходящие с психологической наукой, интересно анализировать в сопоставлении с развитием смежных наук, например с антропологией, социологией или историей. Согласно профессору университета Буффало Георгу Иггерсу, основная проблема гуманитарного познания обнаруживается при переходе от фактов к интерпретациям: если нет общего метода интерпретации, которому ученые могут следовать, то последняя рискует стать идеологическим выбором.

Науки о человеке на рубеже XX–XXI вв. столкнулись с невиданным прежде разнообразием интерпретативных стратегий и заимствованных друг у друга исследовательских приемов. Однако возникшее методологическое разнообразие Г. Иггерс связывает не столько с кризисом исторической науки, сколько с «обогащением истории». Выше мы уже обсуждали, что аналогичная сентенция была сформулирована в психологии В.П. Зинченко, который обратил внимание, что разнообразие психологических школ начала XX в. является свидетельством не кризиса, а «расцвета психологии».

В кризисе, согласно Г. Иггерсу, оказались представление об истории как об унифицированном и универсальном процессе и европоцентристские установки, а не история как наука. В психологии также следует различать кризис картины мира, кризис парадигмы и кризис психологии как науки. В кризисе находится не психологическое знание, а сциентистское (упрощенное и унифицированное) представление о развитии человека и его внутреннем мире, но сама психологическая наука в смене типов рациональности и парадигм, на мой взгляд, активно развивается.

Александр Асмолов: *В недавних публикациях текущего года мы с тобой, не сговариваясь, подняли проблему изоляционизма российской психологии. Что нам мешает интегрироваться в мировое сообщество? Как ты относишься к актуализированному в наши дни подчеркиванию особого пути российской психологии?*

Марина Гусельцева: Интеграции российской психологии в мировую, к сожалению, зачастую препятствуют факторы, не относящиеся к собственно сфере науки: это может быть политическая конъюнктура («великодержавные установки» носителей науки, т.е. ученых) или недостаточно свободное владение иностранными языками, не позволяющее не только оперативно отслеживать новые работы зарубежных коллег, но и публиковать собственные результаты в ведущих мировых журналах.

Способствует же интеграции российской психологии в мировую глобализация как общая тенденция культурного развития и распространение Интернета (электронных технологий в целом) как наиболее демократичного механизма коммуникации и информатизации.

Перегиб в рефлексии национальной специфики в качестве поиска некоего «особого пути» и установки на изоляционизм редко становятся конструктивными для развития науки (как и общества в целом). Именно будучи включенной в мировую психологию, та или иная национальная

психологическая традиция ярче заявляет о собственной специфике. Здесь уместно вспомнить о диалектике универсального и уникального, индивидуального и социального: так, в сходной логике развития, лишь социализируясь, человек обретает своеобразие, становится индивидуальностью.

Однако каждая психологическая школа обладает изрядной долей национальной специфики. Анализ становления психологической науки особенно четко показывает взаимосвязь, с одной стороны, культурной почвы и национального контекста, а с другой – интеллектуального стиля и проблемного поля психологической науки. Довольно ярко выражена национальная специфика немецкой психологической школы (успехи в области физиологии, идеи апперцепции, бессознательной психики и психической активности), французской (успехи медицины, клинический опыт, методы патопсихологии, анализ влияния на психику социальных и культурных факторов) и английской (традиция эмпиризма, успехи биологии, эволюционные идеи) психологических школ. Появление российской или американской психологической традиции – феномен более поздний, относящийся уже к началу XX в. Для американской психологии характерны прагматизм и интерес к вопросам онтогенетического развития и научения. Однако можем ли мы выделить специфику, например, норвежской или даже скандинавской психологической традиции (тогда как, например, скандинавская литературная линия в мировой литературе прослеживается более четко)? Является ли это только проблемой недостаточности переводов или герметичности той или иной культуры? Иными словами, здесь остается множество вопросов...

Александр Асмолов: *Если попытаться навскидку назвать основные достижения и открытия в сфере психологии, что первое приходит тебе в голову?*

Марина Гусельцева: Полагаю, мой выбор главных достижений психологической науки будет носить произвольный характер. Ограничусь магическим числом «семь». Во-первых, это формулировка Г. Спенсером предмета психологии как «ассоциации» (взаимосвязи) внешних и внутренних отношений и проистекающая отсюда методология изучения внутреннего мира на основе анализа внешних форм поведения (так, согласно Г. Спенсеру, стадии развития сознания коррелируют со стадиями развития поведения). По сути дела дальнейшее развитие этого методологического подхода можно обнаружить как в принципе деятельности опосредствования А.Н. Леонтьева, так и в принципе единства сознания и деятельности (просвечивании сознания через деятельность) С.Л. Рубинштейна.

Второе. Открытие бессознательной психики (с кульминацией этой идеи в психоанализе). Третье. Открытие законов научения (Э. Торндайк, бихевиоризм): законы упражнения, эффекта, переноса (ассоциативного сдвига) и готовности (установки). В дальнейшем на основе закона уста-

новки был сформулирован закон оптимума мотивации Йеркса–Додсона. Четвертое. Формулировка «общего генетического закона развития» Л.С. Выготским (с опорой на генетический метод И.М. Сеченова, историко-генетический подход А.А. Потебни, идеи интериоризации П. Жане). Пятое. Разработка Г. Олпортом концепции личностных черт и на ее основе многофакторного личностного опросника. Шестое. Открытие В. Франклом нусогенных неврозов и разработка логотерапии (рождение психологии смысла в целом). Седьмое. Теория личностных конструкторов и представление о «когнитивной сложности» Дж. Келли.

Александр Асмолов: *Миссия историка психологии – воскрешать прошлое. В монографиях ты обращаешь внимание на маргинальные или латентные традиции развития психологии, где эволюцию психологического знания наряду с классиками науки творили незаслуженно забытые сегодня ученые. Чье творчество представляется тебе недостаточно представленным на страницах наших научных журналов?*

Марина Гусельцева: Именно так: вместе с постнеклассической трансформацией науки обнаружилась тенденция переосмысления в новых исследовательских горизонтах казалось бы уже принадлежащих к истории психологии «классиков», а также привлечение внимания к микроистории: поиску и возвращению в науку «забытых имен». В первом случае назову три примера – В. Вундт (перепрочитанный А. Блюменталем), К. Юнг (переинтерпретированный постъюнгианской психологией) и неокантианство (как философская основа психологических исследований, например, культурно-деятельностного подхода М.М. Рубинштейна).

Что касается феномена К. Юнга, особо хочу отметить две работы украинского исследователя (психолога и философа, представителя такого интересного направления, как биографистика) В.И. Менжулина. В своей первой крупной работе «Мифологическая революция в психоанализе» (1996), посвященной интеллектуальному наследию К. Юнга, В.И. Менжулин вскрывает в его учении кантианские мотивы (соотнося понятия «априорные формы» и «архетипы», идеи антиномичности и достижения целостности через конъюнкции). Психология К. Юнга была не только описательно-аналитической, но и культурно-аналитической, ибо, формулируя свою исследовательскую программу, К. Юнг доказывал, что тайны психики невозможно раскрыть без обращения к мифологии и истории культуры. Вот что пишет В.И. Менжулин: «Подобного рода изыскания с самого начала были чреватые успехом, ибо в своих основных чертах они следовали одному классическому образцу, совершенно неведомому З. Фрейду, – кантовскому критицизму. Работу, проделанную Юнгом с мифологическим пластом человеческой души... можно назвать 'критикой темного разума'. Если Кант занимался поиском априорных структур сознания ('чистого разума'), то Юнгу с его учением об 'изначальных образах' (впоследствии названных архетипами) удалось обнаружить априорные структуры бессознательного

(‘темного разума’). Юнг дополнил критику сознания критикой бессознательного и тем самым совершил в области наук о духе методологическую революцию, подобную той, которую Кант сделал для наук о природе. Однако кое в чем Юнг Канта не только дополнил, но и превзошел: априоризм Канта аисторичен, его категории сознания взяты неведомо откуда, а архетипы коллективного бессознательного являются осадком многовекового опыта человечества»⁷.

Иными словами, К. Юнг заимствовал у И. Канта методологию, однако применил ее в контексте уже иного типа рациональности. В.И. Менжулин показывает, что преимущество хода мысли К. Юнга заключалось здесь в его трансцендентализме, где вместо поиска несуществующих субстанций он стал изучать априорные функции. Более того, рационализм классики (как И. Канта, так и З. Фрейда) вместе с новым типом рациональности был преодолен. Если сознательной психике соответствовала культура в узком смысле этого слова, то интерпретация бессознательного нуждалась в опорах на мифологию. К. Юнг (замечу, как и постпозитивисты) преодолевал исследовательские установки наукоцентризма, доказывая, что миф есть полноправная сфера познания. Согласно образному выражению В.И. Менжулина, К. Юнг «отстаивал идеалы Романтизма оружием Просвещения», а с позиции культурно-аналитического подхода это как раз одна из эмпирических характеристик постнеклассического типа рациональности, который не отвергает классику, а перепрочитывает, встраивая в современные контексты.

Однако в контексте сказанного особенно забавно, что спустя несколько лет тот же В.И. Межулин написал вторую серьезную работу о К. Юнге (2002), по сути дела, перейдя от «апологетики к критике»⁸.

Далее, возвращаясь к микроистории и «забытым именам». В плане разработки интегративной методологии для нас сегодня актуален опыт Государственной академии художественных наук (ГАХН), решавшей в 1920–1930 гг. задачу «синтеза искусств» и привлекавшей к решению этой задачи самый широкий круг специалистов. Напомню, что в ГАХНе продуктивно работали известные ученые и психологи, такие как Г.Г. Шпет, А.Г. Габричевский, Г.О. Винокур, Н.И. Жинкин, Б.М. Теплов, В.М. Экземплярский, А.А. Смирнов и др. Для многих из них это была особая («недирективная») научная школа.

Не утратившими своей актуальности и требующими нового осмысления представляются работы Э. Шпрангера (не только его проект понимающей психологии, но и представленная в недавно переведенном на русский язык труде «Формы жизни» методология идеального типа!), Карла и Шарлотты Бюлер (соответственно анализ ситуации методологического кризиса начала XX в. и тема исследования жизненного пути личности). Наследие В. Джеймса может быть сегодня переинтерпретировано в каче-

⁷ Менжулин В.И. Мифологическая революция в психоанализе. Киев : Наукова думка, 1996. С. 105 (выделено мной. – М.Г.).

⁸ Менжулин В.И. Расколдовывая Юнга: от апологетики к критике. Киев : Сфера, 2002.

стве одного из способов интеграции психологического знания («Принципы психологии»).

Заслуживает внимания (и перевода с украинского языка) базирующаяся на основательной проработке материала истории психологии концепция поступка В.А. Роменца. Поступковый принцип явился для ученого магическим кристаллом, через который он проинтерпретировал историю психологии и на основании которого предложил оригинальную модель интеграции психологического знания. Замечу, что по продуктивности этого автора семи томов «Истории психологии» вполне можно сопоставить с В. Вундтом, оставившим десяти томник «Психологии народов».

Александр Асмолов: *Мне бы хотелось, чтобы ты назвала своих «культурных героев» в психологии, повлиявших как на становление психологической науки, так и на твою собственную интеллектуальную биографию.*

Марина Гусельцева: Начну с вех становления психологической науки как объективной стороны вопроса. Это Г. Спенсер (методологическая программа, трактовка предмета психологии как взаимосвязи внешнего и внутреннего), В. Вундт (создание психологической лаборатории, где стажировались будущие ведущие психологи и основатели новых направлений; формулировка проблемы «двух психологий» – физиологической и культурной), У. Джеймс («Принципы психологии»), З. Фрейд (психоанализ как своего рода мифологическая система), И.М. Сеченов (своим авторитетом он задал направление развития российской психологии по естественнонаучному пути), Л.С. Выготский, К. Левин, Э. Толмен, Г. Олпорт, А. Маслоу. Особо отмечу К. Юнга и С.Л. Рубинштейна – их фигуры, как мне кажется, сегодня не так заметны на небосклоне психологической науки, однако смысловые глубины их трудов еще не до конца раскрыты, а вклад в психологическую науку, возможно, недооценен. Невозможно не отметить вклад В. Франкла, создавшего такое важное направление, как психология смысла. Вполне уверена, что многих в этом перечислении упустила...

А вот теперь о значимых лично для меня как исследователя ученых. Среди них философы, психологи, историки культуры. В.С. Стёпин – хотя его трактовка постнеклассической рациональности иная, чем та, которую я пытаюсь развивать, отталкиваясь от выделенных им типов рациональности, и в диалоге с идеями М. Вебера, Ж.-Ф. Лиотара и Р. Рорти. М.К. Мамардашвили – благодарна ему за нетипичные мыслительные ходы, отрефлексированные феномены «простите, я не о том говорю!» и «презумпции ума», а также за уроки смены линз (методологической оптики), позволяющие анализировать события под разными углами зрения.

Забавная ситуация – говорить сейчас о своем собеседнике в третьем лице. Конечно, А.Г. Асмолов – Учитель, у которого, начиная с конца

1980-х гг. училась методологическому анализу, исследовательской культуре и чьи принципы историко-эволюционного подхода наметили для меня маршруты интеллектуальных экспедиций психологии в области истории, антропологии и культуры. А.В. Юревич, оказавший значимое влияние формулировкой трех симптомов психологического кризиса (разрыв между прошлым и настоящим науки, между теорией и практикой и фрагментация отдельных психологических исследований) и идеологией либеральной методологии.

А.Я. Гуревич, заинтересовавший идеями в области категориального анализа ментальности и методологии «исторического синтеза» (идущей от французской исторической школы «Анналов»), один из первых в советскую эпоху показавший эвристичность неокантианской методологии в гуманитаристике. К. Гирц, вдохновивший идеями интерпретативной антропологии и методом «насыщенного описания». Знакомство с работами этого автора показало мне важность коммуникации психологии с антропологическим знанием в целом. Особое восхищение вызывает у меня социолог В.А. Ядов, который в свои 85 лет остается активным и ярким мыслителем, например показывающим, что современная социология полипарадигмальна, тогда как в отечественной литературе такая позиция воспринимается неоднозначно – от мягкой критики за пресловутый «эклектизм» до вполне воинствующей «консервативной социологии»⁹.

Исследователем, отличающимся методологической культурой и широтой кругозора, представляется украинский психолог П.А. Мясоед (предложивший к тому же оригинальную трактовку трех типов рациональности в психологии¹⁰)... так благоговейно и преданно продвигающий в украинской и российской психологии идеи В.А. Роменца.

Александр Асмолов: *Поскольку наше интервью «зеркальное», мы ведь не обойдем тему отношения психологии к мистике, эзотерике, религии?*

Марина Гусельцева: Отвечу кратко. На мой взгляд, психологии следует внимательно присматриваться к опыту как гуманитарного познания, так и к пресловутой сфере вненаучного знания (проходя между Сциллой научного скептицизма и Харибдой некритичной открытости и заимствования). Одновременно в недавно опубликованном «Посмертном интервью К. Поппера» мне особенно близки следующие его слова: «Я не знаю, существует Бог или нет. Мы можем знать, как мало мы знаем, но это не должно оборачиваться позитивным знанием о существовании непостижимых тайн. В мире неизмеримо много непостижимо таинственного, но я

⁹ В этой связи хотелось бы обратить внимание читателей на книгу: Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. СПб. : Интерсоцис, 2009.

¹⁰ Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–18.

считаю неприемлемым как выводить теологию из недостатка знания, так и оборачивать наше неведение в нечто вроде позитивного знания. Некоторые виды атеизма бездумны и самонадеянны, они должны быть отвергнуты, но агностицизм – признание незнания и исследование – это правильный путь» (режим доступа: <http://www.snob.ru/profile/27355/blog/80984>).

Александр Асмолов: *Твое отношение к принципу рациональности?*

Марина Гусельцева: Отношение в целом позитивное. Именно на принципе рациональности держится научное знание. Другое дело, что возможны разные типы рациональности (это исторически сменяющиеся типы), да и само понятие научности, критерии научности изменяются от эпохи к эпохе.

Начиная с последней четверти XX в., активно обсуждаются концепции множественной и коммуникативной рациональности. Таким образом, принцип рациональности на сегодняшний день должен учитывать аспекты коммуникативности научного знания и разнообразия исследовательских стратегий. Актуальными и дискуссионными остаются проблемы достоверности, объективности и истинности получаемого знания; лабильности границ научного и вненаучного знания.

В связи с нашей особой социокультурной ситуацией крайне важным мне представляется проартикулировать следующее: наряду с принципом рациональности современная цивилизация держится на идее культуры и идее права (правовая рациональность как важная форма мышления цивилизованного человека). В своей книге «Идея культуры» (2012) еще один наш замечательный отечественный философ В.М. Межуев показывает, что наука и право явились уникальным вкладом западной цивилизации в мировое (универсальное) развитие. Без этих идей сегодня не может обойтись ни одна цивилизация. Рациональность, право и идея культуры стали цивилизационной нормой: современная наука, правовые предпосылки светских форм жизни (правовая рациональность) и уважение к культурному разнообразию (толерантность) являются основой мирного существования единого человечества.

Александр Асмолов: *В предложенной журналом «Методология и история психологии» анкете была следующая формулировка: «диссертанты путаются, а диссертационные советы очень по-разному трактуют, что есть предмет и объект психологического исследования». Каким образом ты трактуешь эти понятия?*

Марина Гусельцева: Сначала небольшая ремарка: как раз для диссертантов и диссертационных советов необходимо разработать прозрачные и публичные (общеизвестные) критерии: это в логике культуры достоинства – минимизировать мучения людей. Теперь по существу. Объект психологического исследования представляет собой часть действительности, на которую направлено внимание психологической науки. Предмет – та

часть объекта, которую мы видим через «подзорную трубу» нашей конкретной исследовательской задачи.

Если же говорить более конкретно, то объект психологического исследования – это человек в многообразии его отношений с миром, а предмет психологического исследования в современном мире отличается неизбежной изменчивостью и разнообразием (предметом может быть как мотивация, личность, деятельность, научение, познавательные процессы, так и отдельные аспекты социализации, семейные отношения, личностный потенциал, особенности возраста и т.д.) Особенность психологии как науки – разнообразие и множественность предмета исследования.

В истории психологии именно конкретизация предмета исследования задавала своеобразие той или иной психологической школы (или подхода). Постнеклассическая методологическая оптика позволяет увидеть эти школы как «обзорные площадки» единой психологической науки. Не скрою, остается вопрос: что служит основой такого единства – скорее интуитивного, чем проартикулированного? По-видимому, это не столько определенные теоретические или методологические подходы, сколько система университетского образования.

Александр Асмолов: *Твое мнение о тенденции объективации научного труда, например, подсчета индексов цитирования у психологов?*

Марина Гусельцева: Как один из способов измерения научных достижений – почему бы и нет? Главное, чтобы погоня за индексами не превращалась в самоцель. К тому же, помимо так называемой объективной оценки, всегда есть «неявное знание», касающееся репутации ученого, известности его имени и трудов в том или ином научном сообществе. По-видимому, наиболее достоверным критерием такого рода оценки достижений становится минимализация зазора между «явным» и «неявным» профилем востребованности трудов ученого.

Александр Асмолов: *Какие дискуссии в психологии, на твой взгляд, могли бы вдохновить наше научное сообщество?*

Марина Гусельцева: Представляется, было бы полезно предоставить трибуну представителям смежных наук. Так, коммуникация (возможно, в жанре интервью на тему методологических проблем и достижений той или иной науки) с ведущими отечественными и зарубежными философами, историками, социологами, антропологами поможет психологии расширить собственные эпистемологические горизонты.

Сведения об авторах:

АСМОЛОВ Александр Григорьевич, заведующий кафедрой психологии личности МГУ имени М. В. Ломоносова, директор Федерального государственного учреждения «Федеральный институт развития образования» (ФИРО). Член Президиума Российской академии образования (Москва). E-mail: agas@mail.ru

ГУСЕЛЬЦЕВА Марина Сергеевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, доцент Московского педагогического государственного университета (Москва). E-mail: mguseltseva@mail.ru

Alexander G. Asmolov¹, Marina S. Guseltseva²

¹ *Russian Acad Educ, Fac Psychol, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).*

E-mail: agas@mail.ru

² *Moscow State Pedagogical University, Department of Psychology (Moscow, Russian Federation).*

E-mail: mguseltseva@mail.ru

Whom and how is to develop the methodology of psychology?

An overview of contemporary issues and controversial issues of development of psychology is presented in the form of two mutual interviews. The context of current discussions is indicated: the tendencies of development of psychology "into the bush" and "into the trunk", pluralism and monism in the approaches, the specificity of the present crisis in psychology. In the "Psychozoic era" the role of psychology is defined.

A number of problems necessary to be solved is identified:

- the problem of division of psychology into natural, humanitarian and spiritual lines. These lines are not often meet, they are usually developed independently, and therefore a much more serious in a broad sense of this word anthropological synthesis is needed as well as the understanding of psychology as a structural anthropology of the reality.

- Rethinking the problem of fundamentals - we are the people of Psychozoic era, and, thus, unique works on the evolution by P. Janet, L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev should be reversed in their logic: not the study of the evolution of the psyche (what was done and what was incredibly important), but the study of the psyche (according to the words of the remarkable biologist A.N. Severtsev) as a factor in evolution.

- Understanding the problem of psychology as a science of constructing the worlds. It is important to consider the creation as a support for spontaneous lines of development, rather than violence on development. In this sense, it is another, "soft", in the words of V.V. Nalimov, understanding of the ideology of construction - moderate construction, moderate constructivism.

- The problem of the world of "the removed forms". Psychology has settled on the world, gave rise to new intentional-subject dimensions: the fields of value and the fields of meaning (A.N. Leontiev, K. Levin, A. Schyuts emphasized this); that we do not interact with the physical world, and always live in the phenomenological world; and that even for the natural sciences all starts with phenomenology, in which the formula "subject and object are inseparable" has the effect; and thus the opposition of subjectivity and objectivity is spread across the surface - it does not exist, and the category of the activity analysis removes the opposition between subject and object if we use the category of activities as a "field" category.

- The problem of the effectiveness of psychology. Psychology as anthropology should become, in the words of A.N. Leontiev, not only a real but also an effective science. And effective science must penetrate modern programs of education, health programs, current program, backed by social practices – psycho-practices, psycho-techniques, meaning-techniques.

- The problem of the opposition of nomothetic knowledge and idiographic knowledge.

- The problem of development of teleological behavioral systems.

- Relational problem of studying "the active in acting".

Keywords: psychologization; risk; development trends; pluralism; monism; synthesis; crisis; cultural-activity approach.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.95

DOI 10.17223/17267080/55/2

М.О. Аванесян

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Понимание переносного смысла на примере метафоры

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ 14-36-01241 «Исследование изоморфных когнитивных структур (на примере метафорических сравнений)»

Статья посвящена проблематике понимания переносного смысла на примере понимания метафор. В первой части представлен обзор экспериментальных исследований понимания «буквального» и «переносного» смыслов. Во второй части статьи автор приводит результаты собственного исследования понимания парных метафор с повторяющимся вспомогательным понятием («А есть В», «С есть В»). Исследование проведено с помощью методики «Пиктограммы». Показано, что одно и то же вспомогательное понятие меняет свою актуальную ментальную репрезентацию при вхождении в разные семантические контексты. Автор делает вывод, что необходимо смещать исследовательский фокус с вопроса о том, отличается ли понимание буквального и переносного смыслов, на вопрос о том, каким образом смысл конструируется человеком в «живой ситуации думания» (англ. аналог on-line thinking).

Ключевые слова: понимание; буквальный смысл; переносный смысл; противоречие; конструирование смысла; метафора.

Введение

Исследования, посвященные метафоре, занимают одно из центральных мест в современной когнитивной психологии. Метафора признается базовым принципом познания, поскольку позволяет усваивать абстрактные понятия, не данные в непосредственном опыте, через эмоционально-чувственный, телесный опыт (embodied language) [1]. Так, например, психику можно назвать черным ящиком, взглядом можно пронзить, а мысли — поделиться.

С позиции формальной языковой логики метафора представляет собой «таксономическое нарушение», таксономическую девиацию, категориальный сдвиг [2], семантическую аномалию [3], «синтаксический окказиона-

лизм» [4]. Уже беглый взгляд на эти названия позволяет сделать вывод о том, что познание, осуществляемое с помощью метафоры, противопоставляют вербально-логическому познанию.

Теоретическое исследование

Различие в механизмах понимания «буквального» и «переносного» смысла подчеркивается Г.П. Грайсом [5], Дж. Серлем [6], Р. Джиорой [7, 8], согласно которым переносный смысл генерируется только тогда, когда буквальный смысл высказывания «дефектен» в заданном контексте. Такая модель имеет несколько проверяемых следствий: актуализация буквального значения первична по времени, приоритетна, контекстуально независима, а значит, на его понимание уходит меньше времени и сил, чем на понимание переносного. Данная модель была подтверждена в серии экспериментальных исследований [9, 10]. Проверки уровневой гипотезы внесли существенный вклад в теорию метафоры, так как являлись первыми экспериментальными исследованиями понимания метафоры [11].

Однако получено довольно много экспериментальных данных, противоречащих уровневой модели понимания метафоры. Согласно ряду экспериментов [12, 13] скорость прочтения предложения, имеющего метафорический смысл, такая же, как и «буквального» предложения, независимо от длины контекста (использовался метод фиксации движений глаз). В более позднем исследовании Д. Бласко и С. Коннайна [14] с использованием метода семантического прайминга было выявлено, что метафорическое значение «хороших метафор» активировалось так же быстро, как и значения «буквальных» высказываний даже в тех случаях, когда метафоры не были знакомы испытуемым.

Получается, что метафорическая интерпретация может быть так же легкодоступна (автоматична), как и буквальная. Если это так, то *смогут ли люди игнорировать метафорический смысл высказывания, когда оно имеет буквальную интерпретацию, подходящую контексту?* С. Глюксберг и соавт. [15, 16] проверили эту гипотезу в серии экспериментов, смоделированных в классической парадигме Струпа. Напомним, что эффектом Струпа называют задержку реакции при прочтении слов, когда цвет написанного слова не совпадает с его значением (к примеру, слово «синий» написано желтым). С. Глюксберг применил парадигму Струпа по отношению к буквально ложным, но метафорически истинным высказываниям типа «некоторые дороги – змеи» и «некоторые офисы – айсберги». Участникам эксперимента на экране по одному демонстрировались высказывания, инструкция заключалась в том, чтобы оценить, является предложение истинным или ложным в буквальном смысле. Использовались четыре типа предложений: 1) буквально истинные (напр., «некоторые птицы – малиновки», 2) буквально ложные (напр., «некоторые птицы – яблоки»), 3) метафоры («некоторые работы, как тюрьмы», «некоторые флейты – птицы») и 4) искаженные метафоры («некоторые работы – птицы», «некоторые флейты – тюрьмы»), ложные метафорически и буквально. В случае, если люди могли

игнорировать метафорический смысл, то отвержение метафор и искаженных метафор занимало бы одинаковое время. Если, с другой стороны, людям автоматически доступны метафорические значения, то скорость ответа при предъявлении метафор была бы больше, поскольку, принимая решение, человек должен был выбрать между конкурирующими «правдой» небуквального значения и «ложью» буквального. Были получены достаточно однозначные результаты: люди имели трудности в отвержении метафор как высказываний, которые имеют ложное буквальное значение. Среднее время ответа в случае отвержения метафорического предложения (1 239 мс) было статистически значимо больше, чем время отвержения буквального ложного предложения (1 185 мс) или искаженной метафоры (1 162 мс). Данный результат был интерпретирован как интерференционный эффект Струпа: люди не могут подавить процесс понимания метафоры, даже если в ходе эксперимента было активировано и доступно буквальное значение. Убедительное доказательство того, что метафорическая интерпретация генерируется параллельно буквальной, была предложена Б. МакЭлри [17] и его коллегами.

В описанных ранее исследованиях стимульным материалом служили высказывания, которые были верными при метафорической интерпретации и не имели смысла при буквальном понимании. *Смогут ли люди понимать метафоры, ложные в предъявленном контексте, автоматически?* Б. Кейсар (цит. по [18]) провел эксперимент с целью проверить эту идею. Он предъявлял участникам короткие истории. В конце каждой истории было целевое предложение, которое могло быть ложным или истинным как в буквальном, так и в метафорическом смысле. Приведем пример буквально истинного, но метафорически ложного целевого предложения: «Боб Джонс – эксперт в таких трюках, как распиливание женщин пополам или доставание кроликов из шляпы. Он зарабатывает деньги, путешествуя вокруг света с дорогим антуражем и целой командой помощников. Хотя Боб старается аккуратно вести бюджет, ему кажется, что деньги исчезают в воздухе. Почему при такой огромной аудитории он не может выйти на безубыточность?». Целевое предложение: «Боб Джонс – фокусник». В этом контексте Боб действительно фокусник, но он оказался неспособным сделать так, чтобы исчезли его финансовые трудности. Поэтому, метафорически говоря, он не фокусник. Из-за несоответствия между буквальной и метафорической истинностью людям требуется больше времени для того, чтобы принять решение о буквальной истинности этого предложения. Когда история описывает Боба как фокусника и буквально, и фигурально, люди быстрее принимают решение об истинности буквального значения целевого предложения. В данном случае мы столкнулись с интерференционным эффектом, когда предложение является истинным в буквальном смысле и ложным – в метафорическом. Это показывает, что метафорические интерпретации также могут формироваться автоматически¹.

¹ Отметим, что в зарубежных исследованиях часто используют устоявшиеся метафоры.

Современная семантическая модель также не различает буквальные и переносные значения. Базовое утверждение семантической модели состоит в том, что значение слова, предложения или текста может быть представлено через совокупность его отношений с другими знаниями, что отражается в идее многомерного семантического пространства [19–22]. В связи с этим можно достаточно точно рассчитать, насколько близко или далеко друг от друга в семантическом пространстве располагаются векторы анализируемых единиц, и таким образом определить степень семантической близости между любыми словами, предложениями, текстами. Одной из техник для создания такого семантического пространства является латентный семантический анализ (LSA), который развивался В. Кинтчем, Т. Ландауером и коллегами [23, 24]. Основой измерения стала совместная встречаемость слов. Сбор эмпирических данных показал, что организация 300–400-мерного семантического пространства в наибольшей степени сопоставима с суждениям человека. LSA, таким образом, представляет значение слова, как вектор в 300-мерном семантическом пространстве. Позже В. Кинтч дополнил модель LSA, добавив туда идею сдвига предиката, и показал, что алгоритм предикации обеспечивает интерпретацию простых метафор («существительное – существительное») [25]. Понимание текста, имеющего буквальное значение, в такой модели не отличается от понимания метафор, однако для того, чтобы понять метафору, необходимо пройти большую дистанцию в сети значений семантического пространства [Там же]. Однако такой подход не учитывает эмоционально-образную составляющую смысла, которая раскрывается в психологических концепциях. Существенным критерием поиска вспомогательного понятия, на наш взгляд, является эмоционально-чувственная синонимичность вспомогательного понятия и той смысловой структуры, которую хочет передать автор метафоры. Возможным объяснением «притяжения» определенного вспомогательного понятия для выражения мысли автора является теория Т. Любарта и И. Гетца [26]. Их теория предлагает механизм эмоционального резонанса, благодаря которому устанавливается ассоциация между двумя эмоционально близкими понятиями, которые при этом могут быть достаточно далеки семантически [Там же]. Эта идея представляется оригинальной и прогностичной, поскольку позволяет объяснить расширение того мысленного пространства, в котором происходит поиск идей или гипотез. На наш взгляд, эту теорию можно назвать современной разработкой ассоциативной модели психического. Она указывает на связь двух понятий на основе сходства их эмоциональных профилей, своеобразной предпонятийной схожести.

Исследование онтогенеза понимания метафор было осуществлено Э. Виннер, Г. Гарднером [28]. Их интересовало, как 6–14-летние дети понимали психолого-физические метафоры, содержащие термины с двойственным значением, относящимся как к психологической, так и к физической области («После многих лет работы в тюрьме стражники стали *кусками глыб*, которых нельзя было тронуть»). На основе полученных эмпирических данных они предложили четырехуровневую модель понимания метафор в онтогенезе:

1) магическая интерпретация включает буквальную интерпретацию, где правдоподобность достигается за счет создания магического мира, в котором не работают законы естественного мира (стражники были каменными, потому что пришел король и превратил их в камни). Ребенок на этой стадии не различает принадлежность понятий метафоры («стражники» и «куски глыб») к разным «мирам»;

2) метонимическая интерпретация – оба термина метафоры перефразируются так, что могут интерпретироваться буквально, но без изменения законов естественного мира, правдоподобность достигается за счет ассоциативного сближения, но не идентификации (стражники были каменные, потому что стены тюрьмы были каменными);

3) примитивная метафорическая интерпретация – выражение интерпретируется небуквально, но слово с двойным значением все же сохраняет свое буквальное значение. Восьмилетние дети находят основание метафоры по внешним, физическим признакам, производя буквальное сравнение (мускулы стражников такие же твердые, как камень);

4) истинно метафорическая интерпретация – слово с двойным значением интерпретируется в метафорическом значении. Только в возрасте около десяти лет дети понимают, что предъявленная метафора повествует о бездушном обращении стражников с заключенными. На этом уровне оба пространства совмещаются в мире ментального, образуя целостную смысловую репрезентацию.

В исследовании Э. Виннер [28] была обнаружена интересная тенденция: когда дети «перерастали» примитивные метафорические ответы, они начинали предлагать неподходящие метафорические интерпретации, неверно ухватывая их психологическое или сенсорное измерение. Например, при понимании метафоры со стражниками дети улавливали только общую отрицательную модальность высказывания: стражники были «нервными» (а не бесчувственными).

Современные теории метафоры подчеркивают важность вида метафоры как определяющего фактора для выбора стратегии ее обработки. В связи с этим в западной литературе принято различать два типа теорий метафоры – образные и пропозиционные², о которых иногда говорят как о двух стратегиях обработки метафор, отличающихся разной ролью буквального значения слов, входящих в метафору [29].

Исследование мозговой активности методом вызванных потенциалов головного мозга (ERP) показало, что время обработки одного и того же слова в метафорическом и неметафорическом контексте не изменяется [30]. Однако изменялось значение отрицательного потенциала мозга N400³, который фиксируется, если слово оказывается в несоответствующем ему контексте⁴. Чем сложнее происходит интеграция слова в суще-

² Image theories and proposition theories.

³ Название N400 происходит из-за времени возникновения этого потенциала – 400 мс после предъявления значимого стимула.

⁴ Не важно, слово написанное, сказанное или выраженное с помощью жестов.

ствующий контекст, тем выше наблюдаемая амплитуда потенциала N400. Поэтому авторы исследования сделали вывод, что дихотомия буквальный – фигуральный не обоснована: просто для конструирования смысла метафоры требуется больше усилий, поскольку вся трудность с фигуральным смыслом состоит в более сложном проецировании и концептуальной интеграции. Получается, что одни и те же мыслительные операции лежат в основе понимания как буквальных, так и переносных значений⁵ [31].

Проделанный теоретический обзор позволяет сделать следующие выводы о соотношении буквального и переносного смыслов.

1. Понимание того, что метафора – это выражение с переносным смыслом, приходит в более раннем возрасте, чем способность этот смысл извлекать.

2. Метафорическая интерпретация «хороших метафор» так же легкодоступна («автоматична»), как и буквальных высказываний.

3. Когнитивная обработка метафор сопровождается повышением амплитуды вызванных потенциалов, поскольку требует более сложной когнитивной работы по смысловой интеграции неожиданного слова в уже существующий контекст.

Методика и выборка

Целью большинства описанных ранее экспериментальных исследований было выяснить, отличаются ли процессы понимания «буквальных» и «метафорических» высказываний. Основными индикаторами понимания смысла обоих типов высказываний выступали количественные характеристики, прежде всего временные. Нас же интересовали содержательные компоненты «буквального» значения, которым обладали понятия метафоры. Для их исследования была выбрана методика «Пиктограммы». Испытуемым давалась следующая инструкция: «Нарисуйте рисунок – графическую схему, которая будет выражать основной смысл метафоры»⁶. В качестве стимульного материала использовались парные метафоры с повторяющимся вспомогательным понятием: «самолет – птица» и «мечта – птица», «проблема – лабиринт» и «жизнь – лабиринт», «время – стрела» и «взгляд – стрела», «годы – багаж» и «знания – багаж», «дорога – змея» и «адвокат – змея». Варьируя основное понятие и оставляя инвариантным вспомогательное, мы получали ситуацию, в которой *одно и то же* понятие использовалось для передачи *разных* идей. Таким образом, решалась психологическая задача: проследить, меняет ли одно и то же вспомогательное понятие свою *актуальную* ментальную репрезентацию при вхождении в разные семантические контексты.

⁵ По сути, это использование одной области опыта для постижения другой области опыта. Выделяют три операции для создания смешанного пространства: соединение (*Composition*), достраивание (*Completion*), разработка с мысленным представлением (*Deleboration*).

⁶ Исследование подробно описано в работе автора [34]. В данной статье мы обсудим его методологический аспект.

Теоретической базой исследования для нас стала теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [32], в которой для описания событий, происходящих на внутриспсихическом плане, вводится понятие «ментальное пространство». Под ментальным пространством они имеют в виду внутриспсихические концептуальные структуры (conceptual packet), которые создаются всегда, когда мы думаем и говорим, и модифицируются по мере развертывания дискурса [Там же]. Смысловая репрезентация метафоры, с их точки зрения, – это результат смешивания структур нескольких ментальных пространств (blended space), связанных понятиями метафоры. Графические изображения смысла метафоры являлись своего рода аналогами смешанного ментального пространства. Ведь для того, чтобы в графической форме передать суть метафоры, испытуемым необходимо было актуализировать ментальные репрезентации понятий метафоры и найти их общие характеристики. Таким образом, пиктограммы позволили реконструировать события, происходящие в ментальном пространстве испытуемого.

Принадлежность понятий метафоры к отдаленным семантическим областям позволила проследить, как в одном пространстве рисунка смешиваются элементы двух разных предметных областей. Рисунки не тождественны ментальным образам, но частично им инвариантны. Они, как и психические образы, обладают пространственными, временными, интенсивностными и модальными характеристиками [33]. Дополнительным аргументом в пользу выбора метода пиктограмм стало то, что полноту смысла метафоры бывает трудно передать словами. Поэтому можно предположить, что в рисунках может отразиться то содержание метафоры, которое трудно вербализовать. Особенностью проективных методов, к которым относятся графические тесты, является отсутствие строгих алгоритмов обработки полученных результатов. Желательно, чтобы результаты теста оценивались сразу несколькими независимыми экспертами, что и было осуществлено в нашей работе. Мы привлекли двух психологов, которые имели необходимый опыт работы с графическими данными, в качестве экспертов. Полученные рисунки обрабатывались ими с помощью метода сравнительного качественного анализа.

В исследовании добровольно участвовали 32 человека (21 женщина, 11 мужчин) в возрасте 17–23 лет, студенты факультета психологии СПбГУ.

Обработка полученных данных: качественный анализ

Анализируя рисунки, эксперты прежде всего обращали внимание на различия в образной развертке одного и того же вспомогательного понятия, которое предъявлялось в контексте разных основных понятий (например, «самолет – птица» и «мечта – птица»). Они разработали следующие опорные вопросы:

а) актуализируются ли в парных метафорах с повторяющимся вспомогательным понятием одни и те же характеристики и структуры вспомогательного понятия;

б) каким образом в графической форме будет отражено конструирование смысла и соответственно семантическое объединение двух понятий метафоры.

В связи с тем, что вспомогательное понятие почти всегда более конкретно, чем основное, оно часто (47% рисунков) становилось основой рисунка испытуемых.

Изображение одного и того же вспомогательного понятия модифицировалось, когда оно попадало в разные метафорические пары (например, рисунок лабиринта для передачи смысла метафоры «жизнь – это лабиринт» существенно отличался от рисунка лабиринта для метафоры «проблема – это лабиринт», то же касается и других метафорических пар) [34]. Это объясняется тем, что основное понятие метафоры являлось контекстом, определяющим образную форму репрезентации вспомогательного понятия, актуализацию его качеств и широту предметно-ситуативного контекста, в котором представлено вспомогательное понятие.

На материале одной пары метафор «самолет – птица» и «мечта – птица» покажем различия в образной репрезентации одного и того же вспомогательного понятия («птица»).

Для понятия «птица» характерны следующие базовые характеристики:

- животное, обитающее в воздушной среде (высоко, далеко);
- способно летать (имеет крылья и особую форму тела).

«Самолет – птица»: общими характеристиками самолета и птицы являются способность к полету на большой высоте и особая внешняя форма (удлиненное, обтекаемой формы тело, крылья).

Метафорическое отождествление самолета и птицы придает понятию «самолет» дополнительные смысловые оттенки: самолет – это техническое изделие, которое сопоставляется с живым существом, идеально чувствующим себя в небе, для которого воздушная среда является родной и естественной.

«Мечта – птица»: общие характеристики мечты и птицы частично совпадают с характеристиками предыдущей пары. Однако при смене основного понятия на физические характеристики птицы накладывается система символических значений. Так, мечту трудно воплотить в жизнь («далекая»), хотя ее образ можно легко актуализировать в собственном воображении («увидеть в небе»). Эта метафора является отсылкой к разработанной системе культурных координат, которая хорошо представлена во фразеологизмах, знакомых любому взрослому носителю языка (витать в облаках, улететь в мечтания). Мечта – ещё не сбывшееся явление, существующее только в ментальном, воображаемом плане. Эта особенность мечты символически изображалась с помощью руки, тянущейся к птице, которая находилась очень далеко. Таким образом, дополнительный смысл «мечты», возникший при ее отождествлении с птицей, состоит в том, что мечта

недостижима, что она существует в другом измерении – мире психического, а не физического, она свободна и ничем не ограничена. Изображения птиц на пиктограммах к обоим метафорам существенно отличаются: птица-самолет изображалась с удлинённым телом, обладающим прямыми линиями (прототип – «орел»); птица-мечта изображалась более округлой, с коротким и компактным телом (прототип – «птичка») или же в виде сказочной птицы. Этот факт позволяет говорить о разных образных прототипах птиц (термин Э. Рош), задействованных воображением для передачи смысла парных метафор.

Различия между изображениями одного и того же понятия прослеживаются на остальных парах метафор. Опишем несколько примеров типичных рисунков. Лабиринт для передачи сути метафоры «проблема – лабиринт» представлял собой классический лабиринт с прямыми линиями и углами, имеющий вход и выход. В изображении лабиринта к метафоре «жизнь – лабиринт» также встречается классический лабиринт, но около трети испытуемых изобразили его в виде запутанного клубка. В пиктограммах для «багажа знаний» обычно показано, что лежит внутри багажа (чемодана или сумки), которые рисовались приоткрытыми, распахнутыми или даже проходящими через «рентгеновский аппарат» в аэропорту. Для метафоры «годы – багаж», наоборот, содержание багажа не прорисовывалось или изображалось в виде одинаковых элементов (квадратиков, кружков). Самым распространённым типом пиктограмм для «дороги – змеи» были рисунки – гибриды – сочетания изображений и дороги, и змеи. Самым распространённым для метафоры «адвокат – змея» было изображение адвоката – змеи-человека с атрибутами адвоката (костюм, портфель), но с головой или языком змеи. Наиболее типичной особенностью «стрелы времени» являлось то, что она была направлена в бесконечность и не имела источника своего движения, а «стрела взгляда» во всех рисунках имела источник (взгляд принадлежит человеку) и цель (объект, на который направлен взгляд).

Рисунки, с помощью которых испытуемые в графической форме передавали сходство понятий метафоры, существенно различались по уровню обобщения: от конкретных изображений понятий метафоры до высокообобщённых схем, отражающих общие характеристики обоих понятий метафоры. Те испытуемые, которые не могли справиться с заданием, просто изображали оба понятия метафоры рядом друг с другом (10% рисунков). «Буквальное» значение обоих понятий метафоры наиболее очевидно проявилось в рисунках-гибридах, в которых были актуализированы образы, связанные с обоими понятиями, но не были раскрыты существенные особенности их взаимосвязи (23%). В ряде пиктограмм оба понятия метафоры объединялись в едином образе, отражавшем эмоционально-чувственное переживание сходства понятий (24%). В случае передачи сходства понятий в виде графической модели или схемы отсутствовали их конкретно-образные компоненты (17% – неполное обобщение, 10% – полное обобщение).

Обсуждение результатов

Важной особенностью методики «Пиктограммы» является то, что она позволила получить данные как относительно вербального, так и эмоционально-чувственного компонентов познания. В большинстве рисунков присутствовали образы, связанные с обоими понятиями метафоры: они были либо «склеены друг с другом» механически, либо объединены в образе, отражавшем целостное эмоционально-чувственное переживание смысла метафоры. Пиктограммы дали возможность «зараз» передать конечный результат работы с метафорами. Эта особенность позволила зафиксировать невербальную составляющую, столь важную в процессе конструирования смысла метафоры.

В теории метафоры открытым остается вопрос о том, какие именно характеристики вспомогательного понятия проецируются на основное. Чаще всего говорят о типичных ассоциациях, связанных с вспомогательным понятием. Например, сравнивая объект со снегом, мы хотим подчеркнуть белизну этого объекта. Однако пиктограммы показали, что образная репрезентация и соответственно набор актуализируемых признаков одного и того же вспомогательного понятия в парных метафорах существенно отличаются. В зависимости от того, какой признак вспомогательного понятия выходит на первый план, происходит актуализация разных образных прототипов («хорошие примеры» в терминологии Э. Рош) вспомогательного понятия.

Пиктограммы позволяют ответить на вопрос о том, какова роль буквальных значений в понимании метафор. Для части метафор (например, «самолет – птица», «дорога – змея») пиктограммы содержали много конкретно-образных элементов обоих объектов. Такие метафоры можно обозначить как перцептивные метафоры. Пиктограммы для метафор, понимание которых требовало более высокоуровневого обобщения понятий (например, «мечта – птица», «адвокат – змея»), содержали больше символических и схематических графических элементов. Именно потому графические изображения, связанные с «буквальным» значением понятий метафоры, доказывают избыточность разделения смысла на «буквальный» и «переносный». Ведь понимание метафор прежде всего предполагает операцию нахождения сходства между двумя понятиями, которое может быть преимущественно низкоуровневым (перцептивным) или высокоуровневым.

Исследование понимания метафор очень остро ставит проблему конструирования смысла любого высказывания. В последнее время приводится все больше доказательств в пользу того, что само буквальное значение не является строго фиксированным и зависит от контекста [35, 36]. В нашем исследовании также показано, что смысловая развертка слова во многом зависит от того семантического контекста, в котором оно находится. Принципиально важен тот факт, что фокус исследований постепенно смещается с вопроса о том, отличается ли понимание буквального и переносного смысла, на то, что смысл каждый раз создается человеком в «жи-

вой ситуации думания» (англ. аналог on-line thinking). Понятие «ментальная репрезентация» становится тем переходным теоретическим конструктом [37], который позволяет увязывать «объективно» существующие значения слов с ментальным опытом человека и наличным контекстом. Несмотря на то, что объектом исследования являлся *конечный* продукт когнитивной работы – пиктограмма, было показано, что качественный подход может обеспечить подступ к *процессуальному аспекту* создания смысла. Видится, что качественный подход является перспективным для исследования процессов понимания «переносного смысла». С одной стороны, он продолжает традицию отечественной клинической психологии, заложенную Б.В. Зейгарник и С.Я. Рубинштейн, с другой стороны, учитывает современные исследования, оперирующие понятиями ментального пространства и осуществляющихся в нем преобразований. Планируется дальнейшее исследование понимания «переносного смысла» с рядом дополнений: во-первых, в репертуар методов будет внесено глубинное интервью; во-вторых, будет расширена типология контекстов предъявления одного и того же слова, связанная уже не только с «буквальным» и «переносным» смыслами, но и с другими типами высказываний.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : ЛКИ, 2008. 256 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
3. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 358–386.
4. Рипинская Л.В. Синтаксический окказионализм как лингвистическая основа метафоры // Язык и стиль английского художественного текста. Л., 1977. С. 96–102.
5. Grice H.P. Logic and Conversation // Speech Acts. Syntax and Semantics. N.Y. : Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.
6. Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 307–341.
7. Giora R. On the priority of salient meanings: Studies of literal and figurative language // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. P. 919–929.
8. Giora R. On our Mind: Salience, Context, and Figurative language. N.Y. : Oxford University Press, 2003.
9. Clark H.H., Lusch P. Understanding What is Meant from What is Said: A Study in Conversationally Conveyed Requests // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1975. Vol. 14. P. 56–72.
10. Janus R., Bever T. Processing of Metaphoric Language: An Investigation of the Three Stages of Metaphor Comprehension // Journal of Psycholinguistic Research. 1985. Vol. 14, No. 5. P. 473–487.
11. Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 73–85.
12. Inhoff A., Lima S., Carroll P. Contextual Effects on Metaphor Comprehension in Reading // Memory and Cognition. 1984. Vol 12, No. 16. P. 550–567.
13. Ortony A. Metaphor and Thought. Cambridge, England : Cambridge University Press, 1979.

14. *Blasko D., Connine C.* Effects of familiarity and aptness on metaphor processing // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1993. Vol. 19. P. 295–308.
15. *Glucksberg S., Gildea P., Bookin H.* On understanding nonliteral speech: can people ignore metaphors? // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1998. Vol. 21. P. 85–98.
16. *Glucksberg S.* Understanding Figurative Language: From Metaphors to Idioms. Oxford : Oxford University Press, 2001.
17. *McElree B.* The locus of lexical preference effects in sentence comprehension: A time-course analysis // *Journal of Memory and Language*. 1993. Vol. 32. P. 536–571.
18. *Glucksberg S.* Understanding figurative language: From metaphors to idioms. New York, NY : Oxford University Press, 2001.
19. *Osgood Ch.E.* The nature and measurement of meaning // *Psychol. Bull.* 1952. Vol. 49. P. 197–237.
20. *Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / под ред. И.Б. Ханиной. М. : Наука ; Смысл, 1999. 350 с.
21. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М. ; СПб. : Питер, 2005. 480 с.
22. *Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 158 с.
23. *Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D.* Introduction to Latent Semantic Analysis // *Discourse Processes*. 1998. Vol. 25. P. 259–284.
24. *Kintsch W.* Metaphor comprehension: A computational theory // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2000. Vol. 7. P. 257–266.
25. *Kintsch W., Gomez E.A.* Computational Theory of Complex Problem Solving Using the Vector Space Model (part II): Latent Semantic Analysis Applied to Empirical Results from Adaptation Experiments // *Cognitive research with Microworlds*. 2001. P. 117–131.
26. *Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф.* Психология креативности. М. : Когито-Центр, 2009. 215 с.
27. *Carston R.* Metaphor: ad hoc concepts, literal meaning and mental images // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2010. Vol. 110, No. 3. P. 295–321.
28. *Winner E., Gartner H.* The Development of Metaphoric Operations. Final Report [microform]: Distributed by ERIC Clearinghouse, 1981.
29. *Gardner H., Winner E. et al.* The development of figurative language // *Children's Language* / ed. by K. Nelson. N.Y. : Gardner Press, 1978.
30. *Coulson S., Van Petten C.* Conceptual Integration and Metaphor: An event-related potential study // *Memory & Cognition*. 2002. Vol. 30. P. 958–968.
31. *Coulson S., Matlock T.* Metaphor and the space structuring model // *Metaphor & Symbol*. 2001. Vol. 16, No. 3. P. 295–316.
32. *Fauconnier G., Turner M.* Rethinking Metaphor // *Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 53–66.
33. *Веккер Л.М.* Психика и реальность. М., 1998. 685 с.
34. *Аванесян М.О.* Изучение образного компонента метафоры методом пиктограмм // *Психологические процессы самореализации личности*. СПб., 2010. С. 236–247.
35. *Tanenhaus M.K., Spivey-Knowlton M.J.* Eye-tracking // *Language and Cognitive Processes: A guide to spoken word recognition paradigms*. 1996. Vol. 11. P. 583–588.
36. *Giora R.* Interview // *Humana. Mente Journal of Philosophical Studies*. 2012. Vol. 23. P. 189–196.
37. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб., 2002. 272 с.

Статья представлена научной редакцией 18 декабря 2014 г.

АВАНЕСЯН Марина Олеговна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).
E-mail: m.avanesyan@spbu.ru

Siberian journal of psychology, 2015, 55, 46–60. DOI 10.17223/17267080/55/2

Marina O. Avanesian

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation).
E-mail: m.avanesyan@spbu.ru

Understanding of figurative language (on the example of metaphor)

The article is about understanding of figurative language through the example of metaphors. In the first part of the article provides an overview of experimental research of understanding of "literal" and "figurative" meaning. It is shown that "good metaphor" is processed as quickly as text that has a literal meaning. In addition, a person cannot ignore the metaphorical meaning of a statement, even if it has a literal meaning, which is ideally suited to the context. The study of brain activity by evoked potentials (ERP) showed that the time of processing of the same word in a metaphorical and nonmetaphorical context did not change. The only difference was in the value of the negative potential of the brain N400, which is fixed, if the word is used in the unexpected context. The more complex the meaning integration of the word is in the current context, the higher the observed amplitude of the potential N400. These data agree with the study of ontogeny of metaphor understanding: children recognize a statement as metaphorical before they are able to understand its meaning.

In the second part of the article the example of qualitative research of metaphor understanding is given. The stimuli were the pairs of metaphors with a repeated subsidiary concept ("A is B", "C is B"). Because of such organization of the stimuli, one and the same concept ("B") was used for transferring the different ideas. The study was conducted by the method of "Pictogram". 31 people aged 17 - 26 years (students of the Faculty of St. Petersburg State University of Psychology) took part in the research. The presupposition of the study was that the graphic representation of metaphors meaning provides the reconstruction of the events taking place in the mental space of the subject. The pertaining of concepts of the metaphor to distant domains has become a kind of the semantic marker, which helped to trace how the elements of two different domains are blended. It has been shown that one and the same subsidiary concept changed its current mental representation when entering different semantic contexts.

The author concludes that in the present studies of the understanding it is necessary to shift the research focus from the distinction of the literal and figurative meaning to the question of how meaning is constructed in the "actual situation of thinking" (English analogue is "on-line thinking"). The concept of "mental representation" is the theoretical construct that links the "objectively" existing meanings of words with the mental experience of a person and situational context.

Keywords: literal meaning; figurative meaning; contradiction; construction of meaning; metaphor.

References

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaforý, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English by A.N. Baranov, A.V. Morozova. Moscow: LKI Publ., 2008. 256 p.
2. Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs* [The metaphor and discourse]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metaforý* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 5-32.
3. McCormack E. *Kognitivnaya teoriya metaforý* [The cognitive theory of the metaphor]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metaforý* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 358-386.
4. Ripinskaya L.V. *Sintaksicheskij okkazionalizm kak lingvisticheskaya osnova metaforý* [Syntactic nonce formations as a linguistic basis for the metaphor]. In: Arnold I.V. (ed.) *Yazyk i stil' angliyskogo khudozhestvennogo teksta* [The language and style of the English literary text]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1977, pp. 96-102.
5. Grice H. P. Logic and Conversation. *Speech Acts. Syntax and Semantics*, 1975, vol. 3, pp. 41-58.
6. Searle J. *Metafora* [The Metaphor]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metaforý* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 307-341.
7. Giora R. On the priority of salient meanings: Studies of literal and figurative language. *Journal of Pragmatics*, 1999, vol. 31, pp. 919-929. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00100-3
8. Giora R. *On our Mind: Salience, Context, and Figurative language*. New York: Oxford University Press, 2003. 272 p.
9. Clark H. H., Lusch P. Understanding What is Meant from What is Said: A Study in Conversationally Conveyed Requests. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1975, vol. 14, pp. 56-72. DOI: 10.1016/S0022-5371(75)80006-5
10. Janus R., Bever T. Processing of Metaphoric Language: An Investigation of the Three Stages of Metaphor Comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1985, vol. 14, no. 5, pp. 473-487. DOI: 10.1007/BF01666722
11. Alekseev K.I. *Metafora kak ob'ekt issledovaniya v filosofii i psikhologii* [Metaphor as an object of study in philosophy and psychology]. *Voprosy psikhologii*, 1996, no. 2, pp. 73-85.
12. Inhoff A., Lima S., Carroll P. Contextual Effects on Metaphor Comprehension in Reading. *Memory and Cognition*, 1984, vol. 12, no. 16, pp. 550-567. DOI: 10.3758/BF03213344
13. Ortony A. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 678 p.
14. Blasko D., Connine C. Effects of familiarity and aptness on metaphor processing. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 1993, vol. 19, pp. 295-308. DOI: 10.1037//0278-7393.19.2.295
15. Glucksberg S., Gildea P., Bookin H. On understanding nonliteral speech: can people ignore metaphors? *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1998, vol. 21, pp. 85-98. DOI: 10.1016/S0022-5371(82)90467-4
16. Glucksberg S. *Understanding Figurative Language: From Metaphors to Idioms*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 144 p.
17. McElree B. The locus of lexical preference effects in sentence comprehension: A time-course analysis. *Journal of Memory and Language*, 1993, vol. 32, pp. 536-571. DOI: 10.1006/jmla.1993.1028
18. Glucksberg S. *Understanding Figurative Language: From Metaphors to Idioms*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 144 p.
19. Osgood Ch.E. The nature and measurement of meaning. *Psychological Bulletin*, 1952, vol. 49, pp. 197-237. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/h0055737>
20. Artem'eva E.Yu. *Osnovy psikhologii sub"ektivnoy semantiki* [Fundamentals of psychology of subjective semantics]. Moscow: Nauka, Smysl Publ., 1999. 350 p.
21. Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki* [The fundamentals of psychosemantics]. Moscow, St. Petersburg: Piter Publ., 2005. 480 p.

22. Shmelev A.G. *Vvedenie v eksperimental'nyuyu psikhosemantiku: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i psikhodiagnosticheskie vozmozhnosti* [Introduction to experimental psychosemantics: theoretical and methodological foundations and possibilities for psychodiagnostic]. Moscow: Moscow State University Publ., 1983. 158 p.
23. Landauer T. K., Foltz P. W., Laham D. Introduction to Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*, 1998, vol. 25, pp. 259-284. DOI: 10.1080/01638539809545028
24. Kintsch W. Metaphor comprehension: A computational theory. *Psychonomic Bulletin and Review*, 2000, vol.7, pp. 257-266. DOI: 10.3758/BF03212981
25. Kintsch W., Gomez E.A., Quesada J. *Computational Theory of Complex Problem Solving Using the Vector Space Model (part II): Latent Semantic Analysis Applied to Empirical Results from Adaptation Experiments*. In: Casas (ed.) *Cognitive research with Microworlds*, 43-84, 2001, pp. 117-131
26. Liubard T., Mushir K., Tordzhman S., Zenasni F. *Psikhologiya kreativnosti* [Psychology of creativity]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2009. 215 p.
27. Carston R. Metaphor: ad hoc concepts, literal meaning and mental images. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 2010, vol. 110, no. 3, pp. 295-321. DOI: 10.1111/j.1467-9264.2010.00288.x
28. Winner E., Gartner H. *The Development of Metaphoric Operations. Final Report* [microform]. Distributed by ERIC Clearinghouse. 1981.
29. Gardner H., Winner E. et al. *The development of figurative language*. In: Nelson K. (ed.) *Children's Language*. New York: Gardner Press, 1978.
30. Coulson S., Van Petten C. Conceptual Integration and Metaphor: An event-related potential study. *Memory & Cognition*, 2002, vol. 30, pp. 958-968. DOI: 10.3758/BF03195780
31. Coulson S., Matlock T. Metaphor and the space structuring model. *Metaphor & Symbol*. 2001. Vol. 16. No. 3. RP. 295–316. DOI: 10.1080/10926488.2001.9678899
32. Fauconnier G., Turner M. *Rethinking Metaphor*. In: Gibbs R.W. (ed.) *Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 53-66.
33. Vekker L.M. *Psikhika i real'nost'* [Mind and Reality]. Moscow: Smysl Publ., 1998. 685 p.
34. Avanesyan M.O. *Izuchenie obraznogo komponenta metafor metodom piktogramm* [Studying the figurative component of the metaphor by pictograms]. In: *Psikhologicheskie protsessy samorealizatsii lichnosti* [Psychological processes of self-realization]. St. Petersburg, 2010, pp. 236-247.
35. Tanenhaus M.K., Spivey-Knowlton M.J. *Eye-tracking*. In Grosjean F., Frauenfelder U. (eds.) *Language and Cognitive Processes: A guide to spoken word recognition paradigms*. Psychology Press, 1996, vol. 11, pp. 583-588.
36. Giora R. Interview. *Humana. Mente Journal of Philosophical Studies*, 2012, vol. 23, pp. 189-196.
37. Kholodnaya M.A. *Psikhologiya intellekta: Paradoksy issledovaniya* [Psychology of Intelligence: Paradoxes of the study]. St. Petersburg: Bars Publ., 2002. 272 p.

Received: 18 December 2014

УДК 159.9.072.59

DOI 10.17223/17267080/55/3

А.А. Григорьев¹, О.М. Смирнова², А.А. Широпаев³

¹ Институт психологии РАН (Москва, Россия)

² ГБОУ города Москвы «Гимназия № 1505 «Московская городская педагогическая гимназия-лаборатория» (Москва, Россия)

³ (Москва, Россия)

Измерение эстетической одаренности в области литературного творчества

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 13-06-00607 «Место и роль эстетической одаренности в системе способностей человека»

Описываются процедура конструирования и результаты апробации методики исследования эстетической одаренности в области литературного творчества. Данная методика конструировалась как литературный аналог теста VAST (Visual Aesthetic Sensitivity Test). Она представляет собой список пар отрывков, как правило, стихотворных; в каждой паре один из отрывков лучше, совершеннее другого с литературной точки зрения. Было последовательно разработано четыре версии методики. Описывается последняя, четвертая версия, имеющая приемлемые психометрические характеристики. Апробация этой версии проводилась в одной из московских гимназий, в ней принимали участие респонденты разного возраста. Ее результаты показали, что количество правильных выборов больше ожидаемого при случайных ответах во всех возрастных группах, однако показатель надежности попадает в диапазон приемлемых значений только в старшей группе. Эти результаты позволяют предположить, что предложенная методика может быть пригодна для оценки эстетической одаренности лиц старше 15 лет.

Ключевые слова: эстетическая одаренность; литературное творчество; тест VAST; надежность; правила стихосложения.

Введение

Около 40 лет назад был создан тест VAST (Visual Aesthetic Sensitivity Test) для измерения эстетической одаренности в области художественного творчества. Исследования, проведенные с его использованием [1–3], внесли лепту в освещение со стороны психологии давнего философского вопроса: объективна ли красота? Если эталоны «прекрасного» меняются с возрастом и образованием, если они разные в различных культурах, то трудно утверждать наличие «объективной» красоты, которая по природе своей должна быть неизменной и общей для всех (и появится аргумент против врожденности эстетических способностей). Если же таких изменений не будет найдено или же найденные различия окажутся противополо-

ложными ожидавшимся, то предположение об объективности красоты «остается в силе».

Проведенные исследования [4] показали, что а) уровень выполнения теста VAST мало меняется при наличии «тренированности» в соответствующей области; б) его корреляция с возрастом низка и в) люди, принадлежащие к культурам (японская, китайская), отличным от культуры, в которой создавался тест (европейская), выполняли тест не хуже, если не лучше европейцев. Эти данные позволяют «оставить в силе» предположение об объективности красоты и согласуются с утверждением о врожденности эстетических способностей.

В этой связи актуальность приобретает вопрос: можно ли распространить результаты, полученные в области художественного творчества, на другие сферы искусства? Для ответа необходимо провести специальные исследования, что, в свою очередь, требует создания соответствующих методических средств, «инструментов». В настоящей статье описаны разработка и результаты апробации такого «инструмента» – методики исследования эстетической одаренности в области литературного творчества.

Методика исследования эстетической одаренности в области литературного творчества задумывалась как аналог теста VAST (см. описание этого теста и его психометрические свойства в [5]), но с использованием отрывков, преимущественно стихотворных, вместо рисунков.

Очевидно, что использование вербального, причем, возможно, предъявляющего определенные требования к уровню вербального развития испытуемых, стимульного материала обусловит необходимость определения возрастных и иных характеристик испытуемых, при которых этот тест будет пригоден.

Конструирование и апробация методики

Методика исследования эстетической одаренности в области литературного творчества представляет собой список пар коротких отрывков, как правило, стихотворных; в каждой паре один из отрывков лучше, совершеннее другого с литературной точки зрения. Респонденты должны определить этот отрывок, руководствуясь объяснением и примерами в инструкции к методике (см. приложение). Всего было последовательно разработано 4 версии этой методики. Разработка каждой новой версии была вызвана выявившимися в ходе апробации предыдущей недостатками. В настоящей работе описывается четвертая, последняя версия, имеющая приемлемые психометрические характеристики.

Тестовый материал. Часть тестового материала была сконструирована одним из авторов этой статьи, А.А. Широпаевым, поэтом и публицистом. Он вносил изменения в отрывки из своих произведений. Им было составлено 40 пар отрывков, один из которых, измененный, был, по его мнению, хуже исходного, имел те или иные дефекты. Другая часть была взята из работ известного специалиста по стихосложению Г.А. Шенгели [6, 7].

В своих руководствах по стиховедению Г.А. Шенгели в иллюстративных целях применял прием, который использовался А.А. Широпаевым, и при конструировании теста VAST он вносил дефекты в стихотворные или псевдостихотворные отрывки. Однако он основывался преимущественно на четко сформулированных правилах стихосложения, регламентирующих, что допустимо, а что нет. Вот пример такого правила.

«Четырехстопный ямб встречается еще в двух своеобразных видах: перед третьей стопой во всех строках выдерживается цезура, а первое полустишие делается наращенным на один, а в другом случае – на два слога. При этом строении вторая стопа не может быть заменена пиррихием» [6. С. 52].

Далее Шенгели приводит образец первого из этих видов:

На лунном небе чернеют ветки,
Внизу чуть слышно шумит поток,
А я качаюсь в воздушной сетке,
Земле и небу равно далек.

(В оригинальном стихотворении З. Гиппиус: «Внизу чуть слышно шуршит поток».)

А еще ниже «образец неверной строки, где вторая стопа, вопреки правилу, заменена пиррихием:

На лунном небе чернеют ветки
Все яростнее шумит поток.

– и переходит от формальной оценки к субъективному впечатлению – Здесь, в этом изломанном стихе, так и тянет произнести не *я'ростнее*, а *яростнее'*» [Там же. С. 53].

Таким образом, в руководствах Г.А. Шенгели имелись готовые пункты для нашей методики.

В четвертую, финальную версию методики, было включено 17 пар отрывков, 3 – из материала, представленного А.А. Широпаевым, и 14 – из работ Г.А. Шенгели (см. приложение).

Апробация четвертой версии методики проводилась на базе московской гимназии № 1505. В ней принимали участие ученики 6, 7 и 9-х классов (77, 82 и 43 человека соответственно). Кроме того, тест выполнили двое учащихся 11-го класса и психолог этой гимназии, один из авторов настоящей статьи, О.М. Смирнова, собиравшая данные, но не имевшая до представления своих ответов доступа к ключу.

Относительно трех респондентов (два из 6-го и один из 7-го класса) возникло опасение, что они ошибочно вносили ответы не в те графы бланка для ответов. Их ответы были исключены из анализа. Ответы учащихся одиннадцатых классов и психолога гимназии были присоединены к ответам девятиклассников. Средние стандартные отклонения и показатели надежности (альфы Кронбаха) вычислялись для трех групп респондентов: учащихся 6-х классов, учащихся 7-х классов и учащихся 9-х классов, к которым присоединили двух учащихся одиннадцатых классов, и психологом гимназии. Полученные значения представлены в таблице.

Численности групп, средние, стандартные отклонения и значения показателя надежности (альфы Кронбаха) для трех групп респондентов

Группа	Численность группы, чел.	Среднее	Стандартное отклонение	Альфа Кронбаха
6-е классы	75	10,28	1,89	-0,12
7-е классы	81	9,94	2,15	0,15
9-е классы с учащимися 11-х классов и психологом гимназии	46	10,74	2,78	0,54

Как можно видеть из данных таблицы, групповые средние превышают значения, ожидаемые при случайных ответах во всех трех группах. Однако лишь в старшей группе показатель надежности попадает в диапазон приемлемых значений. То, что приемлемое значение получено для старшей группы, дает основание предположить, что данная методика пригодна лишь с определенного возраста, вероятно, с 16–17 лет. Разработанная методика для оценки эстетической одаренности в области литературы отличается, таким образом, от теста VAST, «работающего» на более ранних возрастах. Этого можно было ожидать, учитывая, что обработка вербальной информации предъявляет больше требований к когнитивному развитию, чем обработка визуальной информации; вполне возможно, что при использовании вербального тестового материала, аналогичного материалу теста VAST без специального упрощения, эстетическая одаренность может быть выявлена, только начиная с определенного возраста.

Приложение

**Методика для исследования эстетической одаренности
в области литературного творчества**

ИНСТРУКЦИЯ

В данном тесте оценивается, насколько Вы чувствительны к поэтическому слогу. Тест состоит из 17 пар отрывков стихотворений. В каждой паре один из отрывков в некотором роде лучше: в другом, «худшем», есть недостатки (один или несколько), из-за которых он проигрывает в сравнении с «лучшим». Например, недостатком может быть нарушение строя стиха, из-за которого он как бы ломается. Худший отрывок может быть менее гармоничным или менее выразительным в целом, хотя нарушения, «ломающего» стих, нет. Худший отрывок может уступать лучшему по звучанию: в лучшем звуки составляющих его слов более созвучны. В худшем отрывке могут быть менее удачно подобраны слова: в лучшем отрывке используются слова, создающие более яркий образ, более отчетливое впечатление. Вот примеры подобных пар:

На лунном небе чернеют ветки,
Внизу чуть слышно шумит поток

На лунном небе чернеют ветки,
Все яростнее шумит поток

Здесь второй отрывок хуже: в его второй строке хочется произнести не я'ростнее, а яростне'е.

И сладостно шумят таврические волны

И яростно бушуют пенистые волны

Здесь также хуже второй отрывок. Вслушайтесь в звучание обоих отрывков. Вы можете заметить, что во втором отрывке между группами слов «яростно бушуют» и «пенистые волны» голос делает короткую остановку. И эта остановка находится «не на месте». В первом же отрывке про остановку, которую голос делает между группами слов «сладостно шумят» и «таврические волны», этого не скажешь.

Томится душа. Там Ницше
Восходит на трон.
А завтра опять – яичница
И арки метро

Клубится душа. Там Ницше
Восходит на трон.
А утром опять – яичница
И ниши метро

А вот здесь хуже первый отрывок. Во втором, лучшем отрывке, слова образуют созвучия (трон-утром-метро и Ницше-яичница-ниши), создавая звуко-мелодическую конструкцию. Кроме этого, слова «утром» и «ниши» подчеркивают противоположность того, о чем говорится в 3-й и 4-й строках, тому, о чем говорилось в первых двух строках.

В большинстве случаев лучший отрывок является фрагментом стихотворения какого-либо поэта (возможно, чуть измененным), а худший был получен из этого фрагмента путем внесения изменений, портящих его, таких как замена слов, их перестановка. Но в отдельных случаях Вам надо будет сравнить фрагменты из двух разных стихотворений или специально составленные строки, похожие на стихотворные. Однако во всех случаях один из образцов лучше другого.

В каждой паре стихотворных отрывков выберите «лучший», более совершенный с поэтической точки зрения. Если Вы считаете, что лучше верхний (над пунктирной линией) отрывок, поставьте в бланке для ответов рядом с номером пары отрывков цифру «1», если же Вы считаете, что лучше нижний отрывок, поставьте цифру «2».

Возможно, Вы узнаете то или иное стихотворение, вспомните, что оно принадлежит такому-то известному поэту (неважно, воспроизведен отрывок точно или чуть изменен). В этом случае выбор можно не производить, но обязательно напишите на месте ответа, кто, как Вам кажется, является автором стихотворения. Пожалуйста, сделайте это, даже если у Вас не будет твердой уверенности, что Вы правильно определили автора, или даже если Вам только покажется, что данное стихотворение, вероятно, должно принадлежать такому-то поэту.

Не выбирайте тот или иной отрывок потому, что он Вам больше понравился, что его содержание Вам близко. Сравнивайте отрывки только с точки зрения их поэтического совершенства, отвлекаясь от всего остального.

Не принимайте поспешных решений, хорошенько подумайте над каждой парой отрывков.

В одних случаях принять решение будет легче, в других труднее. Трудные и легкие задания расположены в случайном порядке.

Если у Вас есть вопросы, задайте их проводящему тестирование.

ТЕСТОВЫЙ МАТЕРИАЛ

1.

Яростно встань!
Грозы время настало.

Яростно грянь, гроза!
Время настало.

2.

Весна. В выси птицы порхают

Страна моя стонет под гнетом

3.

Чтобы лебеди-гуси кричали,
Как на Ладогe, славя рассвет!

Чтоб заладилось века начало,
И господствовал в небе поэт!

Чтобы лебеди-гуси кричали,
Как на Ладогe, славя рассвет!
Чтоб наметилось века начало,
И господствовал в небе поэт!

4.
Тихо светится
Луч солнца.

Тихо светят
Лучи солнца.

5.
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.

Средь полей необозримых
Ходят в небе без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.

6.
Великолепными лугами
У озаренных деревень
Колышется легко над нами
Густых дерев живая тень.

Плыла заря, ладья стремилась,
Дышала на устах мольба,
И вдохновенно сердце билось
Освобожденного раба.

7.
Мирным сном засыпает земля;
«Надо, надо спать», – шелестят тополя.

Мирным сном засыпает земля;
«Спать, спать, спать», – шелестят тополя.

8.

Люблю твой слабый свет в небесной вышине
Он думы разбудил, уснувшие во мне.

Люблю твой слабый свет в небесной вышине
Он думы пробуждает, спящие во мне.

9.

Наши плечи – металл и хром.
Обескровлены лбы и губы.
Шага нашего дышит гром
В подземельях, где смрад и трубы.

Наши торсы – металл и хром.
Обесцвечены лбы и губы.
Слышен поступи нашей гром
В подземелье, где вонь и трубы.

10.

День был прозрачен и светел

Был день прозрачен и светел

11.

... Когда я в комнате моей,
Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады,
И упоительно светла
Адмиралтейская игла...

... Когда я в комнате моей,
Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

12.

Небо затянуто пологом сумрачным, скучная осень пришла.

Небо затянуто пологом мрачным, холодная осень пришла.

13.

Я преступник, я преступник,
Верю в левую ладонь.
Разотру комочки в ступке,
Красный высеку огонь.

Я преступник, я преступник,
Верю в левую ладонь.
Разотру кристаллы в ступке,
Белый высеку огонь.

14.
И сгорит, когда спустится ночь

И кинжал его ярко блеснул

15.
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова...

В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Ее покрылись острова
Темно-зелеными садами.

16.
Спокойно потекла прозрачная вода.

Спокойно потекла вода. А на воде...

17.
Колес и кухонь гул чугунный
Перелетал из боя в бой
Через малярные лагуны
Под малярною луной.

Колес и кухонь гул чугунный
Нас провожал из боя в бой
Через малярные лагуны
Под малярною луной.

Ключ: 2; 2; 1; 1; 2; 2; 1; 1; 2; 1; 2; 2; 1; 1; 2.

Литература

1. Gotz K.O., Borisy S.R., Lynn R., Eysenck H.J. A new visual aesthetic sensitivity test (VAST). I. Construction and psychometric properties // Perceptual and Motor Skills. 1979. Vol. 49. P. 795–802.

2. Iwawaki S., Eysenck H.J., Gotz K.O. A new visual aesthetic sensitivity test (VAST). II. Cross-cultural comparisons between England and Japan // *Perceptual and Motor Skills*. 1979. Vol. 49. P. 859–862.
3. Chan J., Eysenck H.J., Gotz K.O. A new visual aesthetic sensitivity test: III. Cross-cultural comparisons between Hong Kong children and adults, and English and Japanese samples // *Perceptual and Motor Skills*. 1980. Vol. 50. P. 1325–1326.
4. Eysenck H.J. The objectivity and lawfulness of aesthetic judgments // *Emotion, creativity, and art* / eds. by L. Dorfman, C. Martindale, D. Leontiev, G. Cupchik, V. Petrov, P. Machotka. Perm : Perm State Institute of Arts and Culture, 1997. Vol. 1. P. 5–35.
5. Григорьев А.А., Князева Т.С., Козьяков Р.В., Смирнова О.М., Сухановский В.Ю. Диагностика эстетической одаренности: апробация теста VAST в России // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014 (В печати).
6. Шенгели Георгий. Практическое стиховедение. М. : Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1923. 128 с.
7. Шенгели Г.А. Техника стиха. М. : Гослитиздат, 1960. 312 с.

Статья представлена научной редакцией 11 декабря 2014 г.

Сведения об авторах:

ГРИГОРЬЕВ Андрей Александрович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН (Москва). E-mail: andrey4002775@yandex.ru

СМИРНОВА Ольга Михайловна, педагог-психолог ГБОУ города Москвы «Гимназия № 1505 «Московская городская педагогическая гимназия-лаборатория» (Москва). E-mail: smirsoul@mail.ru

ШИРОПАЕВ Алексей Алексеевич (Москва). E-mail: shiropaev@rambler.ru

Siberian journal of psychology, 2015, 55, 61–71. DOI 10.17223/17267080/55/3

Andrei A. Grigoriev¹, Olga M. Smirnova², Alexei A. Shiropaev³

¹ *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).*
E-mail: andrey4002775@yandex.ru

² *State Educational Budget Institution “Gymnasium 1505” (Moscow, Russian Federation).*
E-mail: smirsoul@mail.ru

³ *Moscow, Russian Federation. E-mail: shiropaev@rambler.ru*

Measuring of aesthetic endowment in the domain of literature

The studies conducted with the VAST (Visual Aesthetic Sensitivity Test) had shown that:

1. The dependence of this test scores on the amount of aesthetic training is weak;
2. Their correlation with age is low and
3. Persons belonging to different cultures obtain similar scores.

These results are concordant with the view that aesthetic judgments are “objective”. An important question is: may these findings be generalized to other artistic domains? To conduct studies to answer this question, instruments for measuring aesthetic endowment in these domains are needed. The present article describes the constructing and approbation of one such an instrument: a test for measuring aesthetic endowment in the domain of literature.

The test consists of pairs of fragments (predominantly fragments from poems); in each pair one fragment is aesthetically better. The instructions provide the criteria which

the respondents should follow in making choices and giving examples. Then the respondents make their choices, usually without time limitations. Four versions of the test were successively developed; the last, the fourth version, having admissible psychometric characteristics is described; it consists of 17 pairs of fragments, 3 of which were constructed by one of the authors of this article (A.A. Shiropayev) and 14 were taken from manuals on prosody by G.A. Shengeli. In the case of items taken from the manuals, the preference of one fragment in a pair was based upon rules of versification.

The approbation of this version was carried out in one of Moscow gymnasiums, the respondents participated were of different age, 77 of them were from the sixth grades, 82 - from the seventh grades, 43 from the ninth grades and 3 were elder persons. The data of the latter were added to the data of the ninth grades. The data of 3 respondents from the sixth or the seventh grade were excluded. The mean scores (the mean numbers of correct answers) standard deviations and measures of reliability (Cronbach's alphas) were calculated for three grades. In all grades the mean scores exceeded the expected in the case of random choices, but the reliability measure reached admissible values only for the eldest grade. These results suggest that the test developed may be used as a measure of aesthetic endowment for persons elder 15 years. Thus, the test differs from VAST which may be administered to younger ages. This is not surprising given that the processing of verbal information is more demanding with respect to cognitive development than processing of visual information.

Keywords: aesthetic endowment; literature; test VAST; reliability; rules of versification.

References

1. Gotz K.O., Borisy S.R., Lynn R., Eysenck H.J. A new visual aesthetic sensitivity test (VAST). I. Construction and psychometric properties. *Perceptual and Motor Skills*, 1979, vol.49, pp. 795-802. DOI: 10.2466/pms.1979.49.3.795
2. Iwawaki S., Eysenck H.J., Gotz K.O. A new visual aesthetic sensitivity test (VAST). II. Cross-cultural comparisons between England and Japan. *Perceptual and Motor Skills*, 1979, vol.49, pp. 859-862. DOI: 10.2466/pms.1979.49.3.859
3. Chan J., Eysenck H.J., Gotz K.O. A new visual aesthetic sensitivity test: III. Cross-cultural comparisons between Hong Kong children and adults, and English and Japanese samples. *Perceptual and Motor Skills*, 1980, vol.50, pp. 1325-1326. DOI: 10.2466/pms.1980.50.3c.1325
4. Eysenck H.J. *The objectivity and lawfulness of aesthetic judgments*. In: Dorfman L., Martindale C., Leontiev D., Cupchik G., Petrov V., Machotka P. (eds.) *Emotion, creativity, and art*. Perm: Perm State Institute of Arts and Culture, 1997, vol. 1, pp. 5-35
5. Grigor'ev A.A., Knyazeva T.S., Koz'yakov R.V., Smirnova O.M., Sukhanovskiy V.Yu. Diagnostika esteticheskoy odarennosti: aprobatsiya testa VAST v Rossii [Diagnosing aesthetic talents: test VAST in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki - Psychology. Journal of Higher School of Economics* (in print).
6. Shengeli G.A. *Prakticheskoe stikhovedenie* [Practical prosody]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve Publ., 1923. 128 p.
7. Shengeli G.A. *Tekhnika stikha* [Versification]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1960. 312 p.

Received: 11 December 2014

УДК 159.9.01; 159.98; 615.851; 316.77
DOI 10.17223/17267080/55/4

Е.В. Гришунина¹, Г.Ю. Гришунин²

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва, Россия)*

² *Центр международного сотрудничества (Москва, Россия)*

Психологическая помощь как понимание

В статье прослеживается развитие концепта «понимание» в философско-психологическом срезе – от теоретических положений, касающихся понимания у русского философа В.В. Розанова и немецкого психиатра, психолога, философа К. Ясперса, до современных феноменологических психологов и экзистенциальных психотерапевтов. Далее выявляются специфика и функции понимания в процессе психологической помощи человеку.

Ключевые слова: понимание; феноменологическая психология; экзистенциальная психотерапия; смысл; проблема добра и зла; коммуникация; дискурс; оправдание.

Введение

Человек обращается за психологической помощью в сложной жизненной ситуации, ожидая от психолога понимания, которое может стать средой поиска возможностей наиболее благополучного разрешения ситуации. Однако с пониманием не все очевидно. Понимать можно по-разному: сказанное или говорящего, рационально или эмоционально, что-то как статический факт или как включенное в динамику развития какой-либо ситуации и т.д. Именно по причинам того, что понимание оказывается для психологии концептом важным, но не до конца проясненным по содержанию, мы и обратились к этому вопросу.

Второй причиной обращения к заявленной проблематике является специфичность понимания человека в сложной жизненной ситуации, когда он и обращается за психологической помощью. Специфичность эта обусловлена следующим противоречием: с одной стороны, в сложной ситуации потребность в понимании возрастает, так как именно в коммуникационном поле могут быть достигнуты цели человека, находящегося в сложной жизненной ситуации, – поиск нового языка для открытия смысла случившегося, выбор действий по преодолению сложной ситуации, реставрация идентичности, а с другой стороны, человек в сложных ситуациях часто совершает поступки, оцениваемые со стороны как импульсивные, иногда даже как неадекватные, восприятие человека сужается. Для наблюдателя все это становится признаком нецелостности личности, хотя этому есть

некоторые оправдания – в синергетике проводится аналогия между дескриптивными процессами рефлексии и процедурами возмущений, особенно с такой, как асимптотический ряд теории возмущений. Эта процедура в рамках рефлексии выражается в том, что «наша психика, видимо, защищает себя от излишней стабильности мнения, устаёт от монотонности бесконечных подтверждений, оставляя за собой право на хаос сомнений, который врывается в сознание...» [1. С. 102].

Таким образом, внешний наблюдатель видит нецелостность, которая в свою очередь и является основным признаком «ненормального личностного мира» [2. С. 345]. На полях заметим, что человек в сложной ситуации может быть целостным с одним, и «суженным» с другим. Причина такого положения двоякая – с одной стороны, человек целостен с теми людьми, общаясь с которыми, он исходит из представления о себе для них как целостного, с другой – и воспринимающий человек должен исходить из подобной же установки выражать глубинное уважение к личности человека, кем бы тот ни был – ребенком, безработным, разводящимся и пр. Итак, отсутствие единственного направления мысли и действий человека в сложной ситуации является причиной того, что другие люди могут игнорировать, опасаться человека в сложной жизненной ситуации; причиной и/или следствием этого может быть непонимание [Там же. С. 93]. С этой точки зрения профессиональная позиция психолога, имеющего целью своей деятельности понимание, становится более чем актуальной.

Третья причина обращения внимания на концепт понимания обусловлена тем, что современное психологическое образование практически не нацелено на близкое знакомство будущих профессионалов ни с русской философской и теологической мыслью, ни с современными европейскими концепциями, где изложены методологические основания процесса понимания. В данной работе мы попытаемся восполнить этот пробел, прослеживая развитие взглядов на понимание в философско-психологическом ракурсе, а затем намечая возможности применения его в русле психологической помощи человеку в сложных ситуациях.

Относительно места концепта понимания в психологической науке вопрос, который проясняет его положение и задает схему анализа, может быть поставлен следующим образом: является понимание целью психолога или его методом?

Материалы и методики исследования

В настоящее время в рамках дискуссии о методологических приоритетах в психологии («описание» или «объяснение») термин «понимание» употребляется как синоним описания; разработка метода понимания приписывается В. Дильтею [3]. Хотя В. Дильтей писал о понимании и переживании, от которого зависит понимание, он назвал свой труд «Описательная и аналитическая психология». При этом В. Дильтей выстраивает свою логику познания человека с помощью такой цепочки рассуждений: для до-

стижения наиболее адекватного *описания* человеческого внутреннего мира нужно *понимание и объяснение*, т.е. цель (науки) – описание, методы – понимание и объяснение, инструментальными частями которых являются анализ, типологизация, истолкование.

В свою очередь другой ученый, К. Ясперс, назвал свою методологию познания человека именно понимающей психологией, признавая влияние на свои взгляды не только и не столько В. Дильтея, сколько Э. Гуссерля [4]. Э. Гуссерль, создавая теорию познания (а создавая феноменологию, он создавал именно ее), делает вывод о наличии в правильно осуществляемом, продуктивном процессе познания двух последовательных этапов: 1) феноменологической редукции, которая заключается в таком взгляде на познаваемый предмет, который бы исключал любые априорные предположения, теории, концепции и пр.; 2) эйдетической редукции, заключающейся в поиске того общего, идеального (от слова «идея» – «эйдос»), что существует в предметах, уже познанных на первом этапе с помощью непредвзятой, феноменологической редукции. Известна иллюстрация этого двухшагового процесса познания у самого Э. Гуссерля – познать сущность красного можно, если сначала непредвзято смотреть на красное в разных формах (красный портфель, красная штора, красное кольцо и т.д.), а затем «высмотреть» сущность красного без формы, самого по себе [5].

В трудах Э. Гуссерля мы сталкиваемся со словом «психология» часто (кстати, по свидетельству К. Ясперса, Э. Гуссерль изначально называл свою феноменологию дескриптивной психологией), однако не психологи, а психиатры заметили труды Э. Гуссерля [4]. Особенно приветствовали они принцип именно феноменологической редукции, так как он позволял найти твердую почву при диагностике и описании разноликой симптоматики психических расстройств. Действительно, познать жизненный мир другого, а тем более такого другого, который потерял разум, можно лишь без предвзятости, без желания поместить пациента в изначально заданную категорию. С помощью принципа феноменологической редукции психиатры «разрешили» себе быть во многом философами и психологами. Результатом этого процесса стал тот факт, что директора Бургхольцкой психиатрической клиники Л. Бинсвангер и М. Босс, а также психиатр этой же клиники К.Г. Юнг признаны мэтрами именно в психологии и в философии, а К. Ясперс, который является основателем понимающей психологии, считается философом, хотя по образованию является психиатром.

Второй принцип феноменологии (эйдетической редукции) в ее изначальном варианте Э. Гуссерля психиатрами был проигнорирован. Причем, согласно мнению методологов науки, такое случается в науке нередко – то, что непонятно или неудобно, можно опустить [4]. Психиатры попросту не могли применить принцип эйдетической редукции, так как признать наличие идеи, идеала, сущностного в психической болезни означает во многом отрицать несоответствие социальным, идеальным, субъективным нормам самого психического расстройства. Например, Ясперс, познакомившись с

методом эйдетической редукции, писал: «Феноменологию Гуссерля, которую он поначалу именовал *дескриптивной психологией* (курсив наш. – Е.Г., Ю.Г.) я воспринял и использовал в качестве метода, при этом, правда, не принимая ее последующего развития и превращения в созерцание сущностей» [4. С. 185].

Результаты исследования и обсуждение

Таким образом, феноменология «стучалась в двери» психологии, но та переживала пик естественнонаучного этапа развития. Психологи не так восхищенно отнеслись к принципу феноменологической редукции еще и потому, что к тому времени не было у психологии так много, как у психиатрии, концепций, в прокрустово ложе которых можно было ввергнуть процесс познания человека. В настоящее же время исследования, ставящие во главу угла принцип феноменологии (феноменологической редукции), в психологии распространяются все шире. Так, например, в журнале по консультативной психологии и психотерапии существует специальный раздел, посвященный феноменологическим исследованиям.

К. Ясперс стремится так же, как и В. Дильтей, предложить методологию познания человека, и опять здесь понимание декларируется четко в качестве метода. Однако внимательное прочтение «Общей психопатологии» (особенно ее части о человеке как целом, об интегрированности больной души в общество и историю) дает возможность увидеть, что понимание рассматривается им и как цель, которая, правда, по его мнению, принципиально недостижима, так как есть определенные границы, за которыми разум человека должен смириться с собственным бессилием.

Способность увидеть мир человека его глазами К. Ясперс и обозначает как понимание. Причем К. Ясперс разделяет понимание сказанного, считая, что для этого основой является феноменология, и понимание говорящего, что является прерогативой понимающей психологии [2. С. 370]. К. Ясперс считает, что поскольку понять человека до конца невозможно, по-настоящему можно понять лишь знания о человеке. Он определяет метод понимания через описание следующих дихотомий.

1) Феноменологическое понимание и понимание экспрессивных проявлений. Первое – это представление о внутренних переживаниях человека, вырабатываемое на основе речи, сказанного. Второе – восприятие смысла физических проявлений человека (движения, мимика и т.д.).

2) Статическое и генетическое понимание. Первое предполагает восприятие отдельного факта вне контекста, второе – рассмотрение генезиса и динамики событий.

3) Генетическое понимание и объяснение. Первое – это понимание с точки зрения субъективно значимых взаимосвязей событий, второе – объективная демонстрация причинно-следственных связей. Понимание самоочевидно, интерпретативно и принципиально неполно, в то время как объ-

яснение базируется на объективных фактах, не включает интерпретацию и в конечном итоге все-таки претендует на полноту освещения всех факторов, влияющих на какой-либо феномен.

4) Рациональное и эмпатическое понимание. Первое – это интеллектуальное понимание логической структуры ситуации, второе – вчувствование в человеческую ситуацию.

5) Понимание и истолкование. Последнее предполагает, в противовес пониманию, опору на «немногочисленные отправные точки, позволяющие с достаточно высокой долей вероятности экстраполировать на данный случай те или иные взаимосвязи, уже известные нам...» [Там же. С. 374].

6) Духовное понимание предполагает выявление идеалов человека.

7) Экзистенциальное понимание (философское экзистенциальное озарение). Здесь необходимо понимать ситуацию как критическую точку, «в которой наше наличное бытие (Dasein) возвышается до «бытия самости» (возможности быть самим собой, Selbstsein)» [Там же. С. 375].

8) Метафизическое понимание «направлено на смысл, выходящий за пределы переживаемого <...> И факты и свобода истолковываются метафизическим пониманием как язык некоего абсолютного бытия» [Там же. С. 376].

Предметом понимания в человеке, согласно К. Ясперсу, служат следующие данности: 1 – свобода человека; 2 – наличие процесса саморазвития; 3 – существование границ Я; 4 – факт различия между соматопсихологическим и социально-духовным в человеке; 5 – наличие значимых событий в биографии человека, которые определяют его жизненный путь; 6 – наличие в человеке «объемлющего» (недостижимого идеала) [Там же. С. 900–904, 907]. С этой точки зрения понимание – это выявление и признание различий между людьми в этих шести параметрах.

Примерно в одну эпоху с К. Ясперсом творил и русский философ В.В. Розанов. И здесь замечен несколько другой подход: в своей книге «О понимании» он пишет, что понимание – это и метод, и цель познания. Причем это цель для философа. Для ученого же (В.В. Розанов разделял науку и философию) понимание – это метод. В этом русле важно определиться, является психолог «ученым» или «философом».

Достигать цели понимания человека можно разными методами: и с помощью описания (с него начинается), и методом объяснения (поиска причинно-следственной связи), и собственно методом понимания, инструментами которого признаются интуиция, эмпатия, «схватывание», сходство опыта познающего и познаваемого и др. Главным свойством понимания В.В. Розанов считает его самоопределяемость, фактически – спонтанность и неотвратимость: «нельзя извне чьею-нибудь воле – того ли, кто понимает, или того, кто наблюдает понимающего, – определить заранее, как должно понимать (форму процесса), до какого предела (прервать процесс) и что, какие истины должны содержаться в понимании... понимает не человек, но в человеке совершается понимание... и остановить или направить это понимание так же невозможно, а всякая попытка сделать это так

же мучительна, как невозможно и мучительно направить кровообращение или задержать дыхание. Раз открылось для разума существование объекта, он не может уничтожить в себе которую-либо из схем познания: а что найдет он в этих сторонах, этого он не знает....» [6. С. 412]. Цель понимания – «всеудовлетворенность разума» [Там же. С. 14], а также его утонченность (говоря современным языком, когнитивная сложность), что находит отражение и в тонкости чувств.

В.В. Розанов противопоставляет знание и понимание. Понимание отличается от знания глубиной, неразрывностью, оно «заключает в себе сознание, то, что существует, и не может не существовать»; знания существуют благодаря органам чувств, понимание – благодаря разуму [Там же]. Фактически В.В. Розанов не признает эмпатического понимания на основе чувств, а лишь только рациональное понимание. Чувствам же В.В. Розанов отводит следующую роль в процессе понимания: «помимо сознательного участия своей воли, он (человек) как бы вовлекается, как бы втягивается в его объяснение и испытывает неприятное и тяжелое чувство от прикосновения всего, мешающего развитию начавшегося в нем процесса понимания. <...> И когда, наконец, искомое объяснение найдено, он испытывает высокую и чистую радость...» [Там же. С. 56]. Розанов отмечает и особо выделяет необходимость для понимающего быть захваченным предметом своего понимания, испытывать эмоциональный подъем, влечение к нему.

Основой понимания является «отвращение от ничего не объясняющих знаний, хотя бы и новых и интересных в самих себе» [Там же. С. 459]. Продолжая рассмотрение различий знаний и понимания, Розанов добавляет, что в знании истины ПРИсоединяются, зачастую не образуя целостности, а в понимании – СОединяются, приводя к видению целого.

При определении предмета понимания В.В. Розанов сначала представляет общую схему понимания как процесса, переходя затем к конкретным предпосылкам понимания так называемого Мира человеческого. «Понимание же имеет следующие признаки: необходимость существования предмета его; содержание в себе ответа на совокупность вопросов, которые разум может предложить относительно этого предмета; раскрытие внутренней природы понимаемого предмета и скрытого процесса, происходящего в понимаемом явлении; цельность его (понимания); господствующее участие разума в произведении его; усовершенствование его; целесообразность в его образовании» [Там же. С. 24].

Процесс понимания проходит, согласно В.В. Розанову, по пяти ступеням осознания: 1) наличия предмета познания; 2) сущности его; 3) свойств понимаемого; 4) причины возникновения познаваемого; 5) цели предмета. Однако триумфом разума становятся шестая и седьмая ступени – 6) размышления над сходством / различием разных предметов, смежных и отдаленных с познаваемым (это и есть чистое творчество, по В.В. Розанову); 7) идея числа. Причем для последних ступеней нет внеш-

ней необходимости. Это и есть чистое понимание. Понимание направляется стремлением (что познать) и способностями (могу ли я это познать).

В своей работе Розанов излагает предметные предпосылки понимания человека, и здесь понимание – это цель. Мир человеческий признается продолжением Космоса, однако основное, в чем познается Мир Человеческий, – это Дух [Там же. С. 374]. Дух – это творческий источник, производящий идеи (растение же лишь воспроизводит само себя). Творчество Духа может осуществляться в трех областях – в области разума, в области чувств (эстетическое творчество, нравственное, творчество в области чувства справедливости, религиозное творчество), в области воли (политика, экономика, язык).

Самым же насущным вопросом понимания Мира человеческого Розанов В.В. считает понимание Добра и Зла, которые не производятся Миром человеческим, но вне этого мира ни добро, ни зло не проявляются. «Под злом мы будем разуть все, что явно или скрыто заключает в себе страдание, а под добром – противоположное ему – что исключает собою страдание и как действительное, и как возможное» [Там же. С. 552]. Явления Добра и Зла не существуют в чистом виде, Зло само по себе не равно страданию, оно включает страдание (например, другого, обманываемого человека).

В.В. Розанов разделяет Зло на физическое (слабость, болезнь, смерть) и духовное. Зло физическое может тем не менее привести к возрождению (добру) духовному. В этом аспекте В.В. Розанов приводит в своем тексте русскую поговорку: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался». Здесь по сути В.В. Розанов конституирует продуктивность сложных ситуаций в жизни человека, их необходимость для роста личности. Среди причин возникновения зла В.В. Розанов называет следующие: бедность и физический труд, которые приводят к недостатку досуга; воображение, которое «вмешивается» в жизнь тела, в результате чего человек теряет естественную здоровую спонтанность, вместо этого «придумывая» себе сложности; незнание; отсутствие произведений науки и искусства, которые существуют благодаря постоянному досугу целого класса людей; а также отсутствие толерантности к многообразию человеческих характеров. Отметим, что психологу придется работать на всех этих полях: обучая эффективным социальным технологиям в целях достижения успеха, в том числе и материального, проводя просветительскую работу о психогигиене труда, перегрузках, монотонии и пр., пытаясь ввести воображение клиента в безопасные рамки, арт-терапия может исподволь способствовать актуализации целительной силы искусства, консультирование также продвигает личность на пути толерантного восприятия многообразия характеров.

Основное различие в концепциях понимания у Ясперса и Розанова, на наш взгляд, заключается в том, что немецкий философ признает ограниченность понимания человека человеком. Для него понимание как метод опирается на объективный фактический материал (речь, действие, жестикуляция, мимика), но обязательно включает в себя истолкование, которое всегда неполно [2. С. 369]. Понимание как цель для К. Ясперса – это «идея в кантовском смысле».

ле», это направление размышления, это такая цель, «которая не может быть достигнута, поскольку пребывает в бесконечности» [Там же. С. 688–689].

В.В. Розанов же постулирует возможность познания идеала, предполагая, что «...истинное знание может быть образовано не только о том, что существует... но и о том также, что должно существовать...» [6. С. 13]. Важно, что В.В. Розанов привносит в концепцию понимания то, что является конституирующим для русского менталитета – проблемы Добра и Зла, нравственности, справедливости являются для русского человека специфически интересными. Например, исследования в области восприятия политических лидеров, руководителей в организации показывают, что главным в их восприятии последователями является отражение именно духовных, нравственных взглядов лидера [7, 8]. К. Ясперс тоже выделяет в особую статью духовное понимание, однако само описание духовной жизни человека у него больше основано на понятиях идеала, чем на понятиях Добра (как отсутствие страдания) и Зла (как страдания).

Итак, первая половина XX в. ознаменовалась трудами В. Дильтея, Э. Гуссерля, К. Ясперса, В.В. Розанова, которые по праву можно считать концептуальными в плане разработки оснований понимания человека. Что же происходит с концептом понимания на современном этапе? Здесь мы отметили бы четыре основных направления – психолингвистическое, феноменологическое, психотехническое и экзистенциальное. Во всех выделенных направлениях анализируются понятия смысла, интенции, нарративное, переживание, однако ракурсы и акценты исследований различаются. Три первых направления, несомненно, испытали на себе влияние трудов Э. Гуссерля, они и указываются в качестве источников разрабатываемых идей.

Так, согласно Э. Гуссерлю, основным дескриптивным способом психического является интенциональность, понимаемая как способность какого-либо содержания быть идентифицированным, опознанным как идентичное самому себе. На этом постулате и основывается теория понимания значений [9]. Значения проявляются в речезыковой активности. Отметим, что М. Хайдеггер понимает человека как человека говорящего: «Человек кажет себя как сущее, которое говорит» [10. С. 165]. К. Ясперс также подчеркивал важность коммуникаций для процессов понимания: «Объективация духа происходит при посредстве структур, речевых форм, разнообразных форм деятельности и поведения; <...> Речь – это самая универсальная форма человеческого творчества» [2. С. 353–354].

Явления языка и речи рассматриваются в психологии в контексте природных и социальных закономерностей жизни человека. Так, в предложенной Т.Н. Ушаковой обобщающей модели-схеме речезыкового механизма взрослого человека выделяется несколько звеньев, каждое из которых включает в себя несколько функциональных блоков. Звено, отвечающее за взаимодействие человека с внешним миром с помощью речи, распадается на два блока – произнесение и восприятие речи. В центральной части модели представлены функции, отвечающие за хранение языкового

опыта, формирование словесных элементов («морфем»), запечатлением, различных характеристик слова (акустических, семантических). Отмечается, что на формирование данной структуры оказывает влияние множество различных по своему характеру факторов – генетические, социальные, нейрофизиологические, мотивационные и т.д. Следующее звено определяется как важнейшее «... в плане инициации и побуждения человека к говорению. Его функция состоит в том, чтобы накапливать активность, возникающую под влиянием внешних воздействий, личностных направленностей, интеллектуально-когнитивных операций... В психологическом плане он реализует интенции субъекта к высказыванию...» [11. С. 23]. Указывается, что этот кумулятивно-побудительный блок, реализующий интенции, непосредственно связан с психологическими состояниями, личностными образованиями.

Речь – важный и доступный для объективных методов канал получения информации о внутреннем мире человека [9, 12, 13]. Речь является одной из форм активности в рамках конкретных ситуаций, она связана со смысловыми, когнитивными, мотивационными, индивидуальными характеристиками человека [14], с помощью анализа устной и письменной речи человека изучается субъективная интерпретация ситуации [15]. Именно поэтому психолингвистика разрабатывает инструменты изучения процесса понимания сказанного. В русле современных исследований известно несколько методических подходов к анализу речевого материала: а) анализ формальных характеристик речи (например, частота и длительность пауз, частота слов-запинок, нелексические вокализации (смех, кашель); б) анализ грамматических характеристик текста; в) содержательный анализ речи (контент- и интен-анализы).

Сущность метода контент-анализа состоит в фиксации определенных единиц содержания, которое изучается, а также в квантификации полученных данных. Единицы контент-анализа выделяются в зависимости от содержания, целей и задач исследования. Например, методика Готтшалк–Глейзер благодаря определению частоты появления определенных категорий в речевых высказываниях и вычислению факторного веса каждой категории позволяет измерять величину аффекта: чем сильнее аффект, тем чаще в речи будут использоваться соответствующие ему высказывания по сравнению с другими [16].

Термином «интенция» в психологии обозначается субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта [17]. В речевом механизме функционируют два типа интенциональных процессов. Интенции первого уровня непосредственно связаны с функционированием нервной системы человека: наличием потребности в экстериоризации внутренних состояний. Артикуляционный аппарат является лишь одним из возможных каналов реагирования. Человек может показывать состояния своими движениями, мимикой, взглядом и пр.

Интенции второго уровня социальны по происхождению, их можно обозначить как коммуникативные интенции. Выражение этого типа интен-

ций предполагает обозначение ее объекта и отношения к нему говорящего субъекта.

Метод интенмент-анализа состоит в последовательном, шаг за шагом, оценивании экспертами высказываний выбранного текста. Оценивание производится с целью определить, чем вызвано данное высказывание, зачем оно нужно говорящему. Реконструировать подтекст, выявив не только то, что человек формально сказал, но и то, что он хотел сказать или имел в виду, т.е. мотив и цель его речи, определяющие ее внутренний смысл, – такую задачу ставит перед собой метод интенмент-анализа.

Интенциональное содержание непосредственно связано с личностью говорящего, его предпочтениями, деятельностью. При этом интенциональный аспект взаимосвязан и с ситуативным контекстом: что именно и каким образом человек говорит, зависит от того, как ситуация отражается в индивидуальном сознании и бессознательном.

Исследования в русле психологии семантики, проведенные Н.А. Алмаевым и базирующиеся на модели речезыковой деятельности Т.Н. Ушаковой, показали, как именно происходит сопоставление мысли и слова на основе общности их интенциональных структур, а именно таким образом, что человек ищет соответствие между тем, как он осознает ситуацию, и возможностями выразительных средств (слов, звуков) описать, показать этот образ-осознание [9]. В наших исследованиях было показано, что с помощью анализа речи можно исследовать особенности межличностных отношений человека, субъективную интерпретацию различных жизненных ситуаций, например миграции, развода [18, 19].

Вторым современным направлением, разрабатывающим концепт понимания и тоже уделяющим особое внимание анализу сказанного и интенциям, является феноменологическая психология. Здесь понимание – это цель психолога, которому необходимо понять переживание, а собственно переживание в основном проявляется в речи. Основными методологическими основаниями феноменологического подхода (понимания сказанного) являются следующие постулаты:

1. «Феномены есть то опосредующее звено, которое объединяет в себе – нерасчлененно – с одной стороны, представление объективных отношений, а с другой – субъективную очевидность, не предполагающую абсолютного знания и действия, на нем основанного» [20. С. 22].

2. Единица описания для современной феноменологической психологии – это переживание, которое представляет собой целостную единицу сознания, это «поток сознания». Надо признать, что переживание и «поток сознания» – это достаточно размытые понятия. Сюда включено психологами слишком многое – и поведение, и вербальные параметры, и невербальные проявления, и эмоции, и отношение, а в понимающей психотерапии переживание понимается «...как внутренняя деятельность, направленная на преодоление критических жизненных ситуаций» [21. С. 8], причем подчеркивается волевой характер этой работы. Для любого, кто знаком,

например, с понятиями манипуляции, психологической защиты, социально желательных ответов, эмоционального контакта и др., «поток сознания» представляется понятием, подлежащим серьезным дополнениям, – выяснению хотя бы собственно ситуации получения информации об этом потоке сознания. Есть большая разница в подходе к анализу сказанного о «потоке сознания» в ситуациях первого сеанса у психолога до установления контрпереносных отношений или же в середине цикла психологической коррекции, когда установились особые отношения, или в ситуации, когда «поток сознания» был озвучен студентом профессору на экзамене, преследуя какие-то свои ситуативные цели, и т.п. Затем необходима информация, о какого рода ситуации дан этот поток. Если это значимая и сложная ситуация, то искажения могут быть достаточно большие – субъективная интерпретация зависит от ситуации значительно, что и показывают наши исследования [19]. В этом же ключе выполнены и другие работы, показывающие изменчивость и многофакторность представлений о ситуации [15, 22, 23].

Примечательно, что К. Ясперс пишет относительно правил процесса вычленения феноменов: «...важно, чтобы мышление и воля находились вне сферы этого прямого переживания» [2. С. 91], иначе вычленение феноменов, осуществляемое с помощью рефлексии, будет неточным в большой степени. Если мышление и воля выключены, то можно предположить, что из здоровых социально приемлемых состояний – это медитация или сон. Если для получения содержания переживания нужно погрузить человека в сон или медитацию, это значительно ограничивает круг возможностей психолога в плане получения переживаний. К тому же исследования в области гипноза показывают, что воля все равно до конца не выключается даже в этом состоянии, оставляя под контролем базовые ценности человека, мышление тоже до конца не выключено и во сне. К этим рассуждениям примыкают и слова Ницше о том, что человек должен быть ответственным даже за свои сны [24]. К. Ясперс предлагает следующий интересный выход из сложной ситуации вычленения феноменов, которые должны быть очищены от произвольности разума и воли: для получения «чистого переживания» без участия воли и мышления в качестве предмета для познания брать переживания философов, которые умеют отделять переживания с участием произвольности и без участия произвольности [2. С. 29–86].

Степень достигаемой точности интерпретации потока сознания также может быть достаточно сложно определяемой. Спорным, на наш взгляд, является утверждение теории переживаний Ю. Джендлина о том, что при обращении сознательного фокуса к всегда существующему потоку переживаний смысл этих переживаний угадывается безошибочно [25]. В психотерапии широко известен феномен рационализации собственных переживаний, когда чувственному переживанию приписывается произвольный, иногда рассчитанный на наблюдателя, социально приемлемый смысл этого переживания. В психотерапии критерием истинности и аутентичности обозначенного смысла переживания является согласован-

ность вербального и невербального. Легкая брезгливость на лице в сочетании со словами «Да, я люблю N...» насторожит практикующего психотерапевта и заставит его задуматься над тем, каков же истинный смысл произнесенных звуков. А. Лэнгле пишет в этом аспекте: «Необходимо отделять переживания, основанные на соотнесении с реальностью, от проецируемых чувств» [26. С. 119].

Получается, что при феноменологическом подходе мы должны доверять психологической компетентности либо самого автора нарратива, либо компетентности экспертов-«переводчиков». Насчет последнего параметра в литературе описывается исследование, проведенное в среде студентов, когда им было необходимо описать свои «феноменологические впечатления», которые по своей силе и направленности приближали бы их к своей собственной сущности, способствовали переживанию Встречи с истинной действительностью, Бытием. Исследователь отмечает, что только около 60% участников смогли справиться с задачей репрезентации этого опыта [27]. Основными качествами, позволившими респондентам выполнить задание, были умение подхватывать и усиливать впечатление, «выслушивать» его. Следовательно, наличие этих способностей является водоразделом для определения возможности доверия «эксперту-переводчику» при проведении феноменологического анализа (переживания). Одним словом, в феноменологической психологии не решен один из основных вопросов: каким образом переживания и их релевантность для исследования связаны с волей и произвольностью [28].

3. Третьим постулатом феноменологической психологии является положение о том, что конкретная ситуация со своими объективными параметрами (физическими, химическими, пространственными и др.) и слова, ее описывающие, имеют для феноменологической психологии особое значение. «Конкретное является для феноменологии основополагающим... конкретное часто называют нарративным» [26. С. 119]. То есть рассказ о ситуации есть отражение переживания и, следовательно, нарратив – это тоже единица феноменологического анализа. Человек использует конкретное слово, не только зная и называя заложенную в нем предметность значения, но и чувствуя его смысл [25].

Феноменологический анализ сказанного должен осуществляться только в тех рамках, в которых оно само и проявляется, необходимо решить задачу «позволить заговорить самому тексту, выявить конденсированный смысл» [Там же. С. 140]. При этом цель этого феноменологического анализа сказанного – поиск неисследованного аспекта опыта или непрожитой возможности.

Критерии эффективности этого поиска следующие:

1. «...новый опыт, высвеченный благодаря интерпретационному утверждению, оказывается способным продвинуться дальше, к новым аспектам, которые не могли быть выведены из исходного утверждения».

2. Этот опыт «часто оказывается способным привести нас к изменению первоначального утверждения».

3. «...продолжающееся раскрытие новых и новых аспектов оставляет первоначальное утверждение далеко в стороне».

4. «...последовательность продвижения алогична», т.е. подчинена внутренней логике человека. Он судит на каждом следующем шаге – стоит ли отвергнуть предыдущую посылку в силу логики своей жизни, в силу того, что именно сам человек – субъект своего жизненного пути [Там же. С. 140–141].

В этом смысле необходимо очень аккуратно определять единицы поведения и лингвистические единицы, подходящие и не подходящие для феноменологического анализа. Так, слова «Я испытывал тревогу» могут ничего не означать в плане анализа переживаний в устах человека, плохо понимающего термин «тревога» (например, иностранца, ребенка и т.д.), либо, наоборот, употребляющего этот термин в каком-то собственном, иногда ограниченном, смысле (психоаналитика, например). При этом фраза «Мой страх был такой сильный, что я бежал как сумасшедший, не разбирая дороги, натыкаясь на что-то, падая, набивая шишки...» гораздо ценнее для феноменологического психологического анализа.

Вторая проблема, которая связана с феноменологическими исследованиями сказанного, – определение цели и «заказчика» исследования. Для кого нужно выявить неисследованный аспект опыта – для ученого-психолога, для самого человека (клиента), для психотерапевта, для родителя этого человека? Неисследованных аспектов опыта может быть практически неограниченное количество, и что с ними потом делать? Чтобы предсказать? А что именно предсказать – можно ли с этим человеком пойти в разведку? Или, может, данные о неисследованном аспекте опыта нужны, чтобы управлять этим человеком? Или чтобы он перестал страдать? Или чтобы вырос как личность? Цель будет задавать ракурс ответа, и проблема, как видим, здесь существует. Таким образом, феноменология без второго принципа – эйдетической редукции – оказывается неполноценной, так как теряет цель и целостность, не понимает, зачем исследовать феноменологические структуры, в чем суть анализа потока переживаний.

В рамках психотехнической парадигмы происходит отшлифовка, уточнение концепта «переживание», исследование его взаимосвязи с пониманием. Изначально в психологии понятие переживания связывалось по большей части с эмоциональным отражением того или иного явления, объекта. В настоящее время ряд исследователей определяют его как внутреннюю волевою работу по восстановлению душевного равновесия и поиска смысла существования [21]. Исходя из этих положений, переживание становится ступенью к определению стратегии поведения. От эмоций – к целостному переживанию и затем к стратегии поведения – такова логика функционирования переживания как особой деятельности.

Таким образом, разработка психотехнической парадигмы привела к разработке третьего направления исследования процесса понимания – «понижающей психотерапии», и здесь понимание четко постулируется как метод [Там же. С. 8]. Согласно методологии понижающей психотерапии психолог с помощью конкретных психотехник – майевтики, кларификации, интерпретации, эмпатии – может понять переживание человека, чтобы через категорию смысла выйти на преодоление критической ситуации. Ф.Е. Василюк определяет критическую ситуацию как «ситуацию невозможности». Это такая ситуация, «в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.)» [31. С. 11]. Автор выделяет четыре основных понятия, которыми описывается критическая ситуация: стресс, фрустрация, конфликт, кризис. Тип критической ситуации определяется той жизненной необходимостью, которая оказалась парализованной и имеет проекцию на «онтологическое поле» субъекта.

Категория смысла является основополагающей и для четвертого современного направления психологической практики, которое понимание ставит своей целью, – это экзистенциальная психология и психотерапия (Л. Бинсвангер, М. Босс, В. Франкл, И. Ялом). И, вспомнив, что понимание, согласно В.В. Розанову, является целью именно для философа, посмотрим как на неслучайный в этом смысле тот факт, что многие из экзистенциальных психологов были лично знакомы с крупнейшими философами – Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером (М. Хайдеггер был учеником Э. Гуссерля, а М. Босс писал свои произведения, безоговорочно прислушиваясь к обширным редакторским правкам М. Хайдеггера).

Понимая человека, экзистенциальные психотерапевты несколько ограничивают область понимания – они стремятся помочь человеку понять смысл происходящего, предполагая, что именно эта ниточка вытянет все остальные проблемы страдающего человека. Феноменология же для экзистенциальной психологии стала методом: если необходимо помочь человеку «прийти к раскрытию, соответствующему его сущности, т.е. к самопознанию и к чувствованию себя, к своей свободе, Собственному и к смыслу (это и составляет «исполненную экзистенцию»», тогда в качестве методики необходимо использовать те базовые критерии, которые адекватны сущности личности. Именно эти открытость, непредвзятость и отсутствие каких-либо намерений и представляют собой тему феноменологии» [26. С. 114].

Нахождение смысла ситуации особенно актуально, когда человек попадает в сложность, когда смысл скрыт и неочевиден, когда приобретенные стереотипы поведения и мышления совсем не подходят. В этой ситуации человек приходит к другу или психологу, для которого понимание в идеале становится самой целью (главное!) и методом (конечно же!). Итак, для понимания нужен Другой, причем нужно, чтобы этот Другой был действительно другим, а не все тем же [30. С. 25]. В процессе понима-

ния важен «процесс диалога внутреннего наблюдателя и метанаблюдателя» [1. С. 98]. Выделим основные функции этого диалога.

1. Первой такой функцией является определение возможностей самости, Я и идентичности. Самость, являясь мультитеоретическим понятием, отражает субъекта, включенного в общественные условия. В антропологии Г. Беме определяет самость как пассивное ощущение телом существования самого себя [32]. Затем самость становится постепенно пониманием «себя для себя с другими», что отражается в социальных ролях. Самость должна обладать качествами стабильности, непротиворечивости, способности к самопознанию. В терминологии отечественной психологии наиболее близка к понятию самости категория субъектности.

В современной зарубежной психологии Я – это самость в действии, причем Я – часть личности наряду с идентичностью [33]. Я развивается через события биографии человека. Сила Я определяется И. Петцольдом как способность схватывать смысл этих событий [34–36].

Идентичность же конституируется как жизнь во временном континууме. В личности существует много индентичностей, так как человек в процессе социализации усваивает много правил, узнает о правах других людей, учится их уважать или переступать. Идентичность возникает в диалектическом процессе, в котором человек ищет себя настоящего через сравнение себя с другими, через тождество или различие с ними. Из множества идентичностей возникает собственная уникальность.

Сегодня постмодернистское жизненное разнообразие ведет к тому, что требования жизни к человеку постоянно возрастают. От индивида требуются различные качества, разнородные умения, стратегии поведения. Можно сказать, что человек разрывается между различными проявлениями себя, между разными ролями и возможностями. Конечно, сами эти роли были всегда, но сейчас требования к качеству проигрывания этих ролей и скорости переключения между ними возросли. Мир не предстает перед человеком как унифицированный, поэтому и ему трудно узнать себя на этих гранях, связанных с дезинтеграцией и расщеплением.

Сложная жизненная ситуация тем более связана с новым, с изменением, человек должен заново выстроить свою идентичность и прочувствовать свою самость. Самость же без Другого не активизируется: с самого раннего онтогенеза без безусловной веры матери в наличие уникальной и сформированной самости даже у новорожденного ребенка не происходит установления контакта человека со своей самостью [37]. Итак, в сложной жизненной ситуации человеку нужен такой Другой, который видится «матерью», верящей в наличие у человека ядра, самости, несмотря ни на что.

2. Вторая функция коммуникации с Другим – поиск смысла случившегося с человеком и в человеке (правда, обычно сам человек подает этот запрос как поиск причин, психолог же переформулирует его в поиск смысла). Здесь уместно обратиться к наработкам Ж. Лакана, разрабатывавшего проблематику связи языка и бессознательной симптоматики. Любое слу-

чившееся в человеке как симптом выступает в качестве символа, а символ – это Язык. «То, с чем мы в симптомах имеем дело, это отношения симптома с системой языка в целом, с системой значений, характеризующих человеческие отношения как таковые» [30. С. 30]. Причем именно категория «д(Д)ругой» (у Лакана два термина – другой и Другой) является связующим звеном между языком и бессознательным. Другой заполняет лакуну, трещину бессмысленности, потери, травмы. Образ Другого вбирает в себя имаго отца реального и Отца символического (высшей силы, абсолюта). Исходя из этого, понятно, каким д(Д)ругим становится человек в сложной жизненной ситуации – категоризируя, определяя свои позиции, модализируясь, действуя и чувствуя, он становится похожим либо на отца (того, который не в Реальном, а в Воображаемом, т.е. соответствующем представлению человека о своем отце), либо на Отца (того, который на уровне Символическом).

Общение с целью поиска смысла случившегося в человеке имеет своей целью обретение нового языка, новой языковой онтологии в поиске истины о своем Я, о своих априори, и в этом смысле это общение (понимание) похоже на исследовательскую программу (своего Я) с признаками таковой у Поппера (жесткое метафизическое ядро и открытое пространство гипотез). Заметим, что К. Поппер предлагает в качестве путей поиска новой языковой онтологии и самотранценденции субъекта исследования критический диалог и самокритику, в то время как в концепции другого философа науки – Поляни – такими путями называются самоотдача, уверование, страстное самоотреченное стремление к истине [1. С. 87]. В этом видно различие на уровне эмпатийного и рационального понимания.

3. Выявление возможности преодолеть сложную ситуацию, справиться с ней, что-то сделать, предпринять – это третья функция коммуникации человека в сложной жизненной ситуации с внешним метанаблюдателем. Экспериментальные исследования в области сознания показывают, что бездействие приводит к нестабильности сознания, к нестабильности идентичности [38], поэтому деятельность важна как процесс, возвращающий идентичность, самость. В аспекте активных действий психолог ограничен в своих возможностях (еще больше, чем друг или родственник), так как активно проживать с клиентом его жизненные ситуации ему не рекомендовано профессиональной этикой. Несмотря на рекомендованную пассивность психолога, предполагается, что разработка на консультациях нового языка с категориями, точно отражающими смысл переживаний человека, помогает личности выстроить такое внутреннее и внешнее семиотическое пространство, которое обеспечит человеку необходимую защиту, помощь и поддержку со стороны других. Здесь, правда, есть противоречия между тем, как «хочет» видеть человека в сложной жизненной ситуации внешний наблюдатель, и тем, как выстраивает семиотику сам участник сложной жизненной ситуации. Имидж человека, которому требуется помощь, должен быть, по мнению внешнего наблюдателя,

отмечен чертами экстраверсии, т.е. предполагать факт открытости, искренности. Но если следовать за своей искренностью и аутентичностью самовыражения, то человеку в сложной жизненной ситуации необходимо выразить свои чувства и обратиться к окружающим за помощью. Однако с точки зрения самого человека, находящегося в сложной жизненной ситуации, этого, наоборот, допускать нельзя, он должен показывать себя как волевой, сильный, уверенный человек. Причем такое представление о том, как должен выглядеть человек в сложной жизненной ситуации, свойственно совершенно различным группам – руководителям, людям творческих профессий, молодежи, мигрантам, разводящимся и т.д. [39].

Таким образом, человек в сложной ситуации реализует деятельность по преодолению ситуации через проговаривание. При этом мы рассматриваем бездействие и молчание в сложных жизненных ситуациях как частные случаи делания и говорения, так как всегда понятно, почему и по какому поводу человек ничего не делает и о чем он молчит в сложной ситуации. То есть все равно происходит коммуникация между сложностью и проявлением (а в широком смысле проявление – это и есть коммуникации) человека в этой сложности (делание / бездействие и говорение / молчание).

Итак, для того чтобы попасть в состояние самоидентичности, реализовав ценности Бытия, и справиться с ситуацией (реализовав ценности Делания), человек обращается в сложной жизненной ситуации к коммуникационному пространству, реализуя ценности Говорения, стремясь к пониманию и получая удовольствие от ощущения «слышащим-себя-говорящим» (термин Ж.-Ж. Деррида) [40].

4. Четвертая функция коммуникации с Другим состоит в получении сочувствия. Несомненно, в сложной жизненной ситуации человек хочет сочувствия. Однако именно в такой формулировке это относится к общению с другом, к профессиональному же психологу человек идет за чем-то другим. С одной стороны, очевидно, что за тем же пониманием, с другой стороны, в ракурсе обозначенной цели сочувствия нужны уточнения. Понимать ведь можно по-разному – прокурор тоже понимает оступившегося. Здесь важно чувство, с которым понимаешь человека. Обратимся к К. Ясперсу, который выделяет два основания для понимания человека: озарение и «разоблачение». Разоблачение состоит в том, чтобы обнаружить в человеке источники, которые кроются в «низменности человека» [2. С. 438]. Озарение же предполагает сочувствие, углубление взгляда на человека, при котором он сводится «к живому наблюдению за развитием субстанции бытия». Мы же, чтобы не возникло соблазна спутать это стратегическое сочувствие с тактической эмпатией, усилили бы звучание и обозначили понимание как оправдание. Каждый из нас ощущает понимание прежде всего как оправдание. Оправдание же состоит в предоставлении человеку уверенности, что он сделал Добро.

Для русской ментальности понимание и оправдание неотделимы от решения на своем конкретном уровне проблемы Добра и Зла (решить, что

такое хорошо и что такое плохо), что уже отмечалось в связи с изложением концепции В.В. Розанова.

В рамках современной европейской психотерапевтической мысли разработаны особые стратегические подходы к поиску позиции психолога, стремящегося к пониманию как оправданию. Так, интегративная психотерапия, автором которой является И. Петцольд, предполагает особую этику – этику приоритета взгляда другого. Основные концептуальные источники – проект философа Э. Левинаса, который потребовал примата этики перед онтологией, концепция Г. Марселя о бытии как сопровождении, а также русская теология [41]. Главными в этой этической парадигме интегративной психотерапии являются понятия утешения, верности, надежности, откровенности, умиления, благодарности, покорности, творчества и переживания смысла и красоты, оправдания [41]. Этика основывается на любви к моральному оправданию поступков другого. Необходимо отношение к человеку как к другому, которого нельзя заставлять что-то сделать. Этика приоритета взгляда другого основана на оправдании, а не на интерпретации. Оценочность может присутствовать в этике приоритета мнения другого, но только с точки зрения учета жизнеотношений человека [42] и достижения им собственного акме [43].

Если поставить вопрос, является ли дискурс понимания в современности разоблачительным или оправдывающим, то в процессе анализа этой проблемы можно заметить, что в культуре очень слаб дискурс понимания в целом и как оправдания в частности. У современных людей зачастую нет даже представления о том, что понимать – это трудно, но что это надо делать. Необходимо культивирование взгляда, что понимание – это работа, что процесс понимания не происходит произвольно, без усилий, это ментальная деятельность, требующая затрат, причем понимание не включает оценку и самопрезентацию.

Заключение

Итак, К. Ясперс описывает метод понимания человека на основе анализа его соматического, биографического, экспрессивного, полового статуса, показывая, что понимание как цель – принципиально недостижимо в силу присутствия в человеке пределов, за которым начинается метафизическое. В.В. Розанов показал, что учитывая определенные предпосылки (функционирование Добра и Зла в жизни человека, нравственности, творчества и др.), можно и нужно рассматривать понимание как цель. Современные исследователи в русле феноменологической психологии ограничивают себя пониманием сказанного, хотя и пытаются декларировать, что переживание – это целостная единица, включающая в себя и личностные смыслы. Экзистенциальная психотерапия и психиатрия как практические сферы помощи человеку и как прикладная философия (основоположник экзистенциальной психотерапии И. Ялом употребляет термин «философское консультирование») ставят понимание своей главной целью, од-

нако работают со смыслами экзистенции, не делая акцент на других аспектах, например возможностях трансценденции или же действенного преодоления ситуации страдания и пр. [44].

Известно, что подходы к изучению человека различаются в естественнонаучных, технических и гуманитарных дисциплинах [45]. Биолог, физиолог наблюдают, измеряют наблюдаемое, накапливают факты, постепенно вырабатывая представления о существующей в природе норме. Инженер, сообразуясь с выделенными «идеальными условиями» («тело в вакууме», например), моделирует объекты, заменяющие или улучшающие некоторые функции живых организмов. В отличие от них, психолог, не зная ни «идеальных условий» (например, развития личности), ни «нормы» (как всеобъемлющей характеристики личности), все же пытается познавать сложного, изменчивого, внутренне противоречивого человека. И именно следуя за этими характеристиками предмета научного и практического интереса психолога, нужно признать, что в работе с человеком психологу приходится быть и ученым (и тогда понимание – это метод), и философом (и тогда понимание – это цель).

Приоритетность между этими ипостасями понимания зависит и от того, каково содержание конкретной деятельности психолога. При общении с человеком, страдающим нервно-психическими расстройствами, понимание как цель не может быть достигнута, так как больная душа принципиально не может быть соотносима с идеалом (что является критерием понимания как цели эйдетической редукции). В этом случае понимание как метод, имеющий различные континуумы (статическое и генетическое понимание, духовное и экзистенциальное и т.д.), становится актуальным. При этом активно используются феноменологические подходы (методики) к пониманию (феноменологическая редукция, исследование конкретики ситуации, выявление содержаний переживания этой ситуации, интенций и пр.).

Понимание актуализируется в ипостаси цели в коммуникации психолога с человеком в сложной жизненной ситуации, так как именно понимание становится первым звеном в цепи: понимание через общение – поведение и деятельность по преодолению сложной жизненной ситуации – реструктуризация самоидентичности (самости). Причем при выборе копинг-стратегий человеку (особенно с русским менталитетом) не избежать решения вопроса о том, какое действие в этой ситуации является добрым поступком, а какое – злым. Психологу же в ситуации помощи человеку в продвижении к решению этих вопросов необходимо формировать свою профессиональную идентичность в рамках определения своей роли понимающего в основном как оправдывающего, а не разоблачающего, как специалиста, для которого этика приоритетнее, чем познание как таковое.

Литература

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика постижения сложного // Синергетика и психология: Тексты. Вып. 3 : Когнитивные процессы / под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. М. : Когито-Центр, 2004.

2. Ясперс К. Общая психопатология : пер. с нем. М.: Практика, 1997.
3. Залевский Г.В. Объяснение и понимание в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Институт психологии РАН, 2007. С. 195–223.
4. Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2010.
5. Гуссерль Э. Идея феноменологии. М. : Гуманитарная академия, 2008.
6. Розанов В.В. О понимании. М. : Танаис, 1996.
7. Игельник М.С. Психологическая компетентность руководителя в условиях антикризисного управления : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
8. Туликина О.Г. Образ политического лидера в сознании масс : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
9. Алмаев Н.А. Элементы психологической теории значения. М. : Институт психологии РАН, 2006.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. Библихина. М. : Академический проект, 2011.
11. Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития. М. : ПЭР СЭ, 2004.
12. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 22–130.
13. Ушакова Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи психолингвистики. М. : Институт психологии РАН, 2011.
14. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Иркутск : Смысл, 2007.
15. Thomaе Н. Das Individuum und seine Welt. Göttingen, 1996.
16. Малкова Г.Ю. Контент-анализ автобиографических рассказов в изучении личностных свойств : дис. ...канд. психол. наук. М., 2005.
17. Психолингвистика: учебник для вузов / под ред. Т.Н. Ушаковой. М. : ПЕРСЭ, 2006.
18. Гришунина Е.В. Тематические центрации в высказываниях о ситуации развода // Язык. Сознание. Культура. Москва ; Калуга : Институт языкознания РАН, Институт психологии РАН, 2005.
19. Гришунина Е.В.а Когнитивно-эмоциональная структура переживаний сложных жизненных ситуаций (на примере миграции и развода) // Консультативная психология и психотерапия. 2011. № 4. С. 130–152.
20. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический подходы к анализу сознания // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 8–26.
21. Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М. : Психологический институт РАО, 2007.
22. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–16.
23. Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б. К психологической теории ситуаций // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 1.
24. Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск : Воля, 1991.
25. Джендлин Ю. Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. М. : Класс, 2000.
26. Лэнгле А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 110–129.
27. Буякас Т.М. Феноменология смысла: смысл как зов души // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 94–109.

28. Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 52–76.
29. Джендлин Ю. Феноменологическая концепция и феноменологический метод: критический анализ работы Медарда Босса со сновидениями // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 130–146.
30. Лакан Ж. Имена-отца / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гнозис, Логос, 2006.
31. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 11.
32. Böhme G. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Darmstädter Vorlesungen. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1985.
33. Petzold H. Integrative Therapie Modelle, Theorien & Methoden schulenübergreifender Psychotherapie. Überarb. Neuauflage 2. Auflage, Paderborn : Junfermann, 2004.
34. Petzold H. Integrative Therapie. Bd. I : Klinische Philosophie. Paderborn : Junfermann, 1991.
35. Petzold H. Integrative Therapie. Bd. II : Klinische Theorie. Paderborn : Junfermann, 1992.
36. Petzold H. Integrative Therapie. Bd. III : Klinische Praxeologie. Paderborn : Junfermann, 1993.
37. Кохут Х. Восстановление самости / пер. с англ. М. : Когито-Центр, 2002.
38. Комбс А. Сознание; хаотическое и странно-аттракторное // Синергетика и психология: Тексты. Вып. 3 : Когнитивные процессы / под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М., Шендяпина. М. : Когито-Центр, 2004. С. 51–60.
39. Гришунина Е.В. Сложные личные и профессиональные ситуации как активизирующие акмеологический потенциал личности // Мир психологии. 2011. № 3. С. 247–258.
40. Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум). Как избежать разговора: денегации. Минск : Экономпресс, 2001.
41. Petzold H.G., Wolf U., Landgrebe B., Josic Z., Steffan A. Integrative Traumatherapie – Modelle und Konzepte für die Behandlung von Patienten mit «posttraumatischer Belastungsstörung» / van der Kolk B., McFarlane A., Weisaeth L. Traumatic Stress. Paderborn : Junfermann, 2000. P. 445–579.
42. Старовойтенко Е.Б. Отношение к себе: от культурогенеза к индивидуальному развитию // Психология. 2011. Т. 8, № 4. С. 3–28.
43. Деркач А.А. Акмеология в системе наук о человеке // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Институт психологии РАН, 2007.
44. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М. : Класс, 2004.
45. Розин В.М. Психология: наука и практика : учеб. пособие. М. : РГГУ: Омега-Л, 2005.

Статья представлена научной редакцией 24 ноября 2014 г.

Сведения об авторах:

ГРИШУНИНА Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: Elena@Grishunina.ru

ГРИШУНИН Григорий Юрьевич, сотрудник Центра международного сотрудничества (Москва, Россия). E-mail: mail@psy4you.ru

Elena V. Grishunina¹, Grigory Yu. Grishunin²

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation).

E-mail: Elena@Grishunina.ru

International Cooperation Centre (Moscow, Russian Federation).

E-mail: mail@psy4you.ru

Psychological care as understanding

The article traces the development of the concept of «understanding» in the philosophical and psychological directions - the theoretical assumptions concerning the understanding of a Russian philosopher Vladimir Rozanov, of a German psychiatrist, psychologist, philosopher Karl Jaspers, modern concept of phenomenological psychology, the relevant aspects of existential psychotherapy. Jaspers shares the understanding of what has been said, considering that this is the basis of phenomenology, and understanding of the speaker, that is the prerogative of understanding psychology. Rozanov considers knowledge and understanding in opposition. The characteristics of understanding are depth and indissolubility. Understanding contains the consciousness. The knowledge exists due to the senses, the understanding - due to the mind. Rozanov considers the differentiation of two notions - good and evil as the most important issue of human understanding. Further, the article considers the revealed specificity and function of human understanding in difficult situations, where it is difficult, but more is needed. A person can be understood in different ways - his words, his emotions, rationally or emotionally, something like a static fact or as included in the situations dynamics, etc. These parameters are studied in four main areas - psycholinguistic, phenomenological, psychotechnical, and existential. All of these areas are exploring the concepts of meaning, intention, narrative, experience, but they are studying different aspects of understanding. Psycholinguists study how people associate thought and word, how speech can help in the research of subjective representation by a person of any situation. In this case, the most important concept is the Intention - focus of consciousness on the object, intention to express a judgment about the object. The notion of experiences (a stream of subjective emotions, thoughts, interpretations) is studied by phenomenological psychology. There is a problem in this direction – an accuracy of the subjective stream translation. The criteria for a correct translation are the agreement of the subject with it, the presence in the translation of new aspects, the assistance from these interpretations to coping. According to the methodology of understanding psychotherapy (this is the third direction of phenomenological ideas), a psychologist can understand the personal experience with the help of specific psychological techniques. Experience is a special activity for coping. Representatives of the fourth direction (existential psychotherapy) also aim to search for the meaning of the situation, however, they give special importance to a person's ability to detect him-self and his existence. K. Jaspers distinguishes two types of understanding – incrimination and excuse. Modern European psychologist I. Petzold supports this concept and calls the ability to show a sense of tenderness, apology, delight as the basic conditions of a deep understanding. Thus, ethical direction of understanding is more important than epistemological aspects.

Keywords: understanding; phenomenological psychology; existential psychotherapy; the meaning; the problem of good and evil; communication; discourse; an excuse.

References

1. Arshinov V.I., Budanov V.G. *Sinergetika postizheniya slozhnogo* [Synergetics of comprehending the complex]. In: Arshinov V.I., Trofimova I.N., Shendyapin V.M. (eds.) *Sinergetika i psikhologiya* [Synergetics and Psychology]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2004.
2. Jaspers K. *Obshchaya psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Translated from German by L.O. Akopyan. Moscow: Praktika Publ., 1997. 1053 p.
3. Zalevskiy G.V. *Ob"yasnenie i ponimanie v psikhologii* [Explanation and understanding in psychology]. In: Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds.) *Teoriya i metodologiya psikhologii: Postneklassicheskaya perspektiva* [Theory and Methodology of Psychology: Postnonclassical prospect]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2007, pp. 195-223.
4. Vlasova O. *Fenomenologicheskaya psikiatriya i ekzistentsial'nyy analiz: Istoriya, mysliteli, problem* [Phenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers, problem]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2010. 949 p.
5. Husserl E. *Ideya fenomenologii* [The idea of phenomenology]. Moscow: Academy for the Humanities Publ., 2008. 219 p.
6. Rozanov V.V. *O ponimanii* [On understanding]. Moscow: Tanais Publ., 1996.
7. Igel'nik M.S. *Psikhologicheskaya kompetentnost' rukovoditelya v usloviyakh antikrizisnogo upravleniya*. Avtoref. diss. kand. ps. n. [Psychological competence of the head in terms of crisis management. Abstract of Psychology Cand. Diss.], M., 2002.
8. Tupikina O.G. *Obraz politicheskogo lidera v soznanii mass*. Avtoref. diss. kand. psikh. n. [The image of a political leader in the minds of the masses. Abstract of Psychology Cand. Diss.], Moscow, 2003.
9. Almaev N. A. *Elementy psikhologicheskoy teorii znacheniya* [Elements of the psychological theory of meaning]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2006.
10. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 447 p.
11. Ushakova T.N. *Rech': istoki i printsipy razvitiya* [Speech: the origins and principles of development]. Moscow: PER SE Publ., 2004. 255 p.
12. Austin J. L. *Slovo kak deystvie* [Word as an action]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1986, pp. 22-130.
13. Ushakova T.N. *Rozhdenie slova: Problemy psikhologii rechi psikholingvistiki* [The birth of the word: Problems of speech psychology and psycholinguistics]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2011. 523 p.
14. Leont'ev D.A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of the sense of reality]. Moscow: Smysl Publ., 2007. 510 p.
15. Thomae H. *Das Individuum und seine Welt*. Göttingen, 1996.
16. Malkova G.Yu. *Kontent-analiz avtobiograficheskikh rasskazov v izuchenii lichnostnykh svoystv*. Diss. kand. psikh. nauk [The content-analysis of autobiographical stories in studying personality traits. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2005.
17. Ushakova T.N. (ed.) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: PERSE Publ., 2006. 415 p.
18. Grishunina E.V. *Tematicheskie tsentratsii v vyskazyvaniyakh o situatsii razvoda* [Thematic centrations in the statements on divorce]. In: Ufimtseva N.V., Ushakova T.N. (eds.) *Yazyk. Soznanie. Kul'tura* [Language. Consciousness. Culture]. Moscow-Kaluga: Institute of Linguistics RAS, Institute of Psychology RAS Publ., 2005.
19. Grishunina E.V. (a) *Kognitivno-emotsional'naya struktura perezhivaniy slozhnykh zhiznennykh situatsiy (na primere migratsii i razvoda)* [The cognitive-emotional structure

- of experiencing difficult situations (for example, migration and divorce)]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2011, no. 4, pp. 130-152
20. Mamardashvili M.K. Klassicheskiy i neklassicheskiy podkhody k analizu soznaniya [Classical and non-classical approaches to the analysis of consciousness]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp.8-26.
 21. Vasilyuk F.E. *Ponimayushchaya psikhoterapiya kak psikhotehnicheskaya sistema*. Avtoref. diss. doc. psikh. n. [Understanding psychotherapy as a psychotechnical system. Abstract of Psychology Doc. Diss.]. Moscow: Psychological Institute RAS Publ., 2007.
 22. Antsyferova L.I. Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsiy i psikhologicheskaya zashchita [Personality in difficult conditions: reinvention, transformation situations and psychological defense]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1994, vol. 15, no. 1, pp. 3-16.
 23. Burlachuk L.F., Mikhaylova N.B. K psikhologicheskoy teorii situatsiy [On the psychological theory of situations]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2002, vol. 23, no. 1.
 24. Nietzsche F. *Utrennyaya zarya. Mysli o moral'nykh predrassudkakh* [The dawn. Thoughts on moral prejudices]. Translated from German. Sverdlovsk: Volya Publ., 1991.
 25. Gendlin E. *Fokusirovanie. Novyy psikhoterapevticheskiy metod raboty s perezhivaniyami* [Focusing. A new psychotherapeutic method of dealing with emotions]. Translated from English by A.S. Rigin. Moscow: Klass Publ., 2000.
 26. Langlay A. Fenomenologicheskii podkhod v ekzistentsial'no-analiticheskoy psikhoterapii [A phenomenological approach in existential-analytic psychotherapy psychotherapy]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 110-129.
 27. Buyakas T.M. Fenomenologiya smysla: smysl kak zov dushi [Phenomenology of meaning: the meaning as the call of the soul]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 94-109.
 28. Ulanovskiy A.M. Fenomenologiya v psikhologii i psikhoterapii: proyasnienie neotchetlivykh perezhivaniy [Phenomenology in psychology and psychotherapy: clarification of indistinct experiences]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 52-76.
 29. Gendlin E. Fenomenologicheskaya kontseptsiya i fenomenologicheskii metod: kriticheskii analiz raboty Medarda Bossa so snovideniyami [The phenomenological concept and phenomenological method: a critical analysis of Medard Boss' works with dreams]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 130-146.
 30. Lacan J. *Imena-ottsa* [Names of the father]. Translated from French by A. Chernoglazova. Moscow: Gnozis, Logos Publ., 2006. 160 p.
 31. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [The psychology of experience (the analysis of overcoming critical situations)]. Moscow: Moscowstate University Publ., 1984, p. 11.
 32. Böhme G. *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht*. Darmstädter Vorlesungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
 33. Petzold H. *Integrative Therapie Modelle, Theorien & Methoden schulenübergreifender Psychotherapie*. Überarb. Neuauflage 2. Auflage, Paderborn: Junfermann, 2004.
 34. Petzold H. *Integrative Therapie. Bd. I: Klinische Philosophie*. Paderborn: Junfermann, 1991.
 35. Petzold H. *Integrative Therapie. Bd. II: Klinische Theorie*. Paderborn: Junfermann, 1992.
 36. Petzold, H. *Integrative Therapie. Bd. III: Klinische Praxeologie*. Paderborn: Junfermann, 1993.
 37. Kohut H. *Vosstanovlenie samosti* [The Restoration of the Self]. Translated from English by A. Bokovokov. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2002. 320 p.
 38. Combs A. *Soznanie: khaoticheskoe i stranno-attraktornoe* [Consciousness; chaotic and strange-attractive]. In: Arshinov V.I., Trofimova I.N., Shendyapin V.M. (eds.) *Sinergetika i psikhologiya* [Synergetics and Psychology]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2004, pp. 51-60.

39. Grishunina E.V.(b) Slozhnye lichnye i professional'nye situatsii kak aktiviziruyushchie akmeologicheskiy potentsial lichnosti [Complicated personal and professional situations as activating acmeological potential of the personality]. *Mir psikhologii*, 2011, no. 3, pp. 247-258.
40. Gurko E., Derrida J. *Dekonstruksiya: teksty i interpretatsiya* [Deconstruction: Texts and interpretation]. Minsk: Ekonompress Publ., 2001. 320 p.
41. Petzold H.G., Wolf U., Landgrebe B., Josic Z., Steffan A. *Integrative Traumatherapie – Modelle und Konzepte für die Behandlung von Patienten mit “posttraumatischer Belastungsstörung”*. In: Kolk B., McFarlane A., Weisaeth L. (eds.) *Traumatic Stress*. Paderborn: Junfermann, 2000, pp. 445-579.
42. Starovoytenko E.B. Otnoshenie k sebe: ot kul'turogeneza k individual'nomu razvitiyu [Attitude to the self: from cultural genesis to individual development]. *Psikhologiya*, 2011, vol. 8, no. 4, pp. 3-28.
43. Derkach A.A. *Akmeologiya v sisteme nauk o cheloveke* [Acmeology in the system of the human sciences]. In: Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds.) *Teoriya i metodologiya psikhologii: Postneklassicheskaya perspektiva* [Theory and Methodology of Psychology: Postnonclassical prospect]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2007.
44. Yalom I. *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya* [Existential Psychotherapy]. Translated from English by S. Drabkina. Moscow: Klass Publ., 2004. 575 p.
45. Rozin V.M. *Psikhologiya: nauka i praktika* [Psychology: science and practice]. Moscow: Russian State University for the Humanities, Omega-L Publ., 2005.

Accepted: 24 November 2014

И.И. Шерхунаева¹, О.С. Михайлова²

¹ *Байкальский государственный университет экономики и права
(Иркутск, Россия)*

² *Иркутский национальный исследовательский технический университет
(Иркутск, Россия)*

Моделирование основных факторов межличностных отношений с помощью методики ДМО Т. Лири

Сравнительный анализ различных модификаций методики Т. Лири выявил некоторые различия математического расчета показателей «доминирование» и «дружелюбие» у разных авторов. Для более глубокого понимания данной методики было проведено моделирование, результатом которого стали содержательная модель октантов, а также когнитивные модели основных факторов и их математическая формализация. Когнитивная модель позволяет получить формальную математическую модель в виде алгебраической записи, которая упрощает процесс восприятия изучаемого явления. Детально изучив когнитивные и содержательные модели факторов «доминирование» и «дружелюбие», предложенные Т. Лири, мы предположили, что можно разработать аналогичную модель такого явления, как «коммуникативность личности». Данная технология позволила выделить фактор «коммуникативность личности», определить его содержательную, когнитивную и математическую модели, что дает нам возможность применить полученные результаты в анализе обширного эмпирического материала.

Ключевые слова: межличностные отношения; математическая модель; содержательная модель; когнитивная модель; доминирование; дружелюбие; коммуникативность личности.

Введение

Одной из актуальных проблем подготовки кадров для строительной отрасли является проблема развития и формирования социально-психологической компетентности студентов. В исследовании, направленном на изучение коммуникативных компетенций, использовалась серия методов и методик психологической диагностики, среди них методика Т. Лири, с помощью которой изучали межличностные отношения и коммуникативные качества студентов технического учебного заведения. Психодиагностические измерения проводились среди студентов-выпускников на протяжении пяти лет. В результате нами накоплен обширный эмпирический материал, позволяющий анализировать изучаемые процессы и явления.

Материалы и методики исследования

Методика Т. Лири, созданная в 1954 г., предназначена для изучения представлений субъекта о себе идеальном и реальном, а также для изучения взаимоотношений в малых группах. В методике оценивается 128 характеристик, которые сводятся к 8 вариантам межличностного взаимодействия. Интерпретация данных ДМО ориентирована на преобладание одних показателей над другими и определение основных факторов: «доминирование» и «дружелюбие».

Изучены модификации данной методики Л.Н. Собчик [1], методики, предложенные в изданиях А.А. Карелина [2. С. 263–268], Д.Я. Райгородского [3. С. 408–418] и издании Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова [4. С. 87–90]. При расчёте данных по факторам «доминирование» и «дружелюбие» обнаружено расхождение в формулах перечисленных изданий (табл. 1). Обнаруженное несоответствие привело к необходимости изучения математической модели расчета данных параметров, сравнение их с формулами, предложенными Т. Лири, и выбора оптимальной модификации методики.

Таблица 1

Формулы определения показателей по факторам «доминирование» и «дружелюбие»

Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов	Д.Я. Райгородский	А.А. Карелин	Л.Н. Собчик
Доминирование = $= I - V + 0,7 \times$ $\times (VIII + II - IV - VI)$	Доминирование = $= (I - V) + 0,7 \times$ $\times (VIII + II - IV - VI)$	Доминирование = $= (I - V) + 0,7 \times$ $\times (VIII + II - VI)$	Индекс лидерства (вектор Л): $L = I - V + 0,7 \times$ $\times (II + VIII - VI + IV)$
Дружелюбие = $= VII - III + 0,7 \times$ $\times (VIII - II - IV + VI)$	Дружелюбие = $= (VII - III) + 0,7 \times$ $\times (VIII - II - IV + VI)$	Дружелюбие = $= (VII - III) + 0,7 \times$ $\times (VIII - II - IV + VI)$	Индекс доброжелательности (вектор Д): $D = VI - III + 0,7 \times$ $\times (VIII + VII - IV + II)$

В дальнейшей работе, проанализировав полученные результаты, решили опираться на модификацию, представленную Л.Н. Собчик.

Следующий этап работы состоял в разработке когнитивной модели основных факторов межличностных отношений (табл. 2). Изучение некоторых явлений, опыта прошлых наблюдений, каких-либо модельных гипотез или ожиданий позволяет нам получить некую модель предмета. Впоследствии эта модель может уточняться, меняться структурно или функционально. Построенная модель сама может спровоцировать получение новых знаний о явлении, выявить скрытые связи [5. С. 12–15].

Для более глубокого понимания данной методики было проведено моделирование, результатом которого стали содержательная модель ок-

тантов, а также когнитивные модели основных факторов и их математическая формализация (рис. 1). Содержательная логико-семантическая модель позволяет получить описание объектов-октантов и их дифференцирование по уровням интенсивности. За основу нами взяты содержательные описания, предложенные Л.Н. Собчик, которые мы дополнили и уточнили на основе источников [2–4].

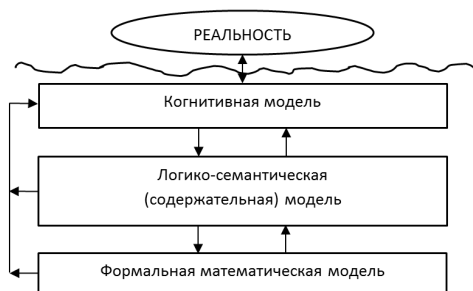

Рис. 1. Типы созданных моделей

Таблица 2

Тип межличностного поведения в отношениях с окружающими

Тип межличностных отношений	0–8 баллов	9–12 баллов	13 и выше
1. Властно-лидирующий	Способность наставника и организатора	Нетерпеливость к критике, переоценка собственных возможностей	Догматизм и деспотичность
	Уверенность в себе, упорность, настойчивость, умеет быть хорошим наставником и организатором, свойства руководителя	Доминантность, авторитетность, лидер. Нетерпим к критике, переоценивает собственные возможности	Дидактический стиль высказываний, императивная потребность командовать другими, черты деспотизма, властьность
2. Независимодоминирующий	Склонность к соревновательности, соперничеству	Обособленность позиций в группе	Самодовольство, чувство превосходства по отношению к окружающим
	Уверенность, независимость, соперничающий, деловитость	Самоуверенность, самовольность диктантности, эгоистичность	Имеет особое мнение, отличное от мнения большинства, занимает обособленную позицию в группе. Нарциссический, с выраженным чувством собственного превосходства над окружающими

Тип межличностных отношений	0–8 баллов	9–12 баллов	13 и выше
3. Прямолинейно-агрессивный	Настойчивость в достижении цели	Чрезмерное упорство, недружелюбие	Несдержанность и вспыльчивость
	Искренность, непосредственность, целеустремленность	Прямолинейность, настойчивость в достижении цели, критичность	Чрезмерное упорство, недружелюбие, несдержанность и вспыльчивость, враждебность
4. Недоверчиво-скептический	Скептицизм и неконформность	Обидчивость и недоверчивость, склонность к критицизму	Недовольство окружающими, подозрительность
	Реалистичность базы суждений и поступков, скептицизм и неконформность, критичность	Крайне обидчив и недоверчив, с склонностью к критицизму	Недовольство другими, подозрительность, отчужденность, негативизм
5. Покорно-застенчивый	Охотное выполнение чужих обязанностей	Повышенное чувство вины, самоуничижение	Полная покорность
	Скромность, застенчивость, уступчивость	Склонность брать на себя чужие обязанности, подчиняться	Полная покорность, повышенное чувство вины, самоуничижение
6. Зависимопослушный	Потребность в помощи	Конформность	Полная зависимость от мнения окружающих
	Уважительность, благодарность, вежливость	Потребность в помощи и доверии со стороны окружающих, в их признании	Сверхконформность, полная зависимость от мнения окружающих
7. Сотрудничающе-конвенционный	Дружелюбие	Компромиссное поведение	Несдержанность в излияниях своего дружелюбия
	Стремятся к сотрудничеству с референтной группой, к дружелюбным отношениям с окружающими	Компромиссное поведение, ждет социального одобрения	Несдержанность в излияниях своего дружелюбия по отношению к окружающим, стремление подчеркнуть свою причастность к интересам большинства
8. Ответственно-великодушный	Мягкосердечность, обязательность	Гиперсоциальные установки	Альтруизм
	Выраженная готовность помогать окружающим, сочувствующий, мягкий, деликатный, отзывчивый	Мягкосердечность, развитое чувство ответственности	Сверхобязательность, гиперсоциальность установок, подчеркнутый альтруизм

Т. Лири была предложена круговая модель, формализованная в следующих формулах:

$$Dom = \sum_{i=1}^{16} R_i \sin \theta_1 \text{ и } Lov = \sum_{i=1}^{16} R_i \cos \theta_1,$$

где R_1 – оценка 1-й категории; θ_1 – угол, получаемый при движении в направлении против часовой стрелки от L категории (если используются 16 категорий) или от LM, если используются восемь категорий-октантов [6. С. 69]:

$$Dom = AP-HI+0,7 (NO+BC-FG-JK);$$

$$Lov = LM-DE+0,7 (NO-BC-FG+JK).$$

Т. Лири предположил, что эти оси делят окружность на четыре квадранта, которые, в свою очередь, подразделяются на октанты, получившие следующие названия [Там же. С. 65]:

- диктаторский-автократический (Managerial-Autocratic) – AP;
- состязательный-нарциссический (Competitive-Narcissistic) – BC;
- агрессивный-садистический (Aggressive-Sadistic) – DE;
- недоверчивый-бунтарский (Distrustful-Rebellions) – FG;
- мазохистский-самоуничижительный (Masochistic-Self-Effacing) – HI;
- зависимый-покорный (Dependent-Docile) – JK;
- сверхконвенциональный-сотрудничающий (Overconventional-Cooperative) – LM;
- ответственный-гипернормальный (Responsible-Hypernormal) – NO.

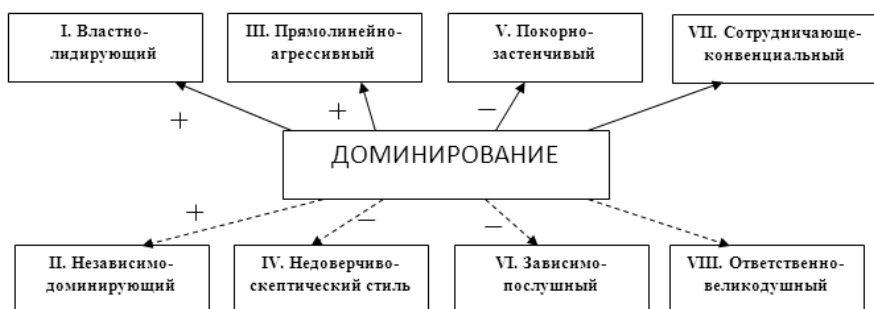
Нами был проведен анализ каждого октанта на предмет прямой и обратной зависимости с показателями «доминирование», «дружелюбие».

Показатели «доминирование» и «дружелюбие» М. Аргайлом названы в числе главных компонентов при анализе стиля межличностного поведения и по содержанию могут быть соотнесены с двумя из трех главных осей семантического дифференциала Ч. Оттуда: оценка и сила [3. С. 408].

Когнитивная модель создавалась для выявления связей между основными факторами «доминирование» и «дружелюбие» и рассматриваемыми 4 основными октантами (в верхнем ряду) и 4 дополнительными октантами (в нижнем ряду) (рис. 2, 3). Полученная когнитивная модель позволяет представить формальную математическую модель в виде алгебраической записи, которая упрощает процесс восприятия изучаемого явления. Основные октанты берутся с коэффициентом 1, а дополнительные – с коэффициентом 0,7 (этот коэффициент позволяет ослабить действие октанта на общую сумму) [6].

Используемые условные обозначения:

- основные октанты, имеющие прямую зависимость $\longrightarrow$;
- дополнительные октанты, имеющие прямую зависимость $\dashrightarrow$;
- положительная связь – +;
- отрицательная связь – –.

$$\text{Доминирование} = \text{I} - \text{V} + 0,7 (\text{II} + \text{III} - \text{VI} - \text{IV})$$

Рис. 2. Когнитивная модель фактора «доминирование»

$$\text{Дружелюбие} = -\text{III} + \text{VII} + 0,7(-\text{II} - \text{IV} + \text{VI} + \text{VIII})$$

Рис. 3. Когнитивная модель фактора «дружелюбие»

Результаты исследования и обсуждение

Детально изучив когнитивные и содержательные модели факторов «дозирование» и «дружелюбие», предложенные Т. Лири, мы предположили, что можно разработать аналогичную модель такого явления, как коммуникативность личности.

Под термином «коммуникативность личности» мы понимаем некий комплекс качеств, характеризующий процесс общения той или иной личности, в частности, коммуникативность (лат. – соединяющийся, сообщающийся) – положительное нравственно-этическое качество личности, выражающее предрасположенность человека к общению, установлению контактов, связей, отношений. Внешне это качество проявляется как общительность, умение собирать вокруг себя людей. Данное качество основывается на способности человека чувствовать поле психологической совместимости с партнером. Иногда термин «комму-

никабельность» употребляется преимущественно как синоним, но иногда как вспомогательное понятие для обозначения черты характера (коммуникабельный человек) с акцентом на владение технологией коммуникативности [7].

При создании когнитивной модели фактора «коммуникативность личности» мы предполагаем, что первый и седьмой октанты, являясь основными, имеют прямое положительное влияние на изучаемое явление, и третий октант, являясь основным, имеет отрицательное значение. На базе полученной когнитивной модели разработали математическую модель фактора «коммуникативность личности», которую планируем применить в анализе эмпирического материала, полученного при проведении исследования.

Рис. 4. Когнитивная модель фактора «коммуникативность личности»

Заключение

Результаты проведенного исследования в дальнейшем будут использованы для диагностики и анализа данных, полученных в работе со студентами строительных специальностей средних и высших учебных заведений.

Прделанная работа позволила:

- уточнить содержательную модель стилей межличностных отношений, предложенную Л.Н. Собчик;
- разработать когнитивную модель факторов «доминирование» и «дружелюбие»;
- получить математическую модель этих факторов, на которую мы будем опираться в дальнейшей исследовательской деятельности;
- полученную математическую модель сравнить с моделью, предложенной Т. Лири, и получить полную тождественность, что подтвердило адекватность векторной модели, так как она успешно описывает моделируемую систему;

– разработать когнитивную и математическую модели фактора «коммуникативность личности»;

– когнитивную модель представить в виде векторной формы, которая является в данном случае наиболее удачной, так как позволяет увидеть основные содержательные аспекты фактора «коммуникативность личности».

Пользуясь данной технологией, можно более глубоко проанализировать и другие явления и качества, значимые в межличностных отношениях (например, лидерство, самооценка и др.). В дальнейшем планируется данный подход адаптировать при анализе результатов диагностики ДМО и для других категорий респондентов.

Литература

1. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики: методическое руководство. М., 1990. 48 с.
2. Карелин А.А. Большая энциклопедия психологических тестов. М. : Эксмо, 2007. 416 с.
3. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие / редактор-составитель Д.Я. Райгородский. Самара : БАХРА-М, 2001. 672 с.
4. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. 490 с.
5. Мусихина Е.А., Хохрин Е.В., Михайлова О.С. Теоретические основы моделирования предметно-пространственных сред : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2014. 64 с.
6. *Interpersonal Diagnosis of Personality A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation* By Leary, Timothy, Previously published by John Wiley & Sons, 1957. 538 p.
7. Безрукова. В.С. Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000. 937 с.

Статья представлена научной редакцией 31 октября 2014 г.

Сведения об авторах:

ШЕРХУНАЕВА Инга Иннокентьевна, аспирант кафедры социальной и экономической психологии ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет» (Иркутск).
E-mail: inin@mail.ru

МИХАЙЛОВА Ольга Сергеевна, аспирант кафедры архитектурного проектирования ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный технический университет» (Иркутск).
E-mail: mikhaylova.istu@gmail.com

Inga I. Sherkhunaeva, Olga S. Mikhaylova

Baikal State University of Economics and Law (Irkutsk, the Russian Federation).

E-mail: inin@mail.ru

Irkutsk State Technical University (Irkutsk, the Russian Federation).

E-mail: mikhaylova.istu@gmail.com

Modeling of the basic factors of interpersonal relationships using techniques IDP by T. Leary

Comparative analysis of different modifications of the technique by T. Leary showed some differences of calculating "dominance" and "friendliness" by various authors. Detected mismatch led to the necessity of studying the mathematical model of personality, comparing it with the formulas proposed by T. Leary and selecting a modification of the technique that will be used for further research.

For a deeper understanding of the technique modeling was executed, which resulted in: conceptual model of octants, cognitive models of the main factors and its mathematical formulization. The conceptual logical-semantic model let us get a description of objects-octants and their differentiation with respect to levels of intensity. Conceptual descriptions proposed by L.N. Sobchik were taken as the basis, they were accordingly extended and specified based on other sources.

The analysis of each octant for direct and inverse relationship with indicators of "dominance", "friendliness" has been performed. The analysis of each octant showed that different authors give various interpretations of each type at seeming similarity in approaches. The difference in the approaches to the understanding of each octant can affect the difference in the concept of "dominance" and "friendliness" and in the preparation of the formulas for calculating these indicators. The cognitive model was created to identify relations between the main factors "dominance" and "friendliness" and 4 main octants (top row) and 4 additional octants (bottom row). Cognitive model allows getting a mathematical model in the form of algebraic notation, which simplifies the process of perception of the phenomenon. After having studied cognitive and conceptual models of "dominance" and "friendliness" proposed by T. Leary authors developed a similar model of factor called the "communicativeness of personality".

"Communicativeness of personality" is a set of qualities that characterize the process of communication of a particular individual, positive moral and ethical quality of a person expressing a person's predisposition to communicate, to establish contacts, ties, relations. Outwardly it appears as a communicative quality, as the ability to gather people around him. This quality is based on a person's ability to feel the field of psychological compatibility with a partner. Sometimes the term "communicate" is used synonymously and sometimes as an auxiliary concept to refer to the character traits (sociable person) with an emphasis on understanding the technology to communicate.

This technology allowed finding out the factor of "communicativeness of personality", to determine its conceptual, cognitive and mathematical model that gives an opportunity to apply the results obtained by the analysis of extensive empirical material.

Keywords: interpersonal relationships; mathematical model; meaningful model; cognitive model; dominance; friendliness; communicative personality.

References

1. Sobchik L.N. *Metody psikhologicheskoy diagnostiki* [Methods of psychological diagnosis]. Moscow: 1990. 48 p.
2. Karelin A.A. *Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov* [The Great Encyclopedia of Psychological Tests]. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 416 p.
3. Raygorodskiy D.Ya. (ed.). *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychological testing. Techniques and tests]. Samara: BAKhRA-M Publ., 2001. 672 p.
4. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of development of persons and small groups]. Moscow: Institute for Psychotherapy Publ., 2002. 490 p.
5. Musikhina E.A., Khokhrin E.V., Mikhaylova O.S. *Teoreticheskie osnovy modelirovaniya predmetno-prostranstvennykh sred* [The theoretical bases of the object-spatial environment modeling]. Irkutsk: IrGTU Publ., 2014. 64 p.
6. Leary T. *Interpersonal Diagnosis of Personality A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation*. Previously published by John Wiley & Sons, 1957. 538 p.
7. Bezrukova. V.S. *Osnovy dukhovnoy kul'tury. Entsiklopedicheskiy slovar' pedagoga* [The fundamentals of spiritual culture. The Encyclopedic Dictionary of the Teacher]. Yekaterinburg, 2000. 937 p.

Received: 31 October 2014

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.62

DOI 10.17223/17267080/55/6

А.В. Бочаров, Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-18025 «Исследование современных форм экстремистского поведения молодежи с учетом влияния культурно-средовых факторов»

На группе осужденных исследуется проблема экстремизма как реального феномена современности, который наблюдается в условиях становления новой российской государственности и противоречивости формирования демократических институтов и отношений. Комплексная типологизация осужденных позволяет описать групповой психологический портрет осужденных за экстремизм. Результаты исследования станут основой разработки психологических программ выявления и развития психологических ресурсов противостояния влиянию экстремистской идеологии, будут иметь теоретическое значение для психологической науки и прикладной характер для совершенствования современной молодежной политики в РФ.

Ключевые слова: молодежь; осужденные за экстремизм; многомерный анализ; типология экстремистских форм поведения.

Введение

Выделяемые в научной литературе формы экстремизма в зависимости от сфер жизнедеятельности общества (экономический, национальный, политический, религиозный, экологический и духовный) являются абстрактными и недостаточными для классификации и типизации проявления экстремистского поведения, так как не отражают специфику скрытых (латентных) форм экстремизма [1]. Поэтому определение глубинных причин (ценностно-смысловых, мотивационных, индивидуально- и социально-психологических), лежащих в основе молодежного экстремизма, анализ культурно-средовых факторов, способствующих формированию экстремистского поведения, являются актуальными задачами современной психологии. Эти задачи требуют применения антропологического подхода к пониманию сущности экстремистского поведения, который позволит

обобщить имеющиеся теоретические представления и разработать на основе эмпирических данных более объективную и системную типологию современных форм экстремистского поведения молодежи [2].

Материалы и методики исследования

Выборку исследования представили 52 мужчины, осужденные за терроризм и экстремизм, находящиеся в пенитенциарном учреждении Томской области. Статьи Уголовного кодекса РФ, по которым были осуждены испытуемые, – 205, 206, 209 ч. 1 и 2, 210, 280, 282 ч. 1 и 2 (терроризм, экстремизм, захват заложника, создание вооруженной группы, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, организация экстремистского сообщества). Обследование проводилось спустя полгода после прибытия осужденного в пенитенциарное учреждение для снятия эффекта дезадаптации, свойственного для каждого вновь прибывшего. На предшествующем этапе анализа проводилось анкетирование осужденных на предмет отношения к различным аспектам экстремизма (самоидентификация). В результате были выделены и обоснованы два типа самоидентификации осужденных за экстремизм: 1) «жертвы» и «ищущие», 2) «борцы» и «защитники» [3].

На следующем этапе, представленном в данной статье, продолжение многомерного анализа результатов психодиагностических методик выборки осужденных проводилось в рамках главной цели исследовательского проекта – разработки технологии диагностики экстремистских форм поведения.

Были выбраны следующие методики исследования:

1) Опросник «Мини-мульт» (сокращенный вариант многофакторного опросника для исследования личности ММРІ) в адаптации В.П. Зайцева (2004). Опросник позволяет оценить уровень нервно-эмоциональной устойчивости, степень интеграции личностных свойств, уровень адаптации личности к социальному окружению.

2) Тест самодетерминации личности (автор Б. Шелдон, адаптация и модификация Е.Н. Осина, 2011), позволяющий диагностировать способность индивида определять ход собственной жизни, в том числе такие компоненты, как автономия (уверенность в возможности выбора в жизненных ситуациях) и самовыражение (переживание жизни как соответствующей собственным желаниям, потребностям и ценностям).

3) Диагностика мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман, 1990). Использовался мотивационный профиль со шкалами жизнеобеспечение, комфорт, общение, общая активность, творческая активность, социальная полезность.

4) Культурно-ценностный дифференциал (Г.У. Солдатов, И.М. Кузнецов и С.В. Рыжова, 1998). Ценностные ориентации сформулированы в рамках психологического универсального измерения культуры «индивидуализм–коллективизм». Измеряются групповые ценностные ориентации: на группу, на власть, друг на друга и на социальные изменения.

5) Характерологический опросник Мещеряковой (1993). Методика позволяет определить ведущие акцентуации характера испытуемых.

В выборке было незначительное количество статистически значимых корреляций (использовался непараметрический критерий Спирмена) между шкалами разных психодиагностических методик, найденные значимые корреляции были невысокими (менее 0,4), поэтому для поиска зависимостей между психодиагностическими шкалами использовался факторный анализ. В изучаемой выборке пропущенные данные отсутствуют, поскольку тестирующий осужденных психолог следил за полнотой заполнения опросников.

Для определения количества факторов использовался критерий каменистой осыпи, или критерий отсеивания (графический метод, предложенный Дж. Кэттеллом (Cattell, 1966)). Нужно найти такое место на графике, где убывание собственных значений слева направо максимально замедляется. Предполагается, что справа от этой точки находится только «факториальная осыпь», делающая малый вклад в объяснение дисперсии значений. Хотя критерий Кэттелла отличается некоторой субъективностью, он позволяет оптимально и наглядно выделить небольшое количество хорошо интерпретируемых факторов-подсистем в изучаемом пространстве признаков [4].

Результаты исследования и обсуждение

Из рис. 1 видно, что резкое убывание собственных значений прекращается после 4-й главной компоненты, поэтому для данной выборки в дальнейшем изучали четыре фактора.

В табл. 1 показаны факторные нагрузки для этих 4 факторов по психодиагностическим шкалам. В расчет принимались только переменные с нагрузкой не ниже 0,55 по модулю.

Рис. 1. Графическое изображение четырех главных компонент – факторов

Таблица 1

Факторные нагрузки по психодиагностическим шкалам в выборке осужденных
(метод вращения главных компонент Varimax normalized)

Шкалы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Шкала лжи (L)	-0,43	-0,12	-0,59	0,19
Шкала достоверности (F)	-0,38	0,01	0,1	-0,15
Шкала коррекции (K)	-0,52	-0,04	-0,53	0,23
1. Ипохондрия (Hs) (в норме – сверхконтроль)	-0,88	-0,01	-0,24	0,09
2. Депрессия (D) (в норме – пессимистичность)	-0,79	-0,35	-0,1	-0,16
3. Истерия (Hu) (в норме – эмоциональная лабильность)	-0,85	-0,26	-0,12	0,09
4. Психопатия (Pd) (в норме – импульсивность)	-0,79	-0,16	-0,22	-0,02
6. Паранояльность (Pa) (в норме – ригидность)	-0,74	-0,02	0,04	-0,22
7. Психастения (Pt) (в норме – тревожность)	-0,81	-0,20	-0,31	0,07
8. Шизоидность (Sc) (в норме – индивидуалистичность)	-0,90	-0,09	-0,3	-0,05
9. Гипомания (Ma) (в норме – оптимистичность)	-0,22	0,33	0,15	0,08
Автономия	0,21	0,36	-0,58	-0,25
Самовыражение	0,38	0,30	-0,55	-0,22
Ориентация на группу	0,21	0,14	-0,17	0,69
Ориентация на себя	0,11	-0,05	0,06	-0,59
Сопrotивление переменам	-0,09	0,05	0,31	-0,38
Открытость переменам	-0,22	-0,05	-0,27	0,19
Направленность на взаимодействие	-0,04	0,35	0,01	0,69
Отвержение взаимодействия	-0,30	-0,23	-0,27	-0,59
Сильный социальный контроль	0,16	0,10	-0,13	0,76
Слабый социальный контроль	0,07	-0,10	0,15	-0,69
Демонстративность	0,21	0,33	0,57	-0,08
Циклоидность	0,11	0,16	0,72	-0,09
Лабильность	0,29	0,27	0,47	-0,09
Гипертимность	-0,10	0,56	0,42	-0,32
Сензитивность	-0,19	-0,01	0,67	-0,30
Астеноневротичность	0,09	0,04	0,74	-0,37
Эпилептоидность	0,34	0,27	0,53	-0,25
Психастеничность	0,33	0,12	0,67	0,06
Шизоидность	0,23	0,17	0,67	0,05
Неустойчивость	0,18	-0,10	0,42	-0,46
Коррекция	0,24	0,44	0,09	0,00
Поддержание жизнеобеспечения	0,15	0,85	0,21	0,14
Комфорт	0,37	0,72	-0,14	0,02
Социальный статус	0,09	0,87	0,11	0,18
Общение	0,06	0,82	0,03	0,13
Общая активность	0,01	0,82	0,1	0,23
Творческая активность	0,16	0,81	0,13	0,15
Общественная полезность	0,15	0,86	-0,03	0,11
Объясненная дисперсия	6,59	6,42	5,63	3,99
Доля в общей дисперсии	0,17	0,16	0,14	0,10

Фактор 1 уменьшает значения нескольких шкал ММРІ: *Hs* – ипохондрии (в норме – сверхконтроля), *D* – депрессии (в норме – пессимистичности), *Hu* – истерии (в норме – эмоциональной лабильности), *Pd* – психопатии (в норме – импульсивности), *Pa* – паранояльности (в норме – ригидности), *Pt* – психастении (в норме – тревожности), *Sc* – шизоидности (в норме – индивидуалистичности). Исходя из таких характеристик Фактор 1 можно назвать «сглаживание психопатологической симптоматики».

Фактор 2 повышает гипертимность, мотивацию поддержания жизнеобеспечения, комфорта, социального статуса, общения, общей активности, творческой активности, общественной полезности. Исходя из таких характеристик. Фактор 2 можно назвать «стремление к гармоничным отношениям».

Фактор 3 понижает автономию, самовыражение и шкалу лжи по ММРІ, повышает демонстративность, циклоидность, сензитивность, психастеничность, шизоидность, астеноневротичность. Исходя из таких характеристик Фактор 3 можно назвать «выраженность психопатологии».

Фактор 4 положительно коррелирует с ориентацией на группу, направленностью на взаимодействие и сильным социальным контролем, отрицательно коррелирует с ориентацией на себя, отвержением взаимодействия, слабым социальным контролем. Исходя из таких характеристик Фактор 4 можно назвать «выраженность экстернатности».

В табл. 1 доли объясненной дисперсии представлены в порядке убывания, отражая степень важности соответствующих выделенных факторов для объяснения вариации исходных данных. В наибольшей степени на осужденных в изучаемой выборке влияют факторы «сглаживание психопатологической симптоматики» и «стремление к гармоничным отношениям», слабее всех остальных – фактор «выраженность экстернатности».

Каждый фактор из четырех является своеобразной агрегированной переменной, для которой вычисляется факторный балл для каждого наблюдения в выборке. Это позволяет проверить зависимость каждого из факторов от принадлежности осужденных к одному из кластеров самоидентификации, выделенных по анкете отношения к экстремизму на предыдущем этапе исследования. Для проверки зависимости использовался дисперсионный анализ (ANOVA) по F-критерию Фишера. Анализ позволил выявить две статистически значимые зависимости.

Рисунок 2 показывает, что у осужденных кластера «жертвы» и «ищущие» средние значения Фактора 1 «сглаживание психопатологической симптоматики» ниже и более лабильны, чем у осужденных кластера «борцы» и «защитники».

У осужденных из кластера «жертвы» и «ищущие» средние значения Фактора 3 «выраженность психопатологии» ниже, чем у осужденных из кластера «борцы» и «защитники» (рис. 3). То есть у осужденных с идентичностью «жертвы» и «ищущие» гораздо слабее понижаются автономия, самовыражение и шкала лжи по ММРІ, слабее повышаются демонстративность, циклоидность, сензитивность, психастеничность, шизоидность, астеноневротичность.

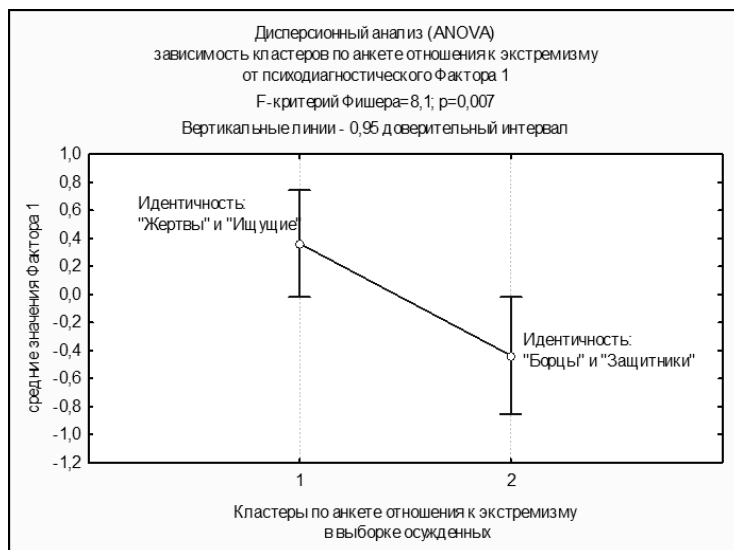

Рис. 2. Взаимосвязь типов идентичности и Фактора 1

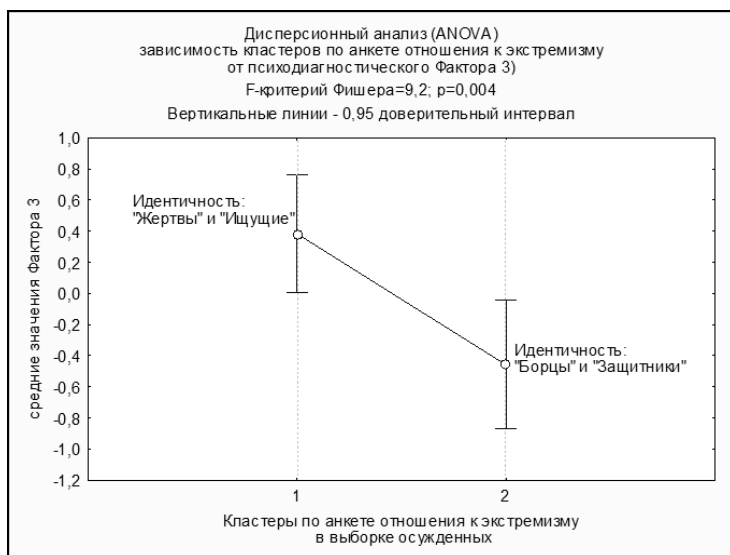

Рис. 3. Взаимосвязь типов идентичности и Фактора 3

С точки зрения криминологических факторов экстремизма интерес вызывают признаки судимости («ранее судим» или «не судим») и роли в преступлении («организатор», «соучастник», «исполнитель»). Ранее судимых (рецидив) в выборке всего шесть человек, что не позволило выявлять значимую вариативность и комбинаторику статистических значений по признаку количества судимостей. В отличие от этого, признак «роль в пре-

ступлений» такую вариативность даёт. Анализ таблиц сопряжённости кластеров самоидентификации и роли в преступлении не установил статистически значимой зависимости (табл. 2), возможно, из-за недостаточного объёма выборки. Тем не менее в таблице видны некоторые тенденции, а именно: среди «борцов» и «защитников» больше соучастников и организаторов, чем среди «жертв» и «ищущих».

Т а б л и ц а 2

**Анализ сопряженности роли в преступлении и кластера самоидентификации.
Критерий Пирсона Хи-квадрат = 0,1; p = 0,9**

Роль в преступлении	Кластер 1, идентичность «борцы» и «защитники»	Кластер 2, идентичность «жертвы» и «ищущие»	Всего
Исполнитель	15	10	25
Соучастник	10	8	18
Организатор	5	4	9
Всего	30	22	52

Анализ сопряженности не показал статистически значимых зависимостей, для полноты модели экстремистского поведения необходимо иметь хотя бы обоснованные предварительные предположения о форме и направлении зависимостей. Отсутствие статистически значимых зависимостей между отдельными шкалами психодиагностики и самоидентификацией осужденных также создает проблему неопределённости системных зависимостей в психологии осужденных. Для решения этих проблем на следующем этапе исследования был проведён кластерный анализ. Он выполнил задачу создания комплексной типологии психологических факторов экстремизма у осужденных. Кластерный анализ позволил более глубоко понять взаимодействие различных личностных характеристик с выявленной идентичностью.

Вначале группирующая кластеризация признаков идентичности экстремистов («борцы», «защитники», «жертвы», «ищущие») и признаков-ролей («исполнитель», «соучастник», «организатор») в преступлении проводилась по методу Уорда для метрики Сити-Блок (рис. 4). Исполнители оказались более связаны с идентичностью «жертвы» и «ищущие», чем соучастники и организаторы, которые сильнее связаны с идентичностями «борцы» и «защитники».

Следует отметить, что кластеризация переменных – это разведочный метод, который всего лишь показывает тенденции в структуре данных, но не дает вероятностно доказуемых результатов. Выявленные тенденции дают основу для новых гипотез и выработки моделей и методик исследования схожих задач на схожих выборках. То, что исполнители преступлений скорее «жертвы и «ищущие», есть результат, интуитивно предполагаемый, но не обязательный и требующий дополнительных проверок. Декларируемые в анкетах интенции и мотивации до и после совершения преступления могут существенно отличаться. Однако провести опрос преступников воз-

можно только в местах заключения уже после совершенного преступления, отношение к которому уже, скорее всего, изменилось, как изменилась и ситуация (несвобода), в которой оказался преступник.

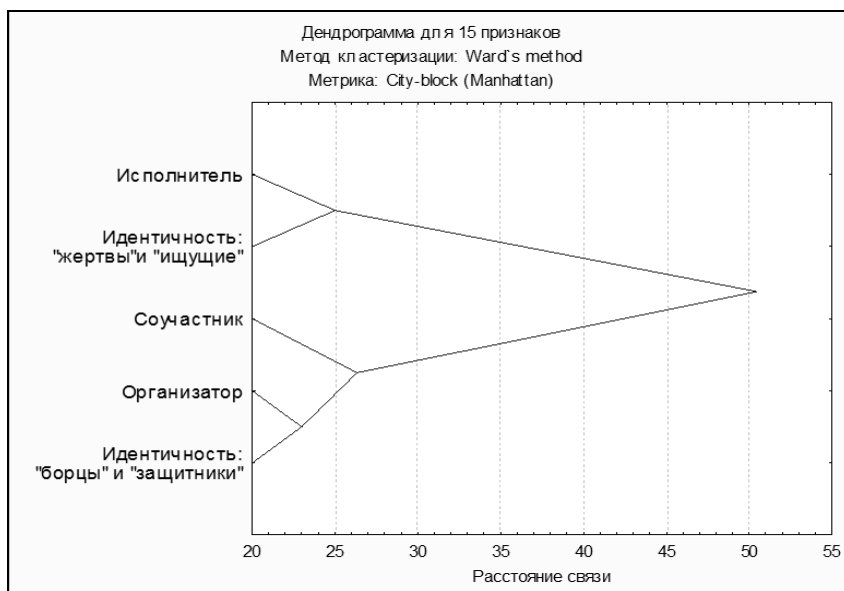

Рис. 4. Кластеризация признаков идентичности осужденных

Далее кластеризации подверглись все психодиагностические шкалы в выборке осужденных. Для выборки осужденных кластеризация проводилась отдельно для каждой из психодиагностических методик.

Кластеризация психодиагностических шкал проводилась по методу k -средних. Действие итерационного алгоритма таково, что он стремится минимизировать суммарное квадратичное отклонение точек кластеров от центров этих кластеров. Целью алгоритма является оптимальное «разбиение» всего набора объектов на k кластеров. Эта процедура будет перемещать объекты из одного кластера в другой, чтобы минимизировать внутрикластерную дисперсию и максимизировать межкластерную.

На рис. 5 визуализированы результаты кластеризации шкал ММРІ – Мини-мульти. Два кластера показывают наличие двух групп осужденных с более низкими (кластер 1) и повышенными (кластер 2) значениями шкал ММРІ. Причем по шкалам F и 9 (Ma) различия минимальны, т.е. они являются наименее дифференцирующими, а по шкалам 4 (Pd) и 8 (Se) – различия максимальны, т.е. эти шкалы лучше всего дифференцируют осужденных по психодиагностическим критериям.

На рис. 6 визуализированы результаты кластеризации шкал самодетерминации. Два кластера показывают наличие двух групп осужденных с более низкими (кластер 1) и повышенными (кластер 2) значениями авто-

номии и самовыражения. Существенных различий во вкладе шкал в разделение осужденных по кластерам не наблюдается.

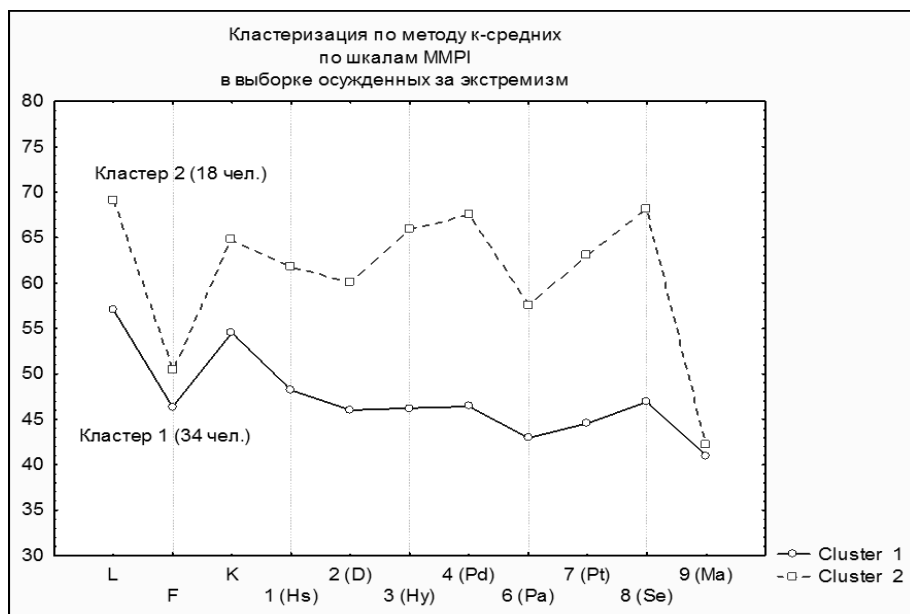

Рис. 5. Результаты кластеризации шкал MMPI

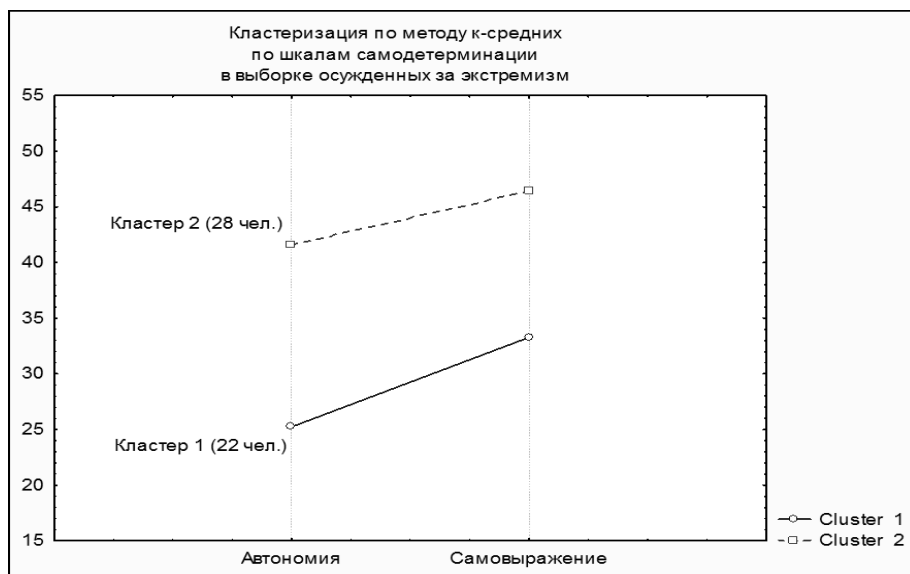

Рис. 6. Результаты кластеризации шкал самодетерминации

На рис. 7 визуализированы результаты кластеризации шкал методики «Культурно-ценностный дифференциал». Также выделилось два кластера с наиболее сильными отличиями, но отличия уже не по всем шкалам имеют однонаправленный характер (линии кластеров пересекаются). Кластер 1 имеет более высокие значения по шкалам «направленность на взаимодействие» и «сильный социальный контроль», и пониженные значения по шкалам «отвержение взаимодействия» и «слабый социальный контроль». Кластер 2 имеет соответственно противоположные характеристики. По остальным шкалам «Культурно-ценностного дифференциала» группирующих различий не наблюдается, в связи с чем кластер 1 назовем «социабельный», а кластер 2 – «антисоциальный».

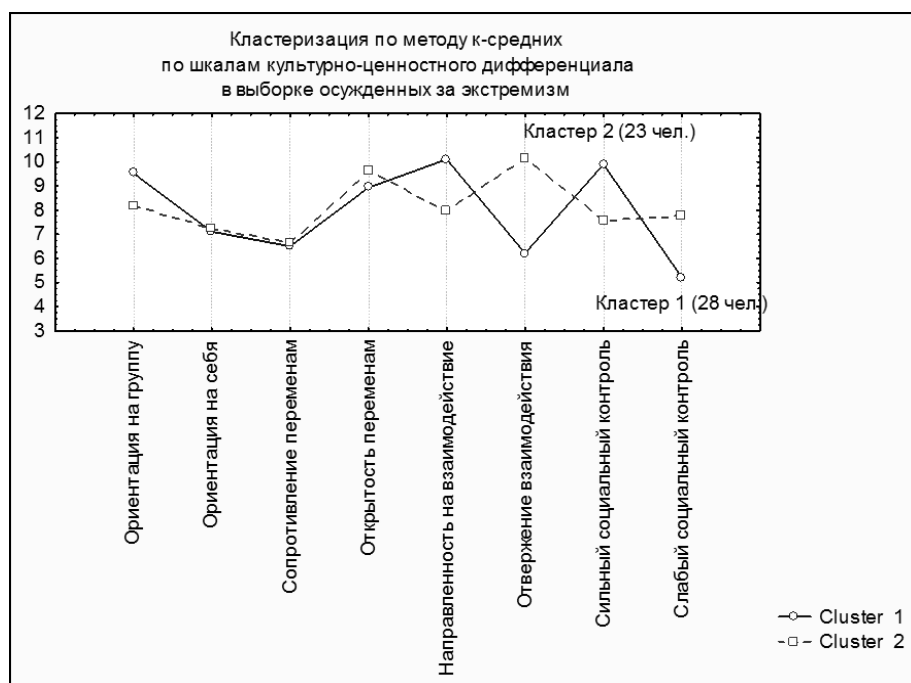

Рис. 7. Результаты кластеризации шкал методики «Культурно-ценностный дифференциал»

По шкалам мотивационной структуры наблюдается два кластера: кластер 1 – повышенные значения и кластер 2 – пониженные значения (рис. 8). Наименьшие различия между кластерами – по отношению к комфорту, наибольшие – по творческой активности.

По шкалам характерологии результаты схожи с тестом ММРІ. Выделилось также два наиболее отличающихся кластера – пониженных (кластер 1) и повышенных (кластер 2) значений (рис. 9). Причем по шкалам неустойчивости и коррекции различия минимальны, а по шкалам демонстративности и психастеничности – максимальны.

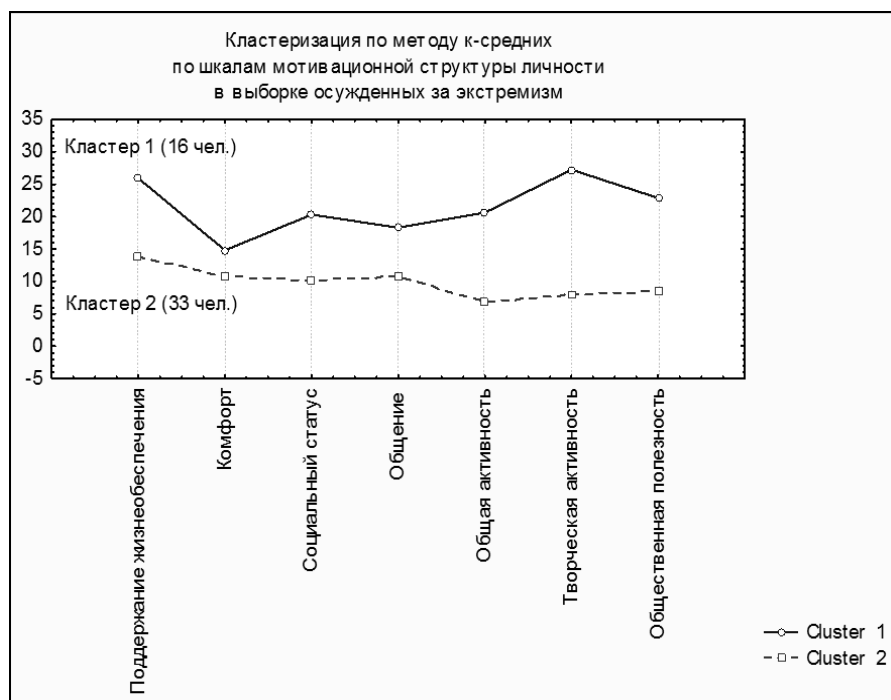

Рис. 8. Кластеризация шкал мотивационной структуры личности

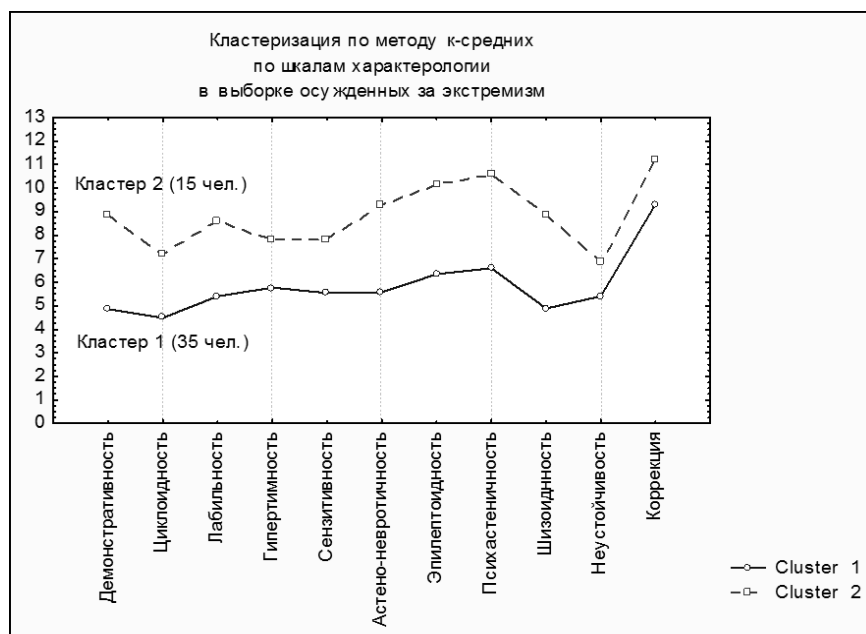

Рис. 9. Кластеризация шкал характерологического опросника

На следующем этапе анализа проверялась связь психодиагностических кластеров с кластерами самоидентификации. Группирующая кластеризация переменных позволила установить комплексные взаимосвязи переменных и создать тем самым психологическую типологию экстремистов. На рис. 10 показаны связи значений признака «роль в преступлении» со значениями принадлежности к психодиагностическим кластерам. Исполнители сильнее связаны с пониженной самодетерминацией, пониженной мотивацией, пониженными характерологическими шкалами и повышенными шкалами ММРІ, а также с «антисоциальной» культурно-ценностной ориентацией, что, в свою очередь, связано с их зависимой позицией в экстремистском сообществе. Организаторы и соучастники сильнее связаны с противоположным психологическим профилем: повышенной самодетерминацией, повышенной мотивацией, повышенными характерологическими шкалами и пониженными шкалами ММРІ и «социальной» культурно-ценностной ориентацией, что обуславливает их доминантную позицию в экстремистском сообществе.

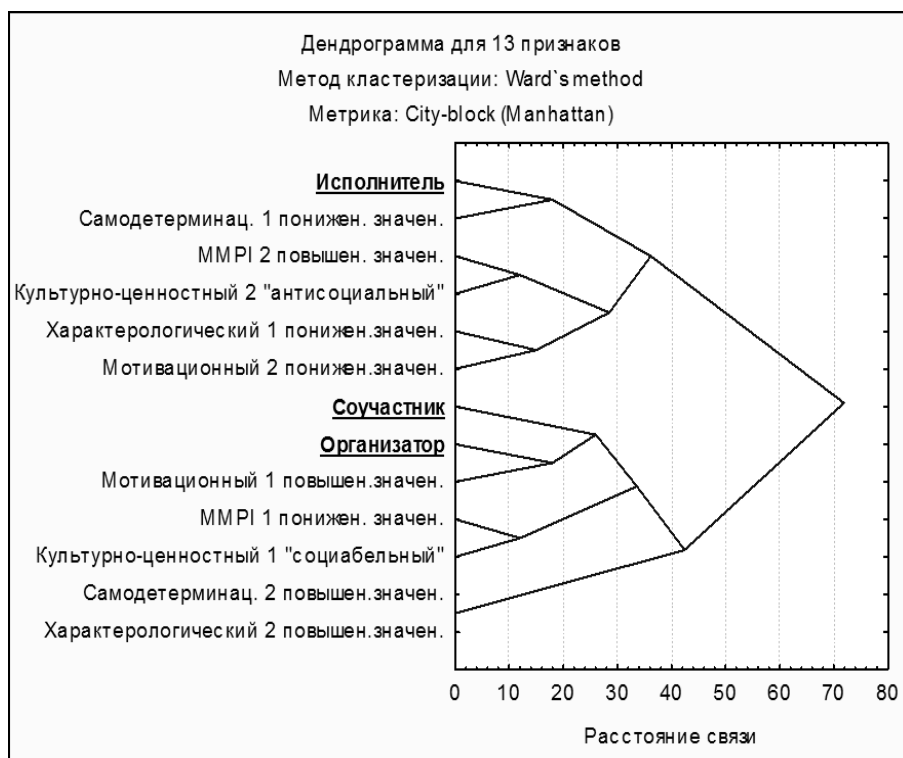

Рис. 10. Взаимосвязь признака «роль в преступлении» осужденных и психодиагностических кластеров

На рис. 11 показаны связи кластеров самоидентификации со значениями принадлежности к психодиагностическим кластерам. «Жертвы» и

«ищущие» сильнее связаны с пониженными шкалами ММРІ, с «социальной» культурно-ценностной ориентацией, с пониженной самодетерминацией и повышенной мотивацией. Кластеры «борцы» и «защитники» сильнее связаны с повышенными шкалами ММРІ, с «антисоциальной» культурно-ценностной ориентацией, повышенной самодетерминацией, пониженной мотивацией.

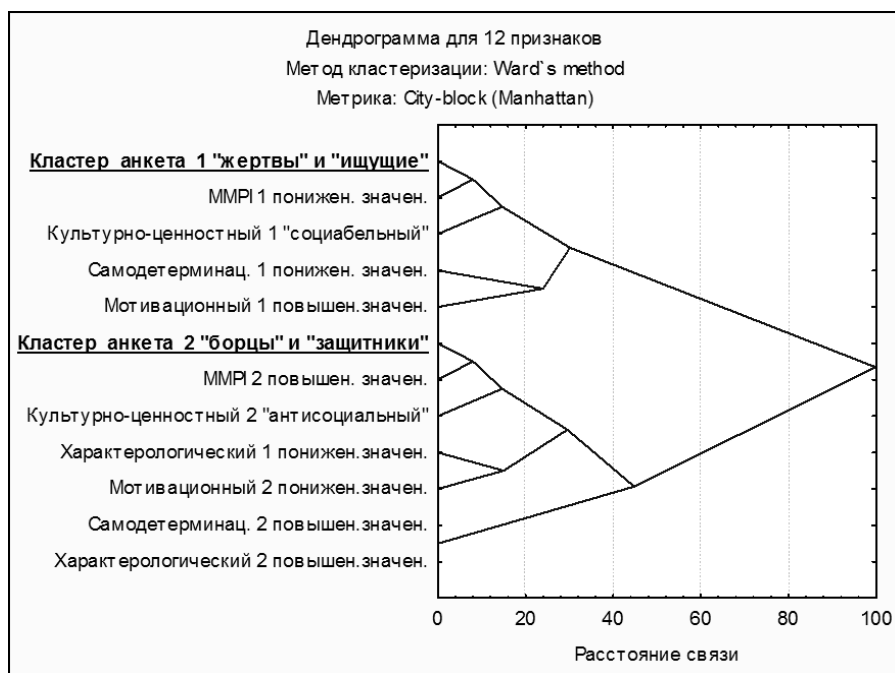

Рис. 11. Взаимосвязь кластеров самоидентификации осужденных и психодиагностических кластеров

Шкалы характерологии оказались наименее связанными с кластером «жертвы» и «ищущие». То есть характерологические свойства не служат достаточно значимыми показателями предрасположенности осужденных к той или иной идентификационной позиции по отношению к экстремизму. Характерология, независимо от её типа и степени выраженности, наиболее отчетливо характеризует тех, кто считает себя «борцами» и «защитниками», но не обуславливает принадлежность к данному виду идентичности.

Заключение

Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы:

1. Отсутствие у осужденных за экстремизм каких-либо сильно выраженных отклонений в психодиагностических профилях и взаимосвязях позволяет переосмыслить роль экстремизма как реального феномена со-

временности. Не решая вопрос о существовании каких-либо врожденных или приобретённых склонностей к экстремизму, мы предполагаем значительное влияние на проявления этого феномена культурно-средовых факторов, актуализирующих негативные личностные особенности в ситуации погружённости в криминогенную и идеологически ангажированную среду.

2. Комплексная типологизация осужденных (психологические характеристики самоидентификаций типа «жертвы», «ищущие», «борцы» и «защитники») позволяет описать групповой психологический портрет осужденных за экстремизм, который не менее важен в профилактической работе с молодёжью, чем учет индивидуально-психологических особенностей. Групповой портрет эмпирически конкретизируется через взаимосвязи эмоциональных, мотивационных, культурно-ценностных и самоидентификационных признаков. Противоречивое сочетание последних свидетельствует о неоднозначном соотношении трех составляющих экстремистского поведения – позиция в группе, роль в преступлении и личностные характеристики.

3. Эвристика многомерных методик открывает перспективы для углубления понимания экстремизма. Важное значение при изучении психологических факторов экстремизма приобретает аналогичное обследование молодежи как потенциальных реципиентов экстремистской идеологии. Молодежный контингент в своих декларациях, самопрезентации и самоотношении при тестировании более открыт, он не подвержен чувствам обиды, вины, стыда, сожаления, которые в той или иной степени присущи осужденным, и молодежь в меньшей степени подвержена страху за высказанное мнение, чем лица в местах заключения.

4. Агрегирование психодиагностических шкал в подсистемы посредством факторного анализа выявило, что в наибольшей степени на осужденных в изучаемой выборке влияют факторы «сглаживание психопатологической симптоматики» и «стремление к гармоничным отношениям», слабее – факторы «выраженность психопатологии» и «выраженность экстерналистности». Поиск связей между типами самоидентификации осужденных за экстремизм с влияющими на них психологическими факторами позволил установить, что фактор «сглаживание психопатологической симптоматики» слабее влияет на осужденных кластера «жертвы» и «ищущие», они более лабильны, чем осужденные кластера «борцы» и «защитники».

Изучение на студенческой выборке экстремистских интенций и психологических факторов, а также сравнение этих факторов с выборкой осужденных за экстремизм – это следующий этап исследования.

Литература

1. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юридический мир. 2008. № 6. С. 23–25.
2. Мещерякова Э.И., Бохан Т.Г., Ларионова А.В. Учет эвристик маргинальности в психокоррекционной работе с осужденными за экстремизм: антропологический подход // Сибирский психологический журнал. 2014. № 52. С. 104–114.

3. Мещерякова Э.И., Бочаров А.В., Ларионова А.В. Анализ представлений об экстремизме у осужденных по ст. 282 УК РФ с использованием метода многомерной социально-психологической классификации // *European Journal of Psychological Studies*. 2014. Т. 2, № 2. С. 36–46.
4. Cattell R.B. The scree test for the number of factors. *Multivariate Behavioral Research*. 1966. Vol. 1, No. 2. P. 245–276.

Статья представлена научной редакцией 23 декабря 2014 г.

Сведения об авторах:

БОЧАРОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск). E-mail: bav346@rambler.ru

МЕЩЕРЯКОВА Эмма Ивановна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры организационной психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: mei22@mail.ru

ЛАРИОНОВА Анастасия Вячеславовна, соискатель кафедры организационной психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: pavlova13@mail.ru

Siberian journal of psychology, 2015, 55, 107–122. DOI 10.17223/17267080/55/6

Aleksey V. Bocharov, Emma I. Meshcheryakova, Anastasiya V. Larionova

Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: bav346@rambler.ru; mei22@mail.ru; pavlova13@mail.ru

The multidimensional typology of the convicted of extremism based on the factor and cluster analysis of psychodiagnostics results

The paper presents the multivariate analysis of the psychodiagnostics results for the persons convicted of extremism. This analysis made it possible to develop the typology of the current extreme behavior patterns. The Survey covered 52 men convicted of terrorism and extremism who served their sentence in the punishment-oriented institution of the Tomsk Region.

The methods of the study include: 1) Mini-Mult Inventory (the short version of the Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI:) adapted by V.P. Zaitseva, 2004). 2) Personality Self-Determination Test (developed by B. Sheldon, adapted and modified by E.N. Osina, 2011.) 3) Diagnostics of the Motivated Personality Structure (V.E. Milman, 1990). 4) Cultural-Value Differential (G.U. Soldatova, I.M. Kuznetsov and S.V. Ryshova, 1998). 5) Meshcheryakova's Personality Inventory (1993).

As a result of the multivariate analysis, 4 factors were identified: Smoothening of Psychopathologic Symptomatology, Striving for Harmonious Relationships, Intensity of Psychopathology, and Intensity of Externality.

The next stage of the data analysis was to check dependency of each factor on the affiliation of the convicted to one of the self-identification clusters identified at the previous stage using the questionnaire on attitude to extremism. Such dependence was checked using the analysis of variance (ANOVA) with F-ratio test which identified two statistically significant relationships. Further, the authors' task was to develop the complex typology of psychological factors underlying extremism among convicted individuals. In order to accomplish this task, they used the cluster analysis which

allowed them to gain a deeper insight into interactions of different personality traits with the revealed identity of the convicted.

The multivariate analysis provided the following results:

1. The persons convicted of terrorism did not show any marked deviations in their psychodiagnostics profiles. Due to this, the authors suggest that the cultural environmental factors have the significant effect on this phenomenon by actualizing some negative personality features in the context of their absorption into the criminogenic and ideologically engaged environment.

2. The complex typology of the convicted persons (psychological characteristics of such self-identifications as "Victims", "Seekers", "Fighters" and "Defenders") was introduced to describe the group psychological portrait of the persons convicted of extremism which can be defined through interrelations of emotional, motivational, cultural-value, and self-identification attributes. The conflicting combination of the latter ones show the ambiguous relationship between three components of extreme behavior – position within a group, role in a crime and personality traits.

3. Heuristics of multivariate techniques opens the opportunities for deeper insight into the problem of extremism. The findings of the study will form the basis for developing psychological programs aimed at identifying and developing psychological resources which are necessary to efficiently counteract effects of extremist ideologies. These findings will be of theoretical value for the psychological science and of practical value for improving the current youth policy in the Russian Federation.

Keywords: young people; convicted of extremism; multidimensional analysis; typology of extreme behavior patterns.

References

1. Fridinskiy S.N. Molodezhnyy ekstremizm kak osobo opasnaya forma proyavleniya ekstremistskoy deyatel'nosti [Youth extremism as a particularly dangerous form of manifestation of extremist activity]. *Yuridicheskiy mir*, 2008, no. 6, pp. 23-25.
2. Meshcheryakova E.I., Bokhan T.G., Larionova A.V. Consideration of heuristics of marginality in psycho-corrective work with people convicted for extremism: an anthropological approach. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2014, no. 52, pp. 104-114. (In Russian).
3. Meshcheryakova E.I., Bocharov A.V., Larionova A.V. Analysis of Representations of Extremism from Convicted Under Art. 282 of the Code Using the Multidimensional Socio-Psychological Classification. *European Journal of Psychological Studies*, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 36-46. (In Russian).
4. Cattell R.B. The scree test for the number of factors. *Multivariate Behavioral Research*, 1966, vol.1, no. 2, pp. 245-276. DOI: 10.1207/s15327906mbr0102_10

Received: 23 December 2014

О.А. Браун, М.С. Яницкий

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Методика оценки репрезентации в массовом сознании базовых характеристик культурных типов по М. Мид

В контексте постнеклассической психологии проведен аналитический обзор типологий культуры. Дана социально-психологическая характеристика культурно-ценностных типов в моделях Дж. Таусенда и М. Мид, выделены общие и особенные характеристики данных типологических моделей. Представлены основные направления изучения особенностей восприятия культуры этнической общности, в качестве примера универсалистского подхода рассмотрена методика диагностики культурно-ценностных ориентаций Л.Г. Почебут, разработанная на основе теории Ф. Клакхон и Ф. Стробека и предназначенная для определения основных тенденций формирования и становления изучаемой культуры. Предложена авторская «Методика оценки репрезентаций базовых культурных характеристик», разработанная на основе типологической модели М. Мид с использованием аналогичного методического приема. Выделены универсальные характеристики восприятия культуры, позволяющие отнести ее к префигуративному, кофигуративному или постфигуративному типам: возрастной конформизм; локус контроля при планировании будущего; отношение к традициям; динамизм культуры и общества; межпоколенные отношения внутри семьи. Приведены результаты апробации предлагаемой методики и ее валидизации с использованием теста Л.Г. Почебут и методов диагностики временной перспективы личности. Показано наличие согласованности в описаниях своей этнической культуры по предлагаемой нами методике и методикам, имеющим близкую диагностическую направленность. В приложении приведен полный текст методики и ключ для ее обработки.

Ключевые слова: культурные типы; классификация культур М. Мид; социализация; временная перспектива; ценности; психодиагностика.

Введение

Одной из особенностей постнеклассической психологии является акцент на рассмотрении изучаемого феномена в его контексте, смещении исследовательской установки на анализ параметров социокультурной среды. Поэтому изучение закономерностей становления личности в процессе социализации, исследование личностной динамики, самореализации, жизнеосуществления и т.д. без учета культурной специфики социальной общ-

ности, без определения ее принадлежности к тому или иному типу культуры является неполным.

Говоря о типах культуры и соответствующих им системах ценностей, большинство исследователей оперируют в рамках исторической синтагмы «премодерн–модерн–постмодерн», описывая социально-психологические особенности традиционного, современного (модернистского) и постмодернистского обществ и аналогичные им типы культуры. Принято считать, что традиционное общество обладает широким кругом институтов и агентов социализации, в качестве которых выступают расширенная многопоколенная семья, соседи, друзья и т.д. Формируемая и поддерживаемая данными институтами система консервативных ценностей включает в себя уважение к старшим, коллективизм, чувство долга и т.п. Современному обществу свойственно существенное сокращение размера семьи, соответственно – уменьшение числа агентов семейной социализации, возрастание роли сверстников, школы. Характерна переориентация на современные или же либеральные ценности – независимость, индивидуальное благополучие, самореализацию, достижения, ответственность. Наконец, постмодернистскому обществу присуща дальнейшая трансформация процесса социализации, возрастающее влияние средств массовой коммуникации, прежде всего Интернета, формирующего фрагментарную картину мира, мозаичное сознание. Система ценностей при этом в определенной степени размывается, исчезают авторитеты, критерии «правильности» систем ценностей, этические стандарты ставятся под сомнение.

Подобная типология культур Дж. Таусенда основана на теории Ф. Клакхон и Ф. Стробебека и содержит представления о существовании традиционного, современного и динамически развивающегося культурно-ценностных типов, различающихся по временной направленности. Традиционная культура в его модели характеризуется ориентацией людей на прошлое. Не допускается внутренняя свобода человека, его деятельность строго регламентирована традициями, за мыслями и поступками осуществляется строгий постоянный надзор со стороны ближайшего социального окружения. Современная культура отличается ориентацией людей на настоящее. Отношения между людьми определяются их статусом и ролью в социальной системе. Общество стремится регулировать поведение человека посредством морали, этических норм и правил. Динамически развивающаяся культура характеризуется ориентацией людей на будущее. Культивируются самостоятельность, независимость от социального окружения, признается значимость индивидуальных интересов и ценностей. Основу социального контроля составляет не мораль, а законность [1].

М. Мид в процессе своих исследований особенностей межпоколенных отношений, типов семейных отношений и темпов общественного развития также разработала свою типологию культур, которая в настоящее время является одной из наиболее известных. В общем виде М. Мид различает в истории человечества три типа культур – постфигуративную, ко-

фигуративную и префигуративную, которые, в свою очередь, различаются ориентацией на прошлое, настоящее или будущее [2]. При этом акцент делается на роли отдельных поколений в трансляции ценностей и других составляющих данных типов культуры. Постфигуративная культура отличается ориентацией на традиции и старшее поколение, кофигуративная – на современность и сверстников, префигуративная – на будущее и на молодежь, которая выступает моделью поведения для старшего поколения. Данные классификации имеют ряд общих характеристик, но тем не менее они не идентичны. В основе типологии Дж. Таусенда, Ф. Клакхон и Ф. Стротебека лежат особенности культурных ценностных ориентаций по отношению ко времени, природе, человеческой натуре, другим людям и деятельности, а в основе классификации М. Мид – связанная с этими характеристиками специфика социализации и межпоколенных отношений.

Материалы и методики исследования

Как следует из приведенных описаний, каждая культура обладает некоторыми специфичными характеристиками, на основе которых она может быть отнесена к определенному типу. Однако методик, определяющих репрезентации некоторых культурных универсалий в сознании людей и на основе этого позволяющих определить, к какому типу относится данная культура, крайне мало. При изучении особенностей восприятия культуры этнической общности можно пойти несколькими путями. Например, можно воспользоваться методологией, принятой в рамках культурной антропологии, и погрузиться в культуру, «прочувствовать» ее особенности на себе, а потом описать, используя культурно-специфичные термины и понятия. Можно провести исследование с применением качественных методов, это могут быть фокус-группы, метод анализа продуктов деятельности и др. Или же можно попытаться выделить некоторые относительно универсальные характеристики культуры, насколько это возможно формализовать их и спросить людей: присутствует такая характеристика в культуре этнической общности, к которой они относятся? Подобный прием был положен, в частности, в основу «Теста культурно-ценностных ориентаций» Л.Г. Почебут. Данная методика разработана на основе теории Ф. Клакхон и Ф. Стротебека и предназначена для определения «основных тенденций формирования и становления изучаемой культуры» [3. С. 245]. При разработке теста автор опиралась на пять основных общечеловеческих проблем, на решение которых, по мнению Ф. Клакхон и Ф. Стротебека, направлена любая культура:

- 1) отношение человека ко времени;
- 2) отношение к природе и «сверхприродному»;
- 3) отношение людей к человеческой натуре;
- 4) отношение к другим людям;
- 5) направленность деятельности человека.

В результате был составлен тест, состоящий из трех утверждений, относящихся к каждому положению. Выбор одного из утверждений как

наиболее подходящего для данной культуры в итоге позволяет говорить о тенденции в принадлежности изучаемой культуры к одному из трех типов: традиционная, современная либо динамично развивающаяся культура.

Что касается методик, где за основу берется типология культур М. Мид, то можно констатировать, что таковых либо нет вообще, либо они малоизвестны и не доступны широкой научной общественности. В этой связи мы разработали собственную методику оценки типа культуры, взяв за основу выделения оцениваемых культурных характеристик классификацию культур М. Мид. Опираясь на методический прием, использованный Л.Г. Почебут, мы разработали аналогичную «Методику оценки репрезентаций базовых культурных характеристик». Исходя из описания характеристик префигуративного, кофигуративного и постфигуративного типа нами были выделены некоторые универсальные характеристики культуры:

1) возрастной конформизм (степень влияния мнения старших на решения, принимаемые молодежью);

2) локус контроля при планировании будущего (на кого ориентируется человек при проектировании жизненных планов: на сверстников, на представителей старшего поколения; на будущее);

3) отношение к традициям;

4) динамизм культуры и общества;

5) межпоколенные отношения внутри семьи.

Далее был сформулирован ряд утверждений, отражающих, как данная культурная характеристика представлена в культуре разных типов. В результате получилось 6 блоков утверждений. Респондентам предлагалось оценить, какое из утверждений они считают наиболее подходящим для культуры этнической общности, к которой они себя относят. Полный текст методики представлен в приложении. В процессе обработки оценивалось, к какому из типов культур – префигуративной, кофигуративной или постфигуративной – относят респонденты оцениваемую культуру по данной характеристике. Культура рассматривалась нами как относящаяся к определенному типу, если большинство ответов респондентов совпадали с характеристиками данного типа. Методика содержит 6 утверждений, фактически это означает следующие сочетания ответов: все типы культур – по 2 утверждения (смешанный тип); два типа культур – по 3 утверждения (смешанный тип); все остальные варианты (3/2/1; 4/1/1; 5/1; 6/0) предполагают доминирование в описании культуры характеристик определенного типа. Наличие в описании культуры характеристик разных блоков может быть вызвано разными причинами, например действительно имеющей место ситуацией «перехода» культуры из одного типа в другой, смешением культур, личностными особенностями, спецификой методики и ситуации опроса и т.д. Чтобы определить, с чем именно мы имеем дело в данном случае, потребуются неоднократные повторные исследования. Поэтому в данной работе мы рассмотрим смешанные типы обобщенно, не анализируя их содержательную специфику.

Результаты исследования и обсуждение

Поскольку описываемая методика носит скорее качественный характер, говорить о ее надежности и валидности можно только условно. Тем не менее мы попытались произвести первичную оценку предлагаемой методики. Для этого посредством Интернета был проведен опрос респондентов разного пола и этнической принадлежности. Всего в опросе приняли участие 249 человек, из них 172 человека (69%) русские, 28 (11%) буряты, 23 (9%) украинцы, оставшиеся 26 человек (11%) – представители различных национальностей (аварцы, алтайцы, армяне, греки, китайцы, татары, телеуты, тувинцы и др.). В данном случае мы не стремились достичь репрезентативности выборки или же равной представленности этнических групп, этнокультурная неоднородность испытуемых имела целью обеспечить максимальное разнообразие культурных типов. Для оценки респондентам предлагалась культура, в которой они воспитывались.

Как следует из полученных нами результатов, 24% опрошенных отнесли свою культуру к постфигуративному типу, 59,4% – к кофигуративному, 5,2% – к префигуративному, 11,3% – к смешанным типам. Таким образом, респонденты были в целом достаточно единодушны в оценке своей этнической культуры. Подавляющее большинство считают, что культура, в которой они воспитывались, ориентирована на современность, имеется некоторый «разрыв» в межпоколенных взаимоотношениях (в первую очередь с прародителями), культура и общество развиваются достаточно динамично, большую роль в социализации играют средства массовой коммуникации и различные субкультуры. В данном случае сложно оценить, насколько это соответствует действительности, важно, что сами носители культуры воспринимают ее именно таковой.

Что касается валидности, то, как уже упоминалось, оценить валидность методик подобного типа достаточно трудно. Кроме того, ее оценку затрудняет отсутствие (или малая известность) других методик, позволяющих оценить те же характеристики. Однако в некоторой мере мы все-таки попытались оценить то, что в психодиагностике иногда называется конструктивной валидностью. Поскольку в типах, выделяемых М. Мид и Л.Г. Почебут, есть сходные характеристики (динамизм, отношение ко времени, отношение к другим людям), одновременно со своей методикой мы проводили опрос и по «Тесту культурно-ценностных ориентаций».

По тесту Л.Г. Почебут свою культуру отнесли к традиционной 11,6%, к современной – 43,4%, к динамично развивающейся – 10%, к смешанной – 35% опрошенных. Соответственно в данном случае респонденты оказались не столь единодушны. Тем не менее большинство считают, что культура их этнической группы характеризуется ориентацией на современность, некоторой формализацией межличностных контактов, влиянием на жизненные планы мнения семьи и референтной малой группы. Таким образом, если соотнести два этих описания, то просматриваются явные

параллели, в первую очередь в оценке динамизма и того, что мы условно можем назвать «временным локусом культуры».

Для более детальной оценки степени соответствия описаний культуры, полученных по этим двум методикам, мы проанализировали распределение типов по классификации Таусенда (методика Почебут) среди групп респондентов, отнесших свою культуру к тому или иному типу по классификации М. Мид (наша методика) (табл. 1.) Согласно полученным результатам ни один из опрошенных, охарактеризовавших свою этническую культуру по нашей методике как префигуративную, не отнес ее к традиционным культурам. И это вполне предсказуемо, учитывая, что характеристики этих культурных типов во многом противоположны. В то же время количество респондентов, отнесших свою культуру к динамически развивающимся, последовательно растет от постфигуративного к префигуративному типу. Этот результат тоже вполне понятен, учитывая, что именно префигуративная культура, по Мид, является ориентированной на будущее, как и динамически развивающаяся у Таусенда. А вот преобладание респондентов, оценивающих свою культуру как традиционную среди тех, кто по нашей методике охарактеризовал ее как кофигуративную, по сравнению с теми, кто отнес к постфигуративному типу, объяснить в рамках данного исследования затруднительно. Вариантов таких объяснений может быть несколько: в частности, явное количественное доминирование респондентов, отнесших культуру к кофигуративному типу; неполное совпадение оснований для типологизации культур в классификациях Мид и Таусенда; момент «перехода» культуры от одного типа к другому, когда по каким-то характеристикам ценности уже трансформировались, а по другим – доминируют традиционные, и т.д. Подтвердить наши предложения (или позволить сформулировать новые) могут повторные исследования.

Таблица 1

Распределение культурных типов по методике Л.Г. Почебут (классификация Таусенда) в группах респондентов с различным восприятием культуры по предлагаемой нами методике (классификация М. Мид), %

Тип культуры по предлагаемой нами методике	Тип культуры по методике Л.Г. Почебут			
	Традиционная	Современная	Динамично развивающаяся	Смешанные
Постфигуративная (n = 59)	10,17	54,24	1,69	33,90
Кофигуративная (n = 149)	14,77	38,26	12,08	34,90
Префигуративная (n = 13)	0,00	46,15	15,38	38,46

Для оценки валидности предлагаемой методики использовалась также модифицированная нами методика Р. Инглхарта, позволяющая установить принадлежность к одному из трех типов ценностных систем [4]. Это связано с тем, что выделенным нами культурно-ценностным типам

(адаптирующемуся, социализирующемуся и индивидуализирующемуся) также соответствует различная временная направленность – доминирование ценностей адаптации, социализации или индивидуализации в определенной степени отражает ориентацию человека на прошлое, настоящее или будущее соответственно. В нашем исследовании к адаптирующемуся ценностному типу было отнесено 10,4% опрошенных, к социализирующемуся – 33,7%, к индивидуализирующемуся – 22,1%, к промежуточному – 33,7% респондентов.

Как следует из полученных нами результатов, типы культур по М. Мид характеризуются определенными различиями ценностной структуры (табл. 2). Так, оказавшийся наиболее распространенным тип культуры – кофигуративная – отличается наименьшей долей неопределившихся в ценностном отношении, а также самой высокой распространенностью социализирующегося типа. Среди отнесенных к постфигуративной, кофигуративной и префигуративной культурам (по М. Мид) последовательно снижается процент ориентирующихся на ценности индивидуализации, т.е. на высшие, бытийные ценности. Одновременно от постфигуративного к префигуративному типам культур последовательно увеличивается доля представителей адаптирующегося типа, характеризующегося нереализованностью значимых ценностей и соответственно ориентацией на дефицитарные ценности. При этом наименьший процент адаптирующегося типа и, напротив, максимальный процент индивидуализирующегося типа свойственны смешанным типам культуры.

Таблица 2

Распределение культурно-ценностных типов по модифицированной методике Р. Инглхарта в группах респондентов с различным восприятием культуры по предлагаемой нами методике (классификация М. Мид), %

Тип культуры по предлагаемой нами методике	Культурно-ценностные типы по модифицированной методике Р. Инглхарта			
	А	С	И	П
Постфигуративная (n = 59)	11,9	27,1	23,7	37,3
Кофигуративная (n = 149)	10,1	36,2	22,8	30,9
Префигуративная (n = 13)	30,8	7,7	7,7	53,8

Примечание. А – адаптирующийся, С – социализирующий, И – индивидуализирующий, П – промежуточный ценностный тип.

Как отмечает А.В. Серый, особенности культурно-исторических условий, социальный контекст ситуации задают специфику переживания времени, проявляясь определенным состоянием, выражающим отношение индивида к смыслам прошлого, настоящего и будущего [5]. В связи с тем, что типы культуры в модели М. Мид имеют различия во временной ориентации, для валидации предлагаемой нами методики использовались и методы диагностики временной перспективы личности, в частности методика Ф. Зимбардо по временной перспективе (Zimbardo Time Perspective Inventory – ZTPI) в модификации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой,

О.В. Митиной [6], а также методика «Семантический дифференциал времени» (СДВ) Л.И. Вассермана, Е.А. Трифионовой, К.Р. Червинской [7].

Полученные нами ранее данные продемонстрировали наличие определенных различий временной перспективы у отдельных культурно-ценностных типов [8, 9]. Как следует из полученных нами результатов, показатели по факторам ZTPИ у типов культуры по М. Мид (табл. 3) свидетельствуют о тенденции к ориентации всех типов на позитивное прошлое, гедонистическое настоящее и будущее. Тем не менее между представителями разных культурных типов здесь обнаруживаются некоторые различия: так, оценки по фактору «Гедонистическое настоящее» у представителей кофигуративного типа культуры значимо отличаются от респондентов, отнесших свою культуру к другим типам. Для кофигуративного типа культуры характерна ориентация на современников, т.е. на настоящее, с этим, видимо, связаны и выявленные нами отличия. Вполне объяснима, в контексте описанных выше общих культурных особенностей, и несколько более высокая оценка «Позитивного прошлого» у представителей постфигуративной культуры, ориентированных на старшее поколение и традиции (кстати, эта оценка максимальная из всех полученных). Обнаруженные у представителей этого же типа самые высокие оценки будущего требуют дополнительного исследования. Возможно, здесь речь идет об уверенности в будущем, которую дают опора на традиции и ощущение неизменности общества, свойственные представителям культур данного типа, когда прошлое взрослых является вполне пригодной схемой будущего для их детей.

Таблица 3

**Данные по факторам ZTPИ у типов культуры по М. Мид
в предлагаемой нами методике**

Факторы ZTPИ	Тип культуры по предлагаемой нами методике			Различия при $p < 0,05$ в парах
	Постфигуративная	Кофигуративная	Префигуративная	
Негативное прошлое	2,87	2,76	2,85	
Позитивное прошлое	3,70	3,63	3,31	
Гедонистическое настоящее	3,08	3,30	2,98	1–2; 2–3
Фаталистическое настоящее	2,73	2,66	2,91	
Будущее	3,55	3,45	3,17	

Практически по всем факторам СДВ у всех типов культур, выделенных М. Мид, в отношении настоящего, прошлого и будущего получены положительные значения (за исключением параметра «Ощущаемость времени» при оценке прошлого у представителей префигуративной культуры) (табл. 4). Статистически значимые различия выявлены по параметру «Активность времени» в оценке настоящего представителями постфигуративных и кофигуративных культур, что вполне объясняется более выраженной ориентацией последних на современность. В то же время представите-

ли постфигуративных культур имеют наиболее высокие средние оценки будущего и настоящего, а вот в оценке прошлого по всем параметрам баллы выше у представителей кофигуративных культур. Выше нами уже высказывалось предположение, объясняющее высокую оценку будущего представителями постфигуративных культур. Полагаем, оно вполне применимо и к настоящему. Что же касается более высоких оценок прошлого представителями культур кофигуративного типа, то в качестве возможного объяснения следует рассматривать особенности классификации культур М. Мид, когда культурные типы выделяются не столько на основе ориентации на прошлое, настоящее или будущее, сколько по признаку значения для моделирования жизненного пути предков, сверстников и потомков.

Т а б л и ц а 4

**Данные по факторам СДВ у типов культуры по М. Мид
в предлагаемой нами методике**

Факторы СДВ	Тип культуры			Различия при $p < 0,05$ в парах
	Постфигура- тивная	Кофигуратив- ная	Префигура- тивная	
Настоящее				
Активность времени	2,47	4,42	4,46	1–2
Эмоциональная окраска времени	8,25	7,25	6,15	
Величина времени	7,03	6,74	5,08	
Структура времени	5,14	4,04	2,62	
Ощущаемость времени	5,81	5,16	5,62	
Средняя величина оценки времени	5,74	5,52	4,78	
Прошлое				
Активность времени	0,61	1,99	2,15	
Эмоциональная окраска времени	4,59	6,00	2,38	
Величина времени	4,31	6,18	4,38	
Структура времени	1,07	2,53	0,38	
Ощущаемость времени	1,41	1,89	-0,85	
Средняя величина оценки времени	2,40	3,72	1,69	1–2
Будущее				
Активность времени	1,42	2,77	1,31	
Эмоциональная окраска времени	11,08	9,54	6,85	1–2; 1–3
Величина времени	10,19	10,27	9,08	
Структура времени	6,56	6,44	5,00	
Ощущаемость времени	5,51	3,55	5,69	1–2
Средняя величина оценки времени	6,95	6,51	5,58	

Одной из парадоксальных особенностей кофигуративного типа культуры является снижение значения родителей в выборе жизненного

пути, но при этом усиление роли бабушек и дедушек, поскольку связь с ними носит эмоциональный характер. Грубо говоря, проживающие отдельно представители старшего поколения не пытаются привить внукам свое отношение к жизни, свой стиль поведения, поэтому эмоциональные связи с ними не нарушаются. То есть в качестве гипотезы мы можем предположить, что в высоких оценках прошлого представителями кофигуративных культур нашло свое отражение их отношение к собственным предкам.

В целом, обобщая полученные результаты по тестам ZTPИ и СДВ, мы можем констатировать, что существует взаимосвязь типа культуры и специфики субъективного восприятия времени, что представляется вполне закономерным, поскольку типология культур М. Мид составлена с учетом такого параметра, как отношение ко времени (ценность времени и т.п.).

Выводы

Итак, полученные результаты позволяют утверждать о наличии согласованности в описаниях своей этнической культуры, которое респонденты делали по предлагаемой нами методике и методикам, имеющим близкую диагностическую направленность (тест Л.Г. Почебут, модифицированная методика Р. Инглхарта), а также о соответствии ощущения принадлежности к тому или иному культурному типу и особенностей временной перспективы личности по тестам ZTPИ и СДВ. Эти соответствия позволяют вполне обоснованно полагать, что предложенная «Методика оценки репрезентаций базовых культурных характеристик» является достаточно корректной для использования в социально-психологических и кросс-культурных исследованиях.

Дальнейшее совершенствование и расширение интерпретации предлагаемой нами методики может осуществляться в различных направлениях. Так, обработка результатов предлагаемой методики в виде подсчета количества респондентов, считающих тот или иной культурный тип доминирующим, является лишь одним из возможных вариантов. Если целью исследователя является изучение восприятия определенной культуры, можно подсчитать не процентное распределение респондентов, а количество утверждений (по всей выборке), относящихся к характеристике того или иного типа. Например, при опросе 100 респондентов вы получаете 600 утверждений, далее можно определить, сколько из них является характеристиками постфигуративного, кофигуративного и префигуративного типов культур. При таком варианте не будет смешанных типов. Еще одним плюсом является возможность содержательного анализа выбранных респондентами характеристик. То есть мы можем посмотреть, по какой именно универсальной культурной характеристике наблюдается наибольшее единодушие. На наш взгляд, вполне вероятным является вариант, когда респонденты относительно единодушно отмечают в своей культуре наличие «возрастного конформизма» и при этом реже отмечают ориента-

цию на старших при планировании семьи и т.д. Данный способ обработки может использоваться, если целью исследования является изучение представленности тех или иных базовых характеристик определенной культуры в массовом сознании.

Объективно оценить практическую применимость, надежность и валидность предлагаемой методики и репрезентативности полученных с ее помощью данных помогут дальнейшие массовые исследования. В этой связи мы искренне надеемся, что разработанная нами «Методика оценки репрезентаций базовых культурных характеристик» будет полезна и другим исследователям.

Приложение

Бланк «Методики оценки репрезентаций базовых культурных характеристик»

Инструкция. Отметьте, пожалуйста, то утверждение в каждом разделе, которое наилучшим образом описывает культурную ориентацию Вашего народа. При этом постарайтесь вспомнить, чему Вас учили Ваша семья, школа, религия. Просьба при ответе не руководствоваться Вашими современными взглядами в том случае, если они отличаются от того, чему Вас учили.

1. В моей культуре:

А) для молодежи мнение представителей старшего поколения считается наиболее правильным;

В) молодежь в своих решениях ориентируется как на мнение старших, так и на мнение сверстников;

С) представители старшего поколения прислушиваются к мнению молодежи.

2. В моей культуре, выбирая свое будущее:

А) дети ориентируются на мнения и опыт родителей;

В) дети ориентируются на ценности своих сверстников;

С) дети ориентируются на перспективу и собственное творчество.

3. Свою жизнь молодое поколение стремится прожить:

А) так же, как родители;

В) следуя своим собственным планам;

С) ориентируясь на неизвестное будущее.

4. Обычаи и традиции в моей культуре:

А) мало изменились со времен бабушек и дедушек;

В) преимущественно свои у каждого поколения;

С) не имеют особого значения, главное в культуре – инновации.

5. Жизнь молодого поколения в моей культуре:

А) почти полностью повторяет опыт родителей;

В) радикально отличается от жизни родителей, что может приводить к конфликтам;

С) является образцом для старших, так как ориентирована на будущее.

6. Для большинства семей в моей культуре характерна:

А) тесная связь между поколениями «дети – родители – бабушки, дедушки», причем старшее поколение доминирует;

В) нуклеарная структура (два поколения «родители – дети») с выраженной разницей между поколениями, но старшее поколение сохраняет влияние на молодежь;

С) «разрыв» поколений, причем зачастую отношения детей лучше с бабушками и дедушками, чем с собственными родителями.

Ключ

Вопрос	Постфигуративная	Кофигуративная	Префигуративная
1	А	В	С
2	А	В	С
3	А	В	С
4	А	В	С
5	А	В	С
6	А	В	С

Литература

1. Сонин В.А. Тест культурно-ценностных ориентаций (Дж. Таусенд, вариант Л.Г. Почебут) // Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб., 2004. С. 212–215.
2. Культурная антропология / под ред. С.А. Арутюнова, С.И. Рыжакова. М., 2004. 216 с.
3. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учеб. пособие. СПб. : Питер, 2012. 336 с.
4. Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.
5. Серый А.В. Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов // Сибирская психология сегодня : сборник научных трудов. Кемерово, 2004. Вып. 2. С. 4–13.
6. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 85–105.
7. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Червинская К.Р. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии: пособие для врачей и медицинских психологов. СПб., 2009. 44 с.
8. Проконич О.А., Яницкий М.С., Браун О.А. Особенности временной перспективы различных культурно-ценностных типов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 1, № 4 (52). С. 190–197.

9. Яницкий М.С., Серый А.В., Проконич О.А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ (Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр»). Серия: Гуманитарные науки (г. Петропавловск-Камчатский). 2012. № 2 (20). С. 175–180.

Статья представлена научной редакцией 18 декабря 2014 г.

Сведения об авторах:

БРАУН Ольга Артуровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета (Кемерово). E-mail: braun_olgha@mail.ru

ЯНИЦКИЙ Михаил Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета (Кемерово). E-mail: dekanspf@kemsu.ru

Siberian journal of psychology, 2015, 55, 123–136. DOI 10.17223/17267080/55/7

Olga A. Brown, Mikhail S. Yanitskiy

Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: braun_olgha@mail.ru; dekanspf@kemsu.ru

The method of assessment of representation in the mass consciousness of the basic characteristics of cultural types by M. Mead

In the context of post-non-classical psychology comparative social and psychological characteristics of type of cultural values in models by J. Thousand and M. Mead was performed; general and special characteristics of the data of typological models were allocated. In particular, it is shown that in the basis of the typology by J. Thousand, based on the theory of F. Kluckhohn and F. Strodtbeck, there are features of cultural value orientations in relation to the time, nature, human nature, other people and activities and in the basis of the M. Mead's classification – there are a specific character and inter-generational relations associated with these characteristics.

The article presents the main directions of the study of cultural perception of an ethnic community, involving the allocation of some relatively universal cultural characteristics and maximum formalization that allows to find out from the respondents whether there is such a feature in the culture of an ethnic community to which they belong. As an example of such a universalistic approach the diagnostic technique of cultural value orientations by L. Pochebut was examined. This technique was developed based on the theory of F. Kluckhohn and F. Strodtbeck and was designed to determine the key trends of formation and becoming of the studied culture.

The authors suggested his original «Method of assessment of representations of the basic cultural characteristics», developed on the basis of the typological model by M. Mead using similar methodological approach. The article present the following common characteristics of the perception of culture that can refer it to prefigurative, cofigurative or postfigurative types: age conformism; locus of control in planning the future; respect for the traditions; dynamism of culture and society; inter-generational relationships within the family. The authors present the results of the approbation of the proposed method and the evaluation of its construct validity with the use of the L. Pochebut's test, the modified method of R. Inglehart, allowing us to set the reference to the value types, focusing on the values of adaptation, socialization and indi-

vidualization, as well as methods of diagnostics the temporal perspective of an individual (Zimbardo Time Perspective Inventory - ZTPI; test «Semantic time differential»). The presence of consistency in the descriptions of their ethnic culture with the use of our proposed method and techniques of similar diagnostic methods is statistically confirmed. On the basis of the obtained results the conclusion is made about the correctness of the proposed “Method for the assessment of representations of the basic cultural characteristics” in the social and psychological and cross-cultural studies. The Appendix contains the full text of the test and the key for its processing.

Keywords: cultural types; cultures classification by M. Mead; socialization; time perspective; values; psychodiagnostics.

References

1. Sonin V.A. *Psikhodiagnosticheskoe poznanie professional'noy deyatel'nosti* [The psychodiagnostic knowledge of professional activity]. St. Petersburg: Rech Publ., 2004. 408 p.
2. Arutyunov S.A., Ryzhakov S.I. (ed.) *Kul'turnaya antropologiya* [The cultural anthropology]. Moscow: Ves Mir Publ., 2004. 216 p.
3. Pochebut L.G. *Kross-kul'turnaya i etnicheskaya psikhologiya* [Cross-cultural and ethnic psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2012. 336 p.
4. Yanitskiy M.S. *Tsennostnoe izmerenie massovogo soznaniya* [The value dimension of mass consciousness]. Nvosibirsk: SB RAS Publ., 2012. 237 p.
5. Seryy A.V. *Strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki sistemy lichnostnykh smyslov* [Structural and substantive characteristics of the system of personal meanings]. In: Gorbato-va M.M., Seryy A.V., Yanitskiy M.S. *Sibirskaya psikhologiya segodnya* [Siberian psychology today]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2004, pp. 4-13.
6. Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V. Metodika F. Zimbardo po vremennoy perspektive [The methodology of F. Zimbardo in the temporary term]. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2007, no. 1, pp. 85-105.
7. Wasserman L.I., Trifonova E.A., Chervinskaya K.R. *Semanticheskii differentsial vremeni: ekspertnaya psikhodiagnosticheskaya sistema v meditsinskoj psikhologii* [Semantic differential of time: an expert psychodiagnostic system in medical psychology]. St. Petersburg, 2009. 44 p.
8. Prokonich O.A., Yanitskiy M.S., Braun O.A. Peculiarities of temporal perspective of different cultural and values types. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2012, no. 4 (52), pp. 190-197. (In Russian).
9. Yanitskiy M.S., Seryy A.V., Prokonich O.A. Osobennosti vremennoy perspektivy lichnosti predstaviteley razlichnykh tsennostnykh tipov massovogo soznaniya [The time perspective of representatives of various value types of the mass consciousness]. *Vestnik KRAUNTs (Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii “Uchebno-nauchnyy tsentr”)*. *Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2 (20), pp. 175-180.

Received: 18 December 2014